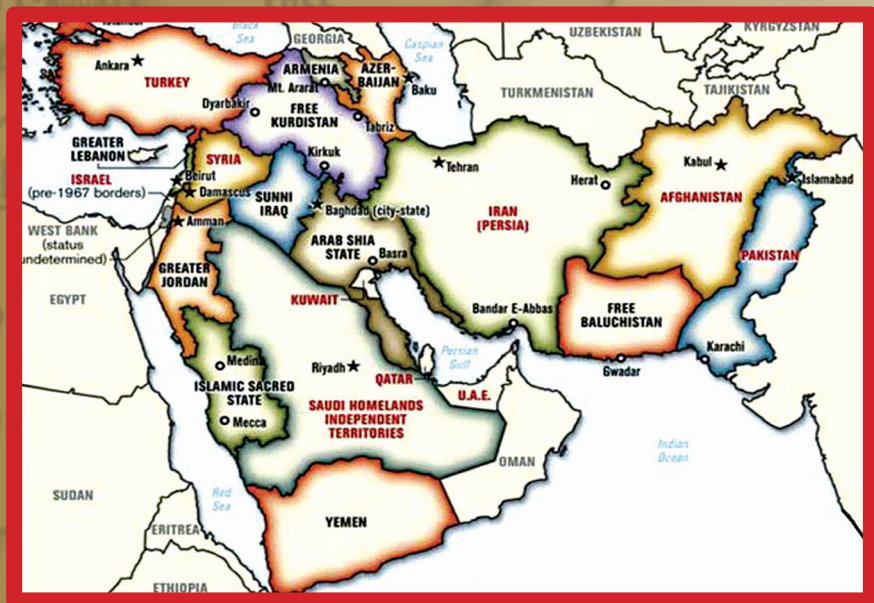
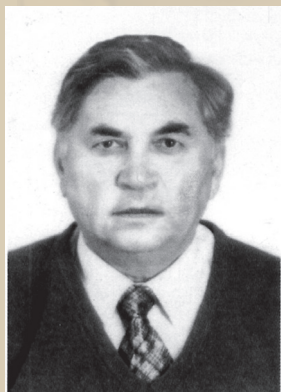

Шарипов У. З.

Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии

Москва, 2013

Шарипов Урал Зиятудинович, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, родился в городе Ленинграде 6 мая 1937 года. Детство и юность провел в городе Ташкенте. Там же окончил среднюю общеобразовательную школу и историческое отделение восточного факультета Ташкентского государственного университета по специальности «востоковед-страновед». По окончании был рекомендован в аспирантуру Института востоковедения АН

СССР (г. Москва).

Защитил последовательно диссертации по проблемам современного БСВ на звание кандидата экономических наук и доктора политических наук.

Шарипов У.З. является автором более 200 научных публикаций по международным экономическим, политическим, социальным, религиозным и национальным проблемам БСВ, стран Центральной Азии и Кавказа, в том числе 7 монографий и других фундаментальных изданий. Среди них наиболее важные: «Бюджет и бюджетная система Ирана (1976)», «Персидский залив: нефть — политика, войны» (2000), «Персидский залив: обострение политической и военной ситуации и международных отношений в конце XX — начале XXI вв.» (2010) и др. Кроме того, он осуществил (в соавторстве с Шариповой Р.М.) академический перевод Корана с арабского на русский язык и опубликовал его (2012).

Шарипов У.З. выступил ответственным редактором ряда коллективных монографий и сборников научных статей, таких как «Страны СНГ в системе международных отношений» (2008), «Афганистан: политические и экономические реалии в условиях иностранной оккупации» (2010) и 1-го тома академического перевода «Комментариев к Корану», а также редактором широкого круга коллективных монографий и других научных изданий.

ШАРИПОВ У. З.

КОНЦЕПЦИЯ
**«БОЛЬШОГО
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА»**
В ДЕЙСТВИИ

МОСКВА 2013

Шарипов У.З.

Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии

Институт востоковедения РАН. – М., 2013.

ISBN 978-5-906233-26-4, центр стратегической конъюнктуры

ISBN 978-5-906233-26-4

(с) Шарипов У.З.

ИСТОКИ, ФОРМИРОВАНИЕ И ПОПЫТКИ РЕАЛИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА»: организация силовыми средствами затяжного кризиса внутригосударственных и международных отношений на БСВ в первые десятилетия XXI века и пути его преодоления.

«БОЛЬШОЕ САФАРИ» ИМПЕРИАЛИЗМА НА МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ ИЛИ «СЕЗОН БОЛЬШОЙ ОХОТЫ» НЕОКОЛОНИАЛИЗМА.

Современный неокOLONиалистский сериал «Агрессивная геостратегическая «Одиссея» Запада»:

1 серия — «Путешествие Запада в Персидский залив»;

2 серия — «Экспедиция в Ливию, а также в Сирию, Египет и Йемен».

Названия своих агрессивных операций США и их союзники по НАТО называют по-своему красиво: «Буря в пустыне», «Лиса в пустыне», «Шок и трепет», «Гром и благоденствие», «Операция «Одиссея, Рассвет», «Объединенный защитник» и т. д.

В действительности же, с нашей точки зрения, «Буря в пустыне»,... — это агрессии в Ирак и Афганистан в начале первого десятилетия XXI века, а «Операция «Одиссея, рассвет» «Операция «Одиссея, полдень» — это военное нападение НАТО в составе Франции, Англии, Италии и США на режим М. Каддафи в Ливии, а также подстрекательство населения против властей Египта, Сирии, Йемена в начале второго десятилетия XXI века. Логически, вероятно, возможная грядущая военная кампания против ИРИ будет также красиво западно-мифологически названа «Операция Одиссея, благословенный вечер», а дальнейшие агрессии — «Операция Одиссея, ночной дозор» и т. д.

И все это «освящается» большой кровью мусульманских народов БСВ, разрушениями городов, а также потерей государственной стабильности и суверенитета.

Оглавление

Введение.....	6
Значение БСВ в мировой политике и провозглашение Вашингтоном концепции «Большого Ближнего Востока».....	6
Использованные источники и литература.....	27
Раздел I. Первое десятилетие XXI века: Первый этап реализации концепции «Большого Ближнего Востока» в рамках «Большого Персидского залива».....	36
Глава 1.	
1. Подготовительное внедрение США части своего военного потенциала в регион Персидского залива в последние десятилетия XX века, в связи с революциями в Афганистане и Иране.....	36
2. Обновленная экспозиция региона Персидского залива в международных отношениях в начале XXI века.....	39
3. Вступление США и НАТО в период оккупационных действий в регионе, опираясь на трагические террористические акции 11 сентября 2001 года в США.....	47
Глава 2. Афганистан под властью талибов — первый объект американского возмездия.....	52
Глава 3. Республика Ирак — окончательная расправа с политическим противником.....	96
1. Предпосылки и повод для полной оккупации государства.....	96
2. Принцип подхода Вашингтона к актам возмездия в регионе БСВ.....	100
3. Американская дипломатическая деятельность с целью подготовки международной общественности к поддержке вооруженной агрессии США в Ираке.....	102
4. Позиции мировых держав относительно агрессивных намерений Вашингтона против режима Саддама Хусейна.....	107
5. Маневры президентской администрации США на мировой арене накануне вооруженного нападения на Ирак.....	110
6. Идеологическая обработка американской общественности.....	113

7. Реализация Соединенными Штатами агрессии в Ираке весной 2003 года. Характер военной мобилизации для вторжения. «Иракский тупик» США.....	116
---	-----

Глава 4. Исламская Республика Иран — негиббаемый стратегический оппонент США на БСВ.....146

1. Иран наращивает экономический потенциал, вооруженные силы и работает над ядерной технологией.....	146
2. «Цена» иранского вопроса в президентской избирательной кампании США 2008 г. и при президенте Б. Обаме.....	171
3. Региональная политика Исламской Республики Иран.....	174
4. Экономические позиции ИРИ.....	188
5. Российско-иранские отношения.....	194

Глава 5. Саудовская Аравия и США — противоречивое партнерство.....210

Глава 6. ССАГПЗ и Запад — военная опора за нефтедоллары.....230

Раздел II. Начало второго десятилетия XXI века (2011-2013 гг.): продолжение реализации концепции «Большого Ближнего Востока» — распространение вооруженных операций ЗАПАДА на избранные государства БСВ и Северной Африки.....247

Глава 1. НАТО и гибель политического режима Ливийской Джамахирии.....248

Глава 2. Внутренняя и внешняя битва за Сирию.....271

Глава 3. Исламская Республика Иран и действие экспансионистского фактора американских интересов на БСВ.....296

1. Иранские углеводороды и противоборство на мировом рынке.....	297
2. Продолжение драматической реализации иранской ядерной программы.....	310

Заключение.....323

Приложения.....328

Библиография.....363

Введение

Значение региона БСВ в мировой политике. Это — один из узловых в географическом аспекте регионов современного мира. Важно его международное значение в политическом, энергетическом, транспортном и торговом отношениях. Данное определяется тем, что, помимо прочего, БСВ, и прежде всего регион Персидского залива, являются обладателями крупнейших углеводородных запасов на земном шаре. Представляется целесообразным вкратце привести общую картину углеводородных запасов на земном шаре (в %): нефть — Ближний и Средний Восток — 61; Евразия (Россия и страны СНГ) — 10,3; Африка — 9,4; Центральная и Южная Америка — 9%; Северная Америка (США и Канада) — 5,7; Азия и Океания — 3,3; Европа — 1,3; газ — Ближний и Средний Восток — 41,1; Евразия (Россия и страны СНГ) — 30,1; Африка — 8,2; Азия и Океания — 8,1; Центральная и Южная Америка — 4,3; Северная Америка (США и Канада) — 4,9; Европа — 3,3.

Как известно, исторически в XX веке на протяжении целого ряда десятилетий после того, как в азиатско-африканском мире возникли и более или менее стабилизировались на национальной основе государственные структуры, мировое сообщество было связано с руководителями, которые одновременно возглавляли местные страны. Были это монархические, либо диктаторские и полу-диктаторские, либо

внешне демократические режимы и т. д. Среди них, наряду с традиционными монархическими династиями, «выросли» знаковые фигуры в рамках современного республиканско-государственного устройства — Саддам Хусейн в Ираке, Муаммар Каддафи в Ливии, Хосни Мубарак в Египте, Бен Али в Тунисе, Али Абдулла Салех в Йемене, наследственный клан Асадов в лице Хафеза и его сына Башара в Сирии и т. д. Таким образом, ближневосточный мир представлял собой конгломерат разнообразных политических систем, во многом противоречивых между собой и социально специфических. Другим противоречием, но подспудным, БСВ являлась фактическая несменяемость правящих фигур в руководстве местных государств, которые десятилетиями управляли ими.

Поэтому БСВ в последние десятилетия стал самой напряженной географической зоной. Различные международные силы ведут ожесточенную борьбу за контроль над характером политической власти в государствах региона, за контроль над местными месторождениями, распределением их продукции и ценообразованием в мировой торговле. В политическом и экономическом противоборстве активно соучаствуют как практически все державы мира, так и местные режимы.

Ведущие политики и политологи мира, следуя по пути приоритета идеологии «сильных мира сего» (то есть супердержав и их явных и тайных политических союзов), всегда находили и находят нужные оправдательные, либо сглаженные определения и объяснения различным этапам взаимоотношений между сильными, с одной стороны, и слабыми

— с другой, группами государств в мировом сообществе. Это в обобщенном виде — колониализм, неоколониализм, глобализм, Запад — Восток, Север — Юг, 1-ый, 2-ой, 3-ий миры, страны «свободного мира», социалистический лагерь (до развала СССР в начале 90-х годов XX века) и т. д.. А под эти определения подгонялась вся специфика действий каждой из держав в отношении интересующих их (в плохом и хорошем смысле) стран, народов, регионов, стратегического сырья, путей сообщения, финансовых и торговых отношений и т. д.

При всем разнообразии договоренностей на двусторонней и многосторонней основах, при наличии многочисленных и многоуровневых международных блоков, организаций регионального сотрудничества, в мире сохраняется и поддерживается режим межгосударственного неравенства и согласованного подавления попыток изменения этого режима. Как показывают события начала нынешнего столетия, западные державы уже вышли на стадию применения крупномасштабных военных действий на БСВ. Все это было подчинено геостратегической цели, которая подразумевала:

- удержание неэквивалентности товарооборота в мировой торговле и экономических отношениях в пользу западных держав (через механизмы ценообразования, избирательных поставок современных технологий, стоимости услуг и т. д.);

- формирование политических условий для установления в тех или иных регионах и странах угодных (или терпимых) для них политических режимов;

- вооруженное вмешательство во внутренние дела ино-

странных государств.

1-ое десятилетие XXI века — в результате оккупации армиями западных держав Афганистана и Ирака физически и организационно были уничтожены действовавшие там до этого структуры центральных и местных властей. Затем и Афганистан, и Ирак — субъекты международного права — невольно впали в стадию длительного внутреннего противоборства (или иначе — в разновидности гражданских войн), когда активизированные иностранной оккупацией противостоящие политические, конфессиональные и национальные силы стали факторами раздора на внутригосударственной арене. По существу они в совокупности стали выполнять функцию постепенного разрушения содружества местных наций: в Афганистане — столкнулись «талибы» и «карзаевская» администрация, пуштуны и «северяне» (в лице таджиков, узбеков и хазарейцев), афганистанские и пакистанские пуштуны между собой, афганцы и пакистанцы и т.д.; в Ираке — произошел фактический раскол страны на три противоборствующие этно-религиозные части: Курдистан, Центральный суннитский Ирак и шиитский Юг. В целом всё это означило ползучий «Холокост» (самоожжение) афганского и иракского обществ путем террористических форм взаимоистребления местного населения. В итоге эти общества в целом, функционирующие в рамках единых государственных образований, по уровню развития и воспроизводства отброшены на много десятилетий назад. Особенно трагичным является то, что в межнациональном противоборстве уничтожается молодежь в больших количествах еще до начала выполнения ею своего жизненного

предназначения в качестве активных элементов общества и как воспроизводителей детей. А последние, как известно, — это продолжение и численное наращивание нации, как очередной физической и интеллектуальной ступени в качестве носителей национальной цивилизации. То есть вместо мирного естественного развития своего потенциала эти страны были вовлечены в атмосферу напряженности, взаимного недоверия и даже ненависти, вынуждены теперь больше думать о своей и «круговой» выживаемости, чем о просвещении и оптимальной внутригосударственной деятельности: экономической, культурной и политической.

С начала второго десятилетия XXI века Запад расширил границы своего «сафари»: активно на «полях» Ливии, Сирии, частично в Египте, Йемене, а также угрожая вторгнуться в Иран, и, в случае возникновения нежелательных перемен, на санкции против Саудовской Аравии и других арабских стран. При этом, «западные охотники» не думают забывать и прежде освоенные «охотничьи угодья» — Афганистан и Ирак, в которых «фауна» уже была частично истреблена, либо покалечена. Однако ещё и здесь представлялось необходимым продолжать наблюдения, чтобы не развился неподконтрольный Западу процесс воспроизводства антизападного потенциала и формирования таких управленческих структур, которые могут потребовать от указанных внешних «охотников» убрать с территорий этих государств.

В целом то, что происходит в последние десятилетия на БСВ с соучастием Запада, можно обозначить, как начало эпохи «общемусульманского «Холокоста»».

Целесообразно отметить и такой немаловажный факт,

что имперские «охотничьи команды» с Запада на БСВ множились: вслед за англо-саксами на «сафари» в страны региона были отправлены вооруженные силы Франции и Италии, а также в малочисленных составах и из других государств.

Если рассматривать ситуацию в геоидеологическом, точнее — конфессиональном, аспекте, то можно сказать следующее:

Как известно, на Западе уже ряд веков действуют диверсифицированные системы государственного управления: светские и прорелигиозные партии, церкви и т. д. На мусульманском Востоке же, для того, чтобы защититься от иностранной, по существу христианско-цивилизационной, агрессивности, на современном историческом этапе из национально-идеологического «арсенала» оказалось возможным противопоставить Западу только лозунги с исламским содержанием, как наиболее эффективных в обществах, где население живет преимущественно архаично в рамках исторических исламских традиций и под властью этой религиозной идеологии.

Запад, в свою очередь, предпочитает представлять данное обстоятельство как носителя всемирной исламистской террористической опасности и использует его для оправдания расширения своей силовой экспансии на Востоке.

Целесообразно обратить внимание на следующие идеологические постулаты Запада:

— активно применяется в качестве губительной опасности для современного мира и международной безопасности понятие «Исламизм». Вместе с тем, в СМИ и научных определениях намеренно исключается понятие «Христианизм»;

— Использование в международных отношениях и СМИ понятия «Исламизм» в зауженных рамках как радикально-террористической формы общественной жизни мусульман в мировом сообществе — это генеральный политический курс Запада и Ко;

— Идеологи мирового империализма прекрасно понимают, что необходимо в своих агрессивных действиях соответственно настроить население западных обществ против объектов экспансии Запада на мусульманском Востоке. Для этого активно раздуваются эпизоды, связанные с террористическими действиями мусульманских радикальных националистических группировок и личностей, вместо того, чтобы объективно разобраться с данной проблемой: её истоками и масштабами в мусульманских государствах и в международных отношениях;

— Господствующие элиты западных держав избрали в качестве ударного и наступательного идеологического фактора именно понятие «Исламизм», так как оно негативно характеризует и обвиняет местную господствующую религиозную идеологию в целом, и таким образом подрывает нормальное функционирование мусульманских обществ.

Идеологи разных уровней, пропагандирующие опасность «Исламизма», действуют не только на Западе, но и в России — они стараются синхронизировать между собой соответствующую пропаганду.

Таким образом, если взять «на вооружение» примеры из древней и средневековой истории о коллизиях во взаимоотношениях между Западом и мусульманским Востоком, и образно характеризовать сложившуюся сегодняшнюю

международную ситуацию, то можно сказать, что ныне имеет место «новый «Крестовый поход» христианских (протестантско-католических) элит Запада против мусульман БСВ во имя «установления господства западных держав над регионом и его ресурсами, подавления независимого политического функционирования местных государств.

В итоге, считаем объективным ввести в идеологический оборот при определении политических взаимоотношений Запада и мусульманского мира наряду с «Исламизмом» действие фактора «Христианизма» (протестантско-католического). Только при этом условии станет понятным характер экспансии Запада против ряда мусульманских стран, которые проводят антиимпериалистический курс. Это объективно правильно назовет побудительные источники, цели и содержание международных конфликтов и военных кампаний на БСВ.

Провозглашение Вашингтоном концепции «Большого Ближнего Востока». Наконец, в начале XXI века все политические планы и действия Запада на БСВ в совокупности были окончательно оформлены американскими теоретиками политической стратегии как концепция «Большого Ближнего Востока». Что это означает?

На основе достигнутых в конце XX-го — и первые годы XXI вв. результатов своей экспансии в рамках «Большого Персидского залива» Вашингтон открыто приступил к разработке для дальнейшей реализации еще более глобального агрессивного политического плана — «Большого Ближнего Востока». Он предусматривает «усмирить» весь регион БСВ путем установления в нем в целом проамериканской «дру-

жественной коллективной демократии», то есть господство политических режимов, подчиненных интересам Запада.

Впервые план «реконструкции» Ближнего Востока был сформулирован президентом Бушем-младшим в его выступлении 6 ноября 2003 г. в «Национальном фонде демократии». По мнению президента США, реализуемая им американская миссия — распространение свободы и демократии по всему миру — являлась логическим продолжением Версальского мирного договора, завершившего Первую мировую войну. Его основу составили «четырнадцать пунктов», предложенных тогдашним президентом США В. Вильсоном. В январе 1941 г. Ф.Д. Рузвельт в своем выступлении перед членами Конгресса заявил о необходимости продолжать действовать в духе указанных пунктов, которое получило название как речь о «четырех свободах».

Основными авторами концепции «Большой Ближний Восток» стали Г. Киссинджер, Г. Допрет, Д. Рамсфельд, Д. Чейни, К. Райс, Р. Перл, П. Вулфовиц, М. Гроссман. В соответствии с представленной ими концепцией утверждалось, что западная демократия является универсальным средством, обеспечивающим модернизацию, процветание, справедливость и диалог культур в современном мире. Поэтому ставилась глобальная задача создать на основе «реконструкции» Ближнего Востока такое сообщество, которое бы полностью отвечало национальным интересам США. Сфера действия концепции охватила страны Северной Африки и БСВ. Касаясь азиатской части охвата концепции, бывший советник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский заявил: «Это позволило бы влиять на территории Евразийских

Балкан, в состав которых были включены Южный Кавказ, Центральная Азия, Афганистан, Турция и Пакистан».

В целом цели политики Вашингтона на БСВ в течение последних трех-четырёх десятилетий образно можно обозначить, как «Великую агрессивную программу» на самых совершенных американских компьютерах под заголовком поиск оптимального — то бишь проамериканского — «Большого Ближнего Востока». Последний предусматривал беспроектные для США и Запада варианты итогов такой политики:

1) Самый успешный — вся полностью перекроенная по замыслу авторов «ББВ» карта новых государственных границ и территорий;

2) Посредственный — частичная перекройка территорий по национальному и религиозному принципу при решающем политическом влиянии Запада;

3) Минимальный — выигрыш в рамках уже достигнутых до настоящего момента (то есть до начала 2013 г.) результатов.

Однако нельзя исключать и такое развитие событий, что, вопреки «западным задумкам», могут возникнуть совершенно иные варианты, если местные антиимпериалистические силы на БСВ при поддержке «восточных» держав — Российская Федерация, Исламская Республика Иран и Китайская Народная Республика — сумеют выдержать мощный политический и силовой напор Запада, а также его местных союзников-коллорабационистов и сохранить достаточный самостоятельный и антиимпериалистический потенциал на БСВ:

1) Радикализм в регионе усилится и может привести к расширению количества исламских и светско-исламских режимов, настроенных негативно к империалистическим устремлениям Запада на БСВ;

2) Сохранится ныне существующий баланс политических сил в международных отношениях на БСВ и в мире в целом, а также в отношениях региона с Западом.

Прежде чем рассматривать конкретные формы и объекты ужесточения политики Запада на БСВ в начале XXI века, представляется целесообразным представить рассмотрение следующего вопроса, который предопределяет характер действий Запада в указанном регионе — это «Государственный терроризм и его активизация в современном международном терроризме» (статья под одноименным названием была опубликована в журнале «Обозреватель/Observer». № 8, М., 2012).

В современной идеологической пропаганде для мировой общественности и в международной политике все большее место уделяется проблеме международного терроризма. Поэтому данный «прогрессирующий» болезненный изъян сегодняшней жизни мирового сообщества подвергается широкому исследованию и обсуждению на различных научных конференциях и в межгосударственных переговорах.

При этом, внимание государственных деятелей, исследователей и работников СМИ держав и стран так называемого «Севера» по существу концентрируется только на одной форме международного терроризма — на самодеятельных и эпизодических вылазках отдельных личностей или группировок. Таким образом, хотя проблематика международного

терроризма по своей природе — весьма сложна и во многом закамуфлирована, в ней целенаправленно анализу подвергается по существу лишь одна ее сторона. Причем, к такому варианту оценки террористической деятельности большую заинтересованность проявляют именно те силы, которые и являются зачинателями и проводниками международного терроризма, а именно — современные мировые державы.

А между тем, главным действующим фактором осложнений в международных отношениях представляется объективным считать именно государственный терроризм. Государственный терроризм — первичный фактор мирового террористического процесса, он же — наиболее действенный провокатор крайне негативных настроений, возникающих в международном сообществе, отдельных регионах и государствах.

Прежде чем давать сравнительную оценку этой системе терроризма, представляется целесообразным несколько остановиться в целом на характере международных отношений между сильными в военном отношении мировыми державами, с одной стороны, и их значительно более слабыми оппонентами на мировой арене — с другой.

Не останавливаясь подробно на негативных сторонах колониального и постколониального наследия прошлых столетий, которые в принципе продолжают сохраняться в жизни международного сообщества и сегодня, отметим, что, когда в мирохозяйственных и политических отношениях возникают процессы, а также политические фигуры, угрожающие нарушить сложившееся неравенство между двумя мирами — «Севером (или иначе — Западом)» и «Югом» (или иначе —

развивающимися странами) — именно державы, используя свое военное и технологическое превосходство, прибегают к форс-мажорным средствам — к масштабным агрессивно-военным кампаниям против строптивных оппонентов — для наведения «на местах» удобного им «порядка вещей». В частности, в последние десятилетия к ним наиболее часто прибегали Соединенные Штаты Америки. В качестве наиболее крупных примеров назовем войну во Вьетнаме; тесное военное сотрудничество с Израилем, полная поддержка устремлений последнего в арабо-израильском противоборстве; операции по уничтожению иранских военных морских судов в Персидском заливе с угрозой расширения своего военного вовлечения в ирано-иракскую войну на стороне Багдада; развертывание масштабной войны против режима Саддама Хусейна в период так называемого ирако-кувейтского конфликта в 1990-1991 гг.

Развал Советского Союза на ряд самостоятельных государств и ликвидация Мировой социалистической системы привели к тому, что Вашингтон провозгласил США единственной супердержавой, которая ответственна за геостратегическую судьбу современного мира.

Именно в этих новых политических условиях современности и родилась «концепция неоглобализма», распространившая «зону жизненных интересов» США, а вслед за ними и других западных держав, на весь мир.

«Неоглобализм» представляется широким набором идей и действий по переустройству мира. Он наполнен не столько экономическими и политическими средствами, сколько военно-полицейскими доктринами и практическими мера-

ми их применения. В нем одновременно присутствуют и идеи о силовых методах размывания национально-культурных традиций народов, и рассуждения о постоянстве действия фактора агрессивной конкуренции между цивилизациями.

В рамках данной монографии не представляется целесообразным заниматься рассмотрением всех аспектов «неоглобализма», а внимание было сосредоточено на его крайней агрессивности и практическом допущении вседозволенности действий государственного (то есть имперского) терроризма на современном этапе.

Мировому сообществу, невзирая на сложившиеся веками в различных странах своих национальных, политических, экономических и культурных традициях, структуры внутренних социальных взаимоотношений, стали всемерно навязываться угодные Вашингтону и Западу принципы, «порядки» государственного и внутриобщественного функционирования, и в том числе «правила» ведения внешнеполитических курсов. Причем, «неоглобализм» односторонне существенно расширил возможности силового решения различных международных проблем.

Таким образом, диапазон и формы проявления (завуалированного или откровенно явного) государственного терроризма охватывают: от политического и экономического давления на другие страны, на их правящие режимы и народные массы вплоть до применения вооруженного насилия. На первых порах (то есть в конце XX-го и в начальных десятилетиях XXI веках) державный неоглобализм затронул ряд государств мусульманского региона Азии и Африки, так как руководители США и западно-европейских держав зая-

вили о своем неотъемлемом праве обеспечить себе решающее влияние в странах «третьего мира».

Идеологическим организатором такой политики выступает патологический эгоизм правящих неокOLONиалистских социальных групп в державах, которые идут на применение любых мер, чтобы максимально властвовать в мире через эксплуатацию более слабых социальных и государственных образований, чтобы сохранять существующие атрибуты неравенства, чтобы продолжать эксплуатацию подавляющей части человечества.

Если кратко, но в целом, сказать обо всех формах и методах внешних действий мировых держав в течение последнего столетия, то по сути это — вся политическая и экономическая история современности: все войны, борьба за сохранение неэквивалентного ценообразования в мировой торговле, это — деятельность монополий и спецслужб, а также межрелигиозные противоречия и столкновения.

В настоящее время главными державными проводниками таких форм международных отношений по-прежнему выступают Соединенные Штаты Америки, а также их пособники в лице европейских держав НАТО.

Хотя к силовым методам мировые державы нередко прибегали и в прошлом, настоящий материал ограничивается рамками освещения государственного терроризма только в первом и в начале второго десятилетиях XXI века в регионе Юго-Западной Азии и Северной Африки, где и наблюдается крупномасштабное проявление этой категории терроризма. Это — войны на земле мусульманского ареала: вооруженная оккупация Ирака и Афганистана, уничтожение режи-

ма Ливийской Джамахирии, развязывание кровопролития в Сирии, грубейший шантаж Исламской Республики Иран при помощи международных санкций и политических угроз. При этом не следует исключать осложнения политической ситуации в ряде других стран при активной закулисной деятельности держав НАТО, а также открытого выражения ими недовольства с намеками на осложнение взаимных связей еще большему кругу стран мирового сообщества, даже в отношении таких сравнительно терпимых к американским деяниям мусульманских режимов, как Саудовская Аравия и т. д.

Как известно, в начале 2002 г. (то есть в преддверии принятия для практического применения регионального варианта своих агрессивных действий под названием «Большой Ближний Восток») правительство США провозгласило новую внешнеполитическую концепцию, в соответствии с которой США наделяли себя правом свергать любое правительство, политика которого, по мнению Вашингтона, угрожала национальной безопасности США. В данной связи, помощник президента по национальной безопасности К. Райс заявила: «Теперь Вашингтону не требуется даже предлога о нарушении прав человека в той или иной стране, чтобы совершить против нее агрессию или иным путем добиваться смены неугодного для него политического режима» (www.barichtv.ru/public/oon7.htm, *Идеология и политика. ООН и мировая политика, 1945-2005. ООН сквозь призму кувейтского кризиса и агрессии США против Ирака*).

Таким образом, США присвоили себе право назначать на мировой арене интервенции без всяких пределов и ограничений, руководствуясь собственными «национальными

интересами».

Для осуществления своих агрессивных акций, нарушающих международное право и суверенитет «неугодных» государств, используются любые подходящие предлоги. Такой, кстати, оказалась спекуляция на террористических актах 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне, когда погибли более 3 тысяч специалистов и квалифицированных чиновников. Вместо обдуманых объективных действий против истинных преступников, включая и их руководителей, Вашингтон пошел по пути безоглядной реализации своих геостратегических устремлений на БСВ. Без обсуждения даже в рамках Совета Безопасности ООН, без его резолюций, без согласованности с командованием НАТО и своими стратегическими союзниками в Западной Европе американской администрацией были развернуты широкомасштабные военные действия вооруженных сил США в Афганистане и Ираке. А сопутствующие контингенты так называемой многочисленной международной коалиции (в Ираке 39 государств, а в Афганистане — 15) были сформированы впоследствии в результате разных форм давления на правительства широкого ряда стран, начиная от Германии и вплоть до островов Самоа и Фиджи.

В итоге были оккупированы Афганистан и Ирак, свергнуты их законные президенты, а один (Саддам Хусейн) был физически уничтожен. Оккупации подверглись около 40 млн. человек, а по существу под фактический военный контроль попало 240 миллионное население Ближнего и Среднего Востока, так как в регионе были развернуты 19 военных баз, вокруг барражируют эскадры ВМС США и западных держав,

над головами летают всевозможные электронные разведчики и периодически совершаются военные маневры под руководством и соучастии внешних сил. За прошедшие годы XXI века иностранной оккупации Ирака и Афганистана в совокупности были убиты и искалечены около 2 млн. человек, в основном мирные жители, включая детей, стариков и женщин. Расстрелы свадеб, похорон, праздничных шествий и других общественных мероприятий стали частыми и обыденными «ошибками» иностранной военщины, и легко списываются на случайности. Народы указанных стран извне расколоты силовыми методами, запуганы и подавлены местными коллаборационистами, опирающихся на полную поддержку оккупантов. Народы Ирака и Афганистана несут огромные потери в собственном жизнеобеспечении, а это чрезвычайно негативно сказывается на важнейших областях внутригосударственного функционирования: воспроизводства населения и производительных сил, национального просвещения и медицинского обслуживания, развития национальной культуры и чувства национального достоинства.

Что касается информированности мировой общественности в западных СМИ и выступлениях официальных лиц в США и Европе об огромных жертвах на БСВ в результате агрессий НАТО, то вся такая информация упоминается вскользь и быстро забывается. Более того, в Вашингтоне утверждают о своем «законном» праве на продолжение применения американских вооруженных сил и военного присутствия в различных регионах современного мира и в дальнейшем, ввиду необходимости гарантирования интересов западного со-

общества в приобретении местных (стратегических по своей хозяйственной и военной значимости) ресурсов — углеводородов, лития и т. д., а также для сохранения «демократических» государственных структур, навязанных извне. То есть во имя интересов западных монополий и геостратегических задач США и НАТО была сделана заявка, по крайней мере на ближайшее десятилетие, на осуществление вооруженных операций только по своему усмотрению в любом регионе мира, а на практике — пока в мусульманских странах.

Наибольшее неприятие у США и европейских держав вызывали так называемые «строптивые» мусульманские режимы. Это — те, что проводили свой независимый политический курс и на этой основе вступавшие в противоречие и даже в конфронтацию с западными правительствами по многим важным международным и двусторонним проблемам. Как показали политические события на БСВ, США и другие державы НАТО уже с последней четверти XX века стали все более склоняться к силовым вариантам решения своих государственных отношений с такими местными государствами.

Если в первом десятилетии XXI века к масштабным вооруженным операциям в первую очередь прибегли США, то в 2011 году военная инициатива по «наведению должного порядка» в регионе Ближнего Востока была поделена с западно-европейскими державами — Францией, Италией и Великобританией. Учитывая то, что Вашингтон увяз в своей военной кампании (по сути — оккупационной) в Афганистане и Ираке, поддержанной ограниченно многими членами НАТО и зависимыми режимами мира, а ближневосточный

«театр» стран непосредственно примыкает к Европе, на первые роли в «решении ряда международных стратегических задач на Ближнем Востоке» решились выйти европейские натовцы.

Дело в том, что, хотя Вашингтону и удалось свергнуть неугодные режимы в Ираке и Афганистане, в арабском регионе по-прежнему сохранилась пестрота политических руководств местными странами. Особенно их беспокоило, что существование и укрепление таких правительств, как в Ливийской Джамахирии Муаммара Каддафи и в Сирийской Республике — Башара Асада (при этом, не исключалось действие подпольного разрушительного фактора Аль-Каиды), шаг за шагом вызывало и усиливало социальное брожение в других местных странах, что могло привести к радикальным политическим и социальным переменам в руководящих эшелонах как в соседних мусульманских странах, так и в среде аравийских «прозападных» монархий, включая Саудовскую Аравию, Кувейт, Катар и др. Причем, первые признаки такого процесса уже вступили в действие в форме так называемой «арабской весны» — это свержение власти Бен Али в Тунисе, президента Хусни Мубарака в Египте и президента Али Салиха — в Йемене.

Будучи весьма расчетливыми, правящие круги западных держав заранее подготавливали условия для оправдания своего агрессивного вмешательства в той или иной стране, и прежде всего какие-либо протестные выступления местной оппозиции и т. д.

Нелишне отметить, что так называемая «арабская весна» 2011 года социально-политических брожений и потрясений

на БСВ — это многоликий внутриобщественный процесс противоречий арабского региона. Он квалифицированно просчитывается на суперкомпьютерах государственных ведомств США и других западных держав. А местные, ближневосточные коллизии оперативно стимулируются извне: в них в разной степени и формах соучаствуют спецслужбы, финансовые и политические круги Запада и др.

Ведущая цель, которую преследуют правящие круги Запада, — это разрушить, либо достаточно ослабить антиимпериалистический потенциал среди режимов региона. Поэтому, в первую очередь в поле зрения их экспансивных замыслов попадали Ливия, Сирия и Иран.

Каковы итоги политического и вооруженного вмешательства западных держав на БСВ по данным на начало 2013 года?

Заменены враждебные Западу политические режимы в Афганистане, Ираке и Ливийской Джамахирии; погрязла в своих грандиозных внутренних противоборствах Сирия; была зажата тисками международных санкций Исламская Республика Иран; ослаблен внутренним противоборством между светскими, с одной стороны, и про «Братья мусульмане» и Ко — с другой, силами Египет; также определенно ослаблены внутренними противоречиями Тунис, Йемен и другие мусульманские страны; ведущая политическая инициативность в делах «ББВ» по-прежнему принадлежит аравийским монархиям и Западу.

Настоящая монография «Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии» является продолжением предыдущей книги «Персидский залив: обострение политической и во-

енной ситуации и международных отношений в конце XX — начале XXI вв.» (М., 2010). Ввиду того, что с начала второго десятилетия XXI века географически вооруженное вмешательство НАТО распространилось за пределы Персидского залива и открыто была провозглашена концепция «Большого Ближнего Востока», заголовок новой монографии несёт расширенное содержание. Кроме того, в первом десятилетии текущего века США при определенной поддержке своих политических союзников, используя спекуляции вокруг трагического акта 11 сентября 2001 года, приступили к открытым «мстительным» акциям в отношении Афганистана и Ирака, а в начале второго десятилетия державы блока НАТО коллективно начали откровенно масштабные вооруженные агрессии против других неугодных антиимпериалистических режимов БСВ — это логически объединило в единую тему все военные операции Запада на мусульманском Востоке.

Такие циничные малоаргументированные действия Запада были правильно оценены «восточными» державами — Россией, Ираном и Китаем, как стремление Запада занять господствующие военные и политические позиции в глубине азиатского континента и таким образом усилить свои возможности угрожать безопасности не только государствам собственно БСВ, но и вышеназванным державам, а также держать под своим контролем геостратегические углеводородные и другие ресурсы, расположенные в регионе БСВ.

Использованные источники и литература. Представляется целесообразным отметить те научные труды, которые, с нашей точки зрения, имеют то или иное отношение к настоящей теме: Александров А.А. «Монархии Персидского

залива: этап модернизации», М., 2000; «Афганистан в начале XXI века» (сборник статей), М., 2004; А. И. Вавилов «США и Большой Ближний Восток. Время Б. Обамы», М., 2012 (322с.); А. З. Егорин «Муаммар Каддафи», М., 2009, «Свержение Муаммара Каддафи», М., 2012; «Иран после парламентских выборов» (сборник статей), М., 2004; В. И. Исаев, А. О. Фило-ник «Кувейт: контуры экономических перемен», М., 2003, «Королевство Бахрейн», М., 2006; Косач «Саудовская Ара-вия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990-2006)», М., 2007; «Крушение саддамовского Ирака и ре-акция стран Азии» (сборник статей), М., 2003; Кузьмин В. И. «К вопросу о модели региональной безопасности на Ближнем Востоке (1990-е — 2002 гг.)», автореф. дисс. к. и. н., М., 2003; Л. И. Медведко «Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций», М., 2003; Е. С. Мелкумян «Регион Залива: конфлик-ты, компромиссы, сотрудничество», М., 2008; А. Михайлов «Иракский капкан. Победное поражение США», М., 2004; М. Мусин, Эль-Мюрид «Сирия, Ливия — далее везде: что будет завтра с нами», М., 2013; А. Ю. Олимпиев «Геополитические перемены на БСВ в 80-90-е годы и политика США», М., 2002; В. П. Панкратьев «Арабо-израильские отношения в контексте ближневосточного конфликта в 1980-1990-е годы», М., 2009, 197 с.; Е. М. Примаков «Восток после краха колониальной си-стемы»; сборник статей «Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен», М., 2006; «Роль и место Ирана в регионе» (коллективная монография), М., 2007; С. Н. Саруханян «Ядер-ный фактор в российско-иранских отношениях», М., 2007; «Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возмож-ного в политическом развитии» (сборник статей), М., 2003;

Р.Р. Сикоев «Талибы (религиозно-политический портрет)», М., 2002; В.П. Юрченко «Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX — начало XXI века». Справочно-аналитическое издание, части 1и 2, М., 2007; А.И. Яковлев «Саудовская Аравия: пути эволюции», М., 1999. В перечисленных монографиях и статьях научных сборников были раскрыты различные стороны взаимоотношений между западными державами и государствами БСВ, между странами внутри этого региона, положения в ОПЕК и действия нефтяного фактора. Они помогали уяснить, каким образом из интересов правящих кругов и каждой из стран БСВ складывалась общая международная обстановка в регионе.

Учитывая то, что библиография зарубежных аналитических исследований весьма обширна, представляется целесообразным, для краткости ознакомления, перечислить только авторов наиболее интересных публикаций: Бахгат Гаудата, Брауна, Зибейди А., Зиринга Л. В., Киссинджера Г., Кордесмена А. Х., Коттама Р.В., Ж. Коупер-Колса, Куандта Вильяма В., Мак Ги Г. С., Мортимера Е., Раджа Ч. С., Т. Рамадана, Салливана Д., Сика Г., М. Тофта, С. Узбека,, Хусейна Амирзадеги, Ахмада Х. Ш., Халида И., Хамеда М. А., П. Хеннесси, Л. Хилсума, Шахрама Чубина, Швадрана Б. и др.

Среди документов и материалов, относящихся к государствам и организациям, расположенных вне зоны БСВ, но игравших либо решающую, либо важную роли в политической судьбе региона, в первую очередь следует отметить таковые из США.

Так, ввиду общеизвестной интенсивной вовлеченностью

этой державы в дела БСВ, политическая и иная тематика Залива довольно часто подвергалась обсуждениям в Конгрессе США (как в Палате представителей, так и в Сенате). К данной категории документов можно отнести обсуждения в Комитетах и Подкомитетах Конгресса. В первую очередь использовались материалы Комитетов по международным отношениям Палаты представителей и Сената, доклады для которых готовятся экспертами и компетентными органами для оперативного решения Соединенными Штатами Америки вопросов в отношении государств Персидского залива. Решения Комитетов по международным отношениям становятся основой для принятия Конгрессом законов или иных государственных постановлений, а после утверждения президентом США — руководством для обязательного исполнения всеми правительственными учреждениями США.

Из всего набора законодательных и правительственных документов США, приведенных в действие в отношении БСВ, мы выбрали наиболее важные для нашей темы и соответствующих временных рамок материалы (естественно из числа тех, которые оказались доступными).

— Слушания в Комитете по внешним отношениям Сената США 28 октября 2003 года на тему: «Иран: угрозы для безопасности и политика Соединенных Штатов». Рассматривались вопросы о программах по разработкам ядерного, биологического, химического оружия и баллистических ракет — предлагалось вести диалог с иранской стороной на жесткой основе. Кроме того, было предложено перейти от режима санкций к прямым действиям, чтобы прекратить поддержку Ираном террористических организаций.

— Слушания в Комитете по внешним отношениям Сената США 20 и 21 апреля 2004 года на тему: «Ирак в переходном периоде: гражданская война или гражданское общество». Рассматривались политические и финансовые меры со стороны США и членов международной коалиции по решению внутренних социальных проблем постсаддамовского Ирака.

Вторыми по значимости из источников внерегионального происхождения после документов Конгресса США являются материалы Совета Безопасности ООН. К ним относятся резолюции, доклады и обсуждения по проблемам БСВ и его государств. Из этого числа для настоящей темы наиболее важными представляются следующие документы/см. библиографию №№ 20-26/:

— Резолюции и решения СБ ООН в период с 01.01.2001 по 31.07.2002 г. по отношениям между Ираком и Кувейтом, а также по политической ситуации в Афганистане.

— Резолюция № 1368 СБ ООН от 12 сентября 2001 года выражает решимость всеми средствами бороться с угрозами для международного мира и безопасности, вызываемыми террористическими актами, и продолжать заниматься этой проблемой, и в том числе в Афганистане.

— Резолюция № 1373 СБ ООН от 28 сентября 2001 года, подтвердив свои резолюции № 1269 от 19 октября 1999 года и № 1368 от 12 сентября 2001 года, призывает, чтобы все государства в дополнение к международному сотрудничеству принимали дополнительные меры с целью предотвращения и пресечения на своей территории, с использованием всех законных средств, финансирования и подготовки любых ак-

тов терроризма.

— Резолюция 1378 СБ ООН от 14 ноября 2001 года, подтверждающая свои предыдущие резолюции по Афганистану, в частности резолюции 1267 (1999) от 15 октября 1999 года, 1333 (2000) от 19 декабря 2000 года и 1363 (2001) от 30 июля 2001 года, рекомендует государствам-членам ООН поддерживать усилия по обеспечению охраны и безопасности в районах Афганистана, более не находящихся под контролем «Талибана», и в частности по обеспечению уважения Кабула как столицы для всего афганского народа.

— Резолюция № 1441 СБ ООН от 8 ноября 2002 года, ссылаясь на все свои предыдущие соответствующие резолюции и заявления своего Председателя, а также на свою резолюцию 1382 (2001) от 29 ноября 2001 года, и признавая угрозу, которую представляют собой невыполнение Ираком резолюций Совета и распространение оружия массового уничтожения и ракет большой дальности для международного мира и безопасности, постановила предоставить Ираку последнюю возможность выполнить свои обязанности по разоружению согласно соответствующим резолюциям Совета.

— Резолюция № 1696 СБ ООН от 31 июля 2006 года, ссылаясь на заявление своего Председателя S/PRST/2006/15 от 29 марта 2006 года, подтверждая свою приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия и напоминая о праве государств-участников, руководствуясь статьями I и II этого Договора, развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации, но отмечая свою серьезную озабоченность в связи с многочисленными докладами Генерального

директора МАГАТЭ и резолюции Совета управляющих МАГАТЭ по вопросу о ядерной программе Ирана, о которых ему докладывал Генеральный директор МАГАТЭ, включая резолюцию Совета управляющих МАГАТЭ GOV/2006/14, потребовала, чтобы Иран приостановил всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, что должно подлежать контролю со стороны МАГАТЭ.

— Резолюция № 1883 СБ ООН от 7 августа 2009 года, ссылаясь на все свои предыдущие соответствующие резолюции по Ираку, в т. ч. резолюции № 1500 от 14 августа 2003 года и № 1830 от 7 августа 2008 года, а также подтверждая независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Ирака, особо отмечая важное значение стабильности и безопасности Ирака для народа Ирака, региона и международного сообщества, постановила продлить мандат Миссии Организации Объединенных Наций по оказанию содействия Ираку (МООНСИ) на следующий период в 12 месяцев.

К следующей — «смешанной» — группе (*Под понятием «смешанная» группа источников понимаются: документы из стран региона Юго-западной и Южной Азии, документы служб США, но обнаруженные в пределах государств Персидского залива, а также соглашения между местными странами и вне-региональными государствами и публикации ведомств и специализированных издательств различных стран*) источников относятся следующие: документы Посольства США в Тегеране (они были обнаружены в ноябре 1979 года захватившими штурмом это посольство сторонниками имама Хомейни, и в дальнейшем опубликованы правительством Исламской

Республики Иран). В этих материалах содержится весьма богатая информация о политической жизни и международных отношениях всех государств Ближнего и Среднего Востока, а также о деятельности американской дипломатии и спецслужб США; документы о создании и деятельности Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ); двусторонние межгосударственные соглашения и другие акты между странами региона и этих стран с США и европейскими державами; отчеты и заявления государственных учреждений стран БСВ о важнейших аспектах международных отношений внутри региона. Так, в составе последнего из вышеприведенных пунктов весьма интересной была подборка статей и материалов в сборниках: 1) лондонских «Безопасность Персидского залива», «Советско-американские связи с Пакистаном, Ираном и Афганистаном» и 2) нью-делийском «Известия иностранных дел», которые по сути были подготовлены главными государственными внешнеполитическими ведомствами Англии и Индии.

В настоящей работе в определенной степени были использованы документы Российской Федерации о внешнеполитической деятельности страны на БСВ, а также материалы из решений Организации исламской Конференции и Лиги арабских государств, касающиеся событий и проблем региона.

В качестве важных источников аналитической и фактологической основы темы настоящей выступали материалы, размещенные на различных специализированных сайтах и в новостях мировой системы Интернета, а также в периодических изданиях как стран БСВ, так и США, Англии,

Российской Федерации и других государств. В них были опубликованы многочисленные обзоры и статьи, которые содержат не только оперативно-фактологическую информацию, но и политические и другие выводы разных лет. Из иностранной периодики особенно интересны в данном отношении западные: ежегодники «СИПРИ», «Ближний Восток и Северная Африка», журналы и газеты «Мидл ист», «Экономист», «Мидл ист экономик дайджест», «Монде дипломатик», «Мидл ист интернейшнл», «Файненшл таймс», «Индепендент», «Нью-Йорк Таймс», «Шпигель», «Фигаро»; региональные: иранские — «Кейхан», «Эттелаат», «Джомхурие эслами», иракские — «Джомхурия», «Баболь», «Аль-Ирак», кувейтские — «Кувейт таймс», «Араб таймс», ОАЭ — «Аль-Баян», «Аль-Халидж», египетские — «Аль-Гумхурия», «Аль-Ахрам», а также другие.

Раздел I. Первое десятилетие XXI века: Первый этап реализации концепции «Большого Ближнего Востока» в рамках «Большого Персидского залива»

Глава 1

1. Подготовительное внедрение США части своего военного потенциала в регион Персид- ского залива в последние десятилетия XX века, в связи с революциями в Афганистане и Иране

На основе действий США и их западных союзников в Персидском заливе в 80-90-е гг. XX-го столетия можно сформулировать такие выводы.

Западу, после перенесенного кратковременного шока, вызванного «Саурской (апрельской) революцией» 1978 года в Афганистане и исламской революцией 1979 года, в основном удалось выполнить поставленные стратегические цели на БСВ. Они прежде всего касались региона Персидского залива в военном и политическом отношениях. Эту зону в течение рассматриваемых лет лихорадило более, чем когда-либо в ее истории (она за указанный период пережила две революции, две полномасштабные и разрушительные межгосударственные войны); местными правительствами, несмотря на массу нефтедолларовых поступлений, по-прежнему

не были решены главные задачи создания самостоятельной экономической системы как в рамках отдельно взятых государств, так и региона в целом. Более того, наиболее потенциальные хозяйственные системы Ирана и Ирака, потеряв около полутриллиона долл. в обоюдной войне (а Ирак дополнительно понес крупный урон еще и в результате международных санкций за оккупацию им Кувейта), в итоге оказались экономически существенно разрушенными.

В указанные десятилетия развивался процесс диверсификации военной, политической и экономической ориентации арабских монархий Персидского залива на Соединенные Штаты Америки и другие западные державы.

Запад, все более закрепляясь в зоне Персидского залива на политических и военных позициях, завоеванных в 80-е годы, сделал все, чтобы не потерять их в дальнейшем. Для этого он располагал такими удобными факторами: глубоко внедренным чувством взаимного недоверия между государствами региона в результате ирано-иракской и ирако-кувейтской войн, политической и идеологической конфронтации между Тегераном и Эр-Риядом, а также между Багдадом и этими странами; социально-политической, военной и экономической заинтересованностью местных режимов в поддержке со стороны Запада; сильной зависимостью государств региона от западной военной технологии и многих импортных готовых промышленных товаров.

Что касается «иранского вопроса» в политике западных держав, то, несмотря на то, что внешняя и внутренняя политика Тегерана была признана мировым сообществом, в том числе и правительствами Западной Европы, как вполне соот-

ветствовавшая международным нормам, Вашингтон занял слабо обоснованную, с точки зрения международного права, карательную в отношении Ирана позицию. Обвинив Тегеран в стремлении приобрести оборудование для атомной электростанции в Бушехре, а следовательно и, возможно, для работ по созданию ядерного оружия, США ввели в действие новый более жесткий запрет на торгово-хозяйственные отношения американских компаний и организаций с ИРИ.

Таким образом, и в 90-е годы позиции Запада в зоне Залива в целом представлялись довольно прочными.

В Персидском заливе и близлежащих районах были внедрены на постоянной и «законной» основе крупные сухопутные, воздушные и морские вооруженные силы быстрого развертывания США и их союзников по НАТО. Так, по иракским и иранским данным, на рубеже XX-XXI веков в Персидском и Оманском заливах находился 41 военный корабль США и Великобритании: 21 из них — в районе Ормузского пролива, другие двадцать — вблизи Оманского залива. Два же американских авианосца пребывали недалеко от Пакистана (*«Бабиль» (Багдад), 29.09.2001* и *«Эттелаат» (Тегеран), 30.09.2001*).

Далее, за действиями Запада и НАТО в Персидском заливе просматривалось откровенное неприятие допуска каких-либо изменений на мировом нефтяном рынке и в соотношении политических сил между Севером и Югом (точнее между Западом и нефтеэкспортирующими государствами). В этот период проявилось полное торжество победы Запада в его противоборстве тенденциям по изменению условий экономических, а следовательно и политических, отношений между промышленно развитыми и развивающимися

странами. Международные цены на нефть и другие сырьевые товары были остановлены на приемлемом для Запада уровне; вооруженные силы НАТО достаточно надежно контролировали военную и политическую обстановку на БСВ и оказывали эффективное влияние на нее в других регионах мира; в руках «Большой семерки» держав также находились большие возможности контроля за технологическим и хозяйственным обновлением практически всего мира.

2. Обновленная экспозиция региона Персидского залива в международных отношениях в начале XXI века

Спецификой международного положения в наступившем новом веке является то, что ведущая мировая супердержава — США в своей внешнеполитической стратегии стала открыто рассматривать все регионы земного шара в качестве общей политической арены, где они вправе силовыми методами навязывать свое видение государственного устройства и применять, когда они посчитают целесообразным, свои военные контингенты. При этом, как показывают происходящие в течение последних десятилетий коллизии в международных отношениях, именно БСВ, и прежде всего регион Персидского залива, превратились в наиболее напряженные и взрывоопасные зоны мира. Другой стратегической особенностью политической жизни в зоне Персидского залива явилось то, что внутренние межгосударственные противоречия региона стали вторичными, уступив первенство действиям внешних факторов. Прежде всего это касается держав Запада. Местные же государства по существу выступали либо политическими пособниками внешнему иностранному вмеша-

тельству, либо откровенными противниками этому.

Таким образом, первое десятилетие XXI века явилось предварительным этапом глобального вооруженного внедрения военного потенциала Запада на БСВ, который целесообразно назвать «Большой Персидский залив». Агрессивные действия США и НАТО были обусловлены как бы в ответ на провокационную террористическую акцию в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Последовавшие американские широкомасштабные военные кампании возмездия в Ираке и Афганистане, а также политика угроз о применении чрезвычайных международных санкций, вплоть до использования военных средств, против Исламской Республики Иран, в случае появления у этой страны технологии, способной производить ядерное оружие, стали в совокупности главным диктующим фактором нагнетания политической напряженности в регионе Персидского залива. Целью противоборства выступал характер политического и углеводородного контроля в этой одной из наиважнейших стратегических зон современного мира.

В данной связи, целесообразно отметить значимость экономического фактора в нарастании агрессивности Запада в отношении политической ситуации в Персидском заливе. Будучи зависимыми от энергоресурсов Персидского залива, западные державы предпринимали все меры, чтобы отстоять свои интересы, связанные с политической ситуацией здесь. Уже заняв определенные контрольные позиции в этой зоне в 80-90-е гг. XX века, в начале нового столетия они усилили свой вмешательство во внутреннюю политическую жизнь региона. Так, встретившись с «неблагонадежностью» Ирака

и Ирана, в Вашингтоне и в европейских столицах пришли к выводу, что особых отношений со странами ССАГПЗ, которые в прошлом выступали гарантами стабильности здесь и благоприятно сказывались на экономической конъюнктуре развитых стран, теперь стало недостаточно. Сохранив государства ССАГПЗ в качестве своих местных стратегических союзников и пособников, но считая недостаточным внутренний и интеграционный потенциал этого союзного образования для сдерживания «потенциальных угроз» в регионе, США и НАТО встали на путь открытого военного внедрения в Залив и на Средний Восток (то есть к реализации программы «Большого Персидского залива»). Ведущим агрессором здесь выступили США, которые преследовали свои глубинные цели: закрепление за собой статуса ведущей мировой державы; сохранение доллара в качестве основной валюты международных финансовых отношений и единой расчётной валюты за углеводороды; стимулирование американской экономики, находившейся в фазе стагнации, на развитие; сохранение экономико-политического влияния на основных потребителей нефти Персидского залива — страны Европы, Китай и Японию.

Токио и Пекин, державы другой географической зоны также имели, причем возраставшие, интересы к региону Персидского залива. Ввиду либо отсутствия, либо недостаточности собственных ресурсов углеводородов, они в возрастающих объемах импортировали эту продукцию из региона Персидского залива.

Так, японское правительство уже много десятилетий выступало покупателем у местных производителей нефте-

продуктов. Однако при этом, оно проводило рациональный для себя курс, чтобы японские компании вывозили из Залива сырую нефть и перерабатывали ее на своих НПЗ. А так как прошедшее промышленную переработку сырье по стоимости возрастало на международных рынках в 10-15 раз, то таким образом с лихвой окупались затраты на оплату стоимости сырья экспортерам нефти Персидского залива. При этом, в государственную казну Японии поступали налоги как от компаний-импортеров нефти, так и от НПЗ. Среди партнеров японских компаний в Заливе основное место занимали Саудовская Аравия, Кувейт, Иран, ОАЭ и Катар. Япония не выступала простым закупщиком углеводородов. Ее корпорации занимались совместно с местными компаниями разведкой и добычей нефти и газа как с целью получения наибольших прибылей, так и для установления в оптимальных пределах контроля здесь над добычей и поставкой продукции на японские объекты. В этой связи, в 1998 г. между Японией и Саудовской Аравией была подписана совместная Декларация о партнерстве в XXI в., которая предусматривала активное развитие политического и экономического сотрудничества. Подобные соглашения, с разными степенями сотрудничества, были заключены и с другими правительствами Залива. Таким образом, Токио стал проявлять все большую государственную активность в этом регионе: то есть в урегулировании политических проблем в Персидском заливе, а также в подключении его к числу участников ближневосточного процесса.

Китайская Народная Республика, в связи с бурным ростом ее народнохозяйственного потенциала, и прежде все-

го промышленности, из года в год увеличивала закупки углеводородов на мировом рынке. Персидский залив, ввиду его огромных запасов углеводородов, стал важнейшим поставщиком нефти в Китай. В результате КНР превратилась во второго крупнейшего внерегионального закупщика углеводородов из Залива. Китай, будучи одним из ведущих политических и экономических факторов современного мира, а также оппонентом Запада и России на мировой арене, также проводило весьма активную политику как в регионе Персидского залива, так и на всем БСВ.

Другой внешний фактор, который становился все более влиятельным в мусульманском мире, и в том числе в регионе Персидского залива, — это радикальные мусульманские движения. Последние по существу были вызваны усилившейся агрессивностью Запада, и прежде всего США, которые в расширяющихся масштабах стали практиковать силовые методы подавления неугодных Вашингтону местных режимов. Пользуясь недовольством простонародья, а также части имущих слоев внешней агрессией, указанные движения ориентировали эти настроения для радикализации местных обществ и на борьбу как против внешних врагов, так и против внутренних предательских и коррумпированных правящих кругов.

Вместе с тем, следует отметить, что, в отличие от многих стран Азии, внутренняя социальная ситуация в аравийских нефтяных шейхствах долгое время была относительно спокойной. Основной причиной данного факта было то, что со второй половины XX века в них действовали благоприятные финансовые обстоятельства — они располагали чрез-

вычайно высокими поступлениями от разработки богатых национальных месторождений углеводородов и их экспорта. Этих форсмажорных доходов хватало не только на удовлетворение высоких appetитов местных феодалов и различного рода теневиков, но и на выделение значительных средств своим простонародным подданным. Таким образом, общий национальный доход шейхств находился на гораздо более высокой ступени, чем в соседних и других мусульманских странах.

С другой стороны, нефтедолларовые поступления в условиях господства многовековых скотоводческих и профеодалных традиций, слабой урбанизации, а также малой населенности и традиционной профессиональной ориентации масс не могли стать достаточно обширными инвестициями в экономику и в развитие современных социальных институтов. Напротив, нефтедолларовые сверхприбыли лишь ограниченно использовались для развития современного диверсифицированного народного хозяйства. Во внутренней политике аравийских монархий по сути торжествовали фундаменталистские и весьма прорелигиозные воззрения, властвовала излишняя растрата государственных средств на амбиционные проекты, мало соответствовавшая национальным социальным и экономическим интересам, а во внешней — прозападная политическая ориентация.

В нарастании внутриобщественного недовольства последних десятилетий сыграли и изменяющиеся экономические показатели. В данном случае имеется ввиду ухудшение финансовых условий в области экспорта углеводородов, а это было жизненно важно для дееспособности государства, так

как госбюджет по существу абсолютно зависел от поступлений нефтедолларов. Как известно, с 90-х годов многократно расширилось использование в мировом хозяйстве сжиженного природного газа (СПГ). В первом десятилетии текущего века общий объем мирового потребления СПГ, по оценкам, уже возрос втрое — до 300 млн. тонн в год. Преимущество СПГ заключается в удешевлении стоимости этих углеводородов и возрастании сроков хранения. А так как газовый сектор в мировой торговле стал завоевывать все возрастающие позиции, то расширилась география приобретения данных углеводородов странами-потребителями, а это ослабило зависимость импортеров от продукции БСВ. Так, по оценкам, к 2010 году не менее пятой части американского, четверти европейского, трети японского автомобильного транспорта было газифицировано. В последней трети первого десятилетия XXI века началась революция топливных элементов. Уже в 2010 году топливные элементы были установлены на 5% автомобилей в Европе, США и Японии, а с 2020 года в ЕС будет законодательно предполагается запретить использование в легковом автотранспорте бензиновых и дизельных двигателей. Весь легковой автотранспорт стран ЕС в 20-х годах будет переведен на топливные элементы. (*www.imperative.net; rostfond@nursat.kz, Американская арабская стратегия*) Данный фактор, наряду с другими, стал сдерживать темпы роста поступлений нефтедолларов на фоне таковых роста народонаселения и потребностей внутренних расходов аравийских государств. В результате к началу XXI века в арабском ареале практически прекратился рост ВВП на душу населения, а в ряде стран, таких как Кувейт, Ливан, Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, Ли-

вия, Ирак, средний уровень доходов населения сократился. Как следствие — во многих арабских государствах значительно обострилась внутренняя социально-экономическая и политическая обстановка (*ISLAMRF. RU, 24.04.2008*).

Кроме того, целесообразно учитывать и действие китайского фактора: подстрекательство Китая, во многом переключившегося на импорт нефти и сжиженного газа из арабских стран и Ирана (хотя в последнее время у него появились и новые дополнительные источники — Казахстан и Россия), начал оказывать определенное радикализирующее идеологическое влияние на мусульманские общества БСВ — как на Аравийском полуострове, так и в других арабских странах.

С конца предшествовавшего столетия внутренняя и внешняя политика правящих кланов нефтяных шейхств стала вызывать все большее недовольство и расслоение в обществе. Зарубежные эксперты начали отмечать, что арабы «со своими» 150 млрд. долл. в год почувствовали, что властная весомость этих денег уменьшилась почти на порядок, а вся арабская энергия, обида и претензия обратилась в национально-религиозный протест, в протестный потенциал «чистого ислама», столь характерный для этой религии (*www.imperative.net; rostfond@nursat.kz Американская арабская стратегия*).

Так, каким был расклад политических сил в регионе Персидского залива — имеются ввиду позиции и ориентация местных государств в первом десятилетии XXI века?

3. Вступление США и НАТО в период оккупационных действий в регионе, опираясь на трагические террористические акции 11 сентября 2001 года в США

Десятилетие, охватывавшее рубеж XX-XXI веков — это эпоха однополюсного силового владычества США. Если до данного периода на мировой арене им противостояли относительно сильные в военном отношении Советский Союз и КНР, то этот важный фактор стал считаться по существу пока неконкурентоспособным. Надежды международного сообщества, и в том числе России, на то, что Западное сообщество государств, в котором роль ведущей политической, экономической и военной державы играли США, смягчат свою внешнюю политику в отношении иных регионов мира и будут способствовать либерализации и толерантности в международных отношениях, вскоре развеялись.

На Западе была провозглашена стратегия «неоглобализма», принципы которой стали нести мировому сообществу преимущество силового диктата и экспансии: ни о каком уравнивании экономических условий взаимоотношений между так называемыми Севером и Югом не могло быть диалога; конкурентное «соревнование» велось и в отношении держав Востока — России и Китая. Более того, углеродный дефицит в державах «Семерки» (включая сюда и Японию), а также строптивый характер ряда стран в регионах сосредоточения углеродных месторождений могли, с одной стороны, постепенно спровоцировать процесс перемотра мировых цен на нефть и газ, а также затем вызвать рост цен на товары сырьевого происхождения (сельского

хозяйства и горнорудной промышленности), а с другой — обусловить понижательную тенденцию в области товаров промышленного производства (перерабатывающих сырьевую продукцию, машиностроительных, конфекционных и электронных отраслей). Это означало бы снижение темпов общего хозяйственного развития государств Запада, надлом их нынешнего потребительского благополучия и смену приоритетов в деятельности мирового сообщества.

Какие основные причины называют политологи мира современного весьма агрессивного вмешательства США в регионе Персидского залива и Среднего Востока?

Их можно называть отдельно или в совокупности, так как они вроде бы специфичны и относятся к разным областям международных отношений, а с другой, будучи взаимосвязанными и влияющими на процессы развития друг друга, — являются неразделимыми. Так, в экономической области, которая преимущественно определяет благополучие социальной и политической ситуации внутри стран, а во внешней сфере — определяет политическую и военную значимость, на современном этапе важное значение имеет углеводородный фактор. Особенно это касается держав и других стран с развитыми экономическими и военными потенциалами, которые будучи крупными потребителями указанных продуктов, однако оказались весьма зависимыми от внешних партнеров — производителей и экспортеров нефти и природного газа. А основные запасы углеводородов, как известно, сосредоточены на БСВ и прежде всего в регионе Персидского залива, от которых во многом зависит экономика не только большинства стран мирового сообщества,

но и США и в особенности Западной Европы и Японии.

По данным ОПЕК, разведанные нефтяные резервы на первое пятилетие текущего века в крупнейших производителях Залива составляли: в Саудовской Аравии — около 265 млрд. баррелей, а в Ираке — 112.5 млрд., в ИРИ — 101 млрд., в ОАЕ — 97.8 млрд., в Кувейте — 96.5 млрд. и, наконец, в Катаре — более 15 млрд. баррелей. Однако, хотя США продолжали сохранять в регионе свое обширное военное присутствие, на Западе именно в начале нового столетия сочли политическую и экономическую ситуацию здесь весьма неустойчивой. США держали в Персидском заливе огромную военно-морскую армаду, а на территории Саудовской Аравии — почти тридцатитысячный контингент своих войск, располагали военными базами и опорными пунктами в Кувейте, Бахрейне, Катаре, а также в Индийском океане. При этом в западных столицах учитывали следующие показатели: неприятие со стороны Ирана и Ирака американского вмешательства в политическую ситуацию в этом регионе; мировое ценообразование на нефтепродукты и их распределение среди мировых импортеров было недостаточно подконтрольным западному капиталу; в последнее время под влиянием Ирана и негативного состояния процесса урегулирования израильско-палестинских отношений, в Саудовской Аравии и других странах Персидского залива возросли антизападные, главным образом антиамериканские настроения. Учитывая уже занятые в 1990-е годы военные позиции в Ираке и действие антисаддамовских резолюций СБ ООН, американские правящие круги сочли целесообразным в первую очередь нанести удар по правлению «Талибан» в Афганистане, и вслед

за этим уничтожить режим президента Саддама Хусейна, и таким образом поставить под свой военный и экономический контроль этого второго нефтепроизводителя Залива. (www.barichtv.ru/public/oon7.htm *Идеология и политика. ООН и мировая политика, 1945-2005. ООН сквозь призму кувейтского кризиса и агрессии США против Ирака, стр. 142*). В дальнейшем Вашингтон стал готовиться к «дипломатически-ультимативному» решению «иранской проблемы».

На примерах силовых операций держав Запада на БСВ (а именно в Ираке и Афганистане) можно воочию осознать как по существу бесцеремонно вели себя США и их союзники в отношении неугодных им местных политических режимов. При этом, в качестве главной вины лидеров указанных азиатских стран» (а также подобных руководителей в других географических зонах мира) выступали их ответные меры по защите своего суверенитета. Кроме того, не устраивала также их позиция в международных отношениях о недопущении присутствия натовских вооруженных сил и войск держав Запада вне территориальных пределов их региона.

В данной связи, новым крупным скандальным показателем агрессивности поведения США (после опубликования Ираном материалов американского посольства в Тегеране, захваченных сторонниками аятоллы Р. Хомейни в ноябре 1979 года) явились материалы, опубликованные агентом ЦРУ Эдвардом Сноуденом. Он прославился разоблачением глобального электронного шпионажа и слежки Американским Агентством национальной безопасности (National Security Agency — NSA) и Центром правительственной связи Великобритании (UK Government Communications Headquarters

— GСНО) за деятельностью руководящих органов и функционеров практически всех государств мира, и в том числе партнеров по НАТО и Европейского Сообщества (REGNUM информгентство, 28.06.2013; «Gardian», L., 09 & 21.06.2013).

Что касается политической линии Москвы, то российская концепция о применении международных санкций в Ираке, несомненно, соответствовала положениям Устава ООН: Россия с момента возникновения противостояния режима Саддада Хусейна с Западом в Заливе и вплоть до американской агрессии против Ирака в 2003 г., неизменно голосовала, в сопровождении некоторых оговорок, в Совете Безопасности ООН за продолжение санкций в отношении Багдада. Россия официально не осмелилась выступить инициатором контрпредложений в Совете Безопасности ООН об отмене антииракских и антииранских санкций.

Глава 2

Афганистан под властью талибов — первый объект американского вооруженного возмездия.

Как известно, после захвата талибами власти в Афганистане и провозглашения этого государства Исламским эмиратом авантюристические действия правящей администрации нового политического режима, тесно связанной с террористическими действиями «Аль-Каиды», вызвали растущее беспокойство в мировой общественности. Среди вопиющих «деяний» талибов наиболее явными были: широкие репрессии в отношении оппозиции, уничтожение буддийских колоссов в Бамиане, публичная казнь на стадионе женщины, заподозренной в развратных действиях, введение обязательного ношения чадры афганками, закрытие светского образования и женского обучения и т. д. Однако решающую роль в падении власти талибов в Афганистане сыграл фактор Бен-Ладена, который вступил на террористический путь борьбы с засильем Запада, и в первую очередь США, на мусульманском Востоке. Вашингтон поставил задачу во что бы то ни стало расправиться с этим, по мнению Белого дома, экстратеррористом и потребовал от Кабула предоставить Бен-Ладена в распоряжение американских властей. Но талибы

и после взрывов в американских посольствах в Кении и Танзании в 1998 году отказывались выдавать Бен-Ладена. После терактов 11 сентября 2001 года президент США Джордж Буш выдвинул талибам ультиматум: в кратчайшие сроки выдать американскому правосудию Бен-Ладена, а также все руководство аль-Каиды. Американский президент заявил тогда, что начинает «крестовый поход против терроризма», а официальный Вашингтон, заручившись поддержкой союзников по антитеррористической коалиции, а также многих движений и группировок о праве США на акты возмездия, принял решение о совершении военной операции в Афганистане под кодовым названием «Несокрушимая свобода».

Как развивался афгано-американский диалог в дальнейшем?

21 сентября 2001 года Кабул ответил отказом, заявив, что Белый дом не предоставил достаточно веских доказательств причастности Аль-Каиды к терактам в Нью-Йорке и Вашингтоне. Далее, несмотря на жесткость требования США, талибское руководство в течение двух недель несколько раз предлагало судить Бен-Ладена либо в Афганистане в шариатском суде, либо выдать его правосудию третьей страны. На такие варианты Вашингтон ответил отказом. В афгано-американских отношениях явно назревал вооруженный конфликт. Поэтому из Афганистана в соседние Пакистан и Иран устремились мощные потоки беженцев, а Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты — единственные государства, признававшие режим Талибан, — 22 сентября 2001 года разорвали с Афганистаном дипломатические отношения.

На этом этапе американо-афганский переговорный процесс завершился. 7 октября 2001 года в Афганистане была развязана новая война.

Эту войну некоторые комментаторы сразу же назвали экономической — как «операцию для установления контроля над Центральной Азией, точнее, над ее огромными запасами углеводородов (*«Аму-Дарья», иранский журнал по изучению Центральной Азии и Кавказа, лето 2002, № 12, с. 130*), открыть коммерческий маршрут «Шелковый путь» с американским соучастием и соответствующим влиянием, а также организовать военно-политическое обеспечение строительства новых трубопроводов для экспорта нефти и газа» (*в первую очередь имелись ввиду газопровод и нефтепровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан («Центральная Азия и Кавказ», журнал социально-политических исследований, Швеция, № 4 (28), 2003, с. 144-145*). Вместе с тем, казахстанский политолог Сыроежкин К. в дальнейшем дал более расширительное определение: «США получили легитимный доступ своих воинских подразделений в «сердце» Евразийского континента со всеми вытекающими отсюда перспективами: контроль над Каспийским регионом; сдерживание Китая с возможностью дестабилизации обстановки в нем; ограничение присутствия, а по возможности и полное вытеснение России и Ирана из региона; воздействие на ситуацию в государствах Центральной Азии с перспективой решения задач, которые не смогла реализовать администрация Билла Клинтона; наконец, формирование в регионе проамериканских альянсов, а в Афганистане — проамериканского правительства» (*Сыроежкин К., статья «Год после трагедии», журнал «Континент» (Алматы, Казахстан), 18.09-01.10.2002, № 18*).

Для усиления своих обвинений против Кабула и для обоснования развязывания войны против талибов США дополнительно обвинили их режим в наркопроизводстве, которое представляло большую международную опасность. Однако, как известно, экспорт героина из Афганистана осуществлялся десятилетиями, но при талибах производство наркотиков в стране ежегодно снижалось, так как их власть весьма серьезно боролась с производителями и торговцами наркотиков (*если в 2001 г. в Афганистане было собрано 185 тонн опиасырца, то в 2004 — уже 12 тыс. тонн*).

В течение первого месяца войны боевые действия преимущественно осуществлялись с американских и британских кораблей: с американских авианосцев бомбардировали самолеты, с остальных морских судов союзников стреляли крылатыми ракетами. В результате практически с первых ударов были уничтожены все военные самолеты на афганских аэродромах и разрушены средства ПВО талибов. Одновременно отряды специального назначения стран коалиции провели наземные операции в наиболее важных районах скопления и снабжения вооруженных сил талибов и в центрах управления войсками.

Что касается технологического уровня использованных сил нападения, то в авианалетах участвовали, наряду с другими современными истребителями и штурмовиками, и стратегические бомбардировщики В-1В, В-2, В-52, применялись высокоточные бомбы, снаряды и ракеты «воздух-земля» с лазерным или спутниковым наведением. Причем, силы вторжения пускали в ход и сверхтяжёлые неядерные авиационные бомбы «Дэйзикаттер». Чтобы несколько сни-

зять критику вооруженных действий сил вторжения в Афганистан, США параллельно проводили гуманитарные полеты: разбрасывали над населенными пунктами этой страны с военно-транспортных самолетов С-17 пакеты с продовольствием и медикаментами.

После месяца массированных воздушных и ракетных ударов, приведших не только к потерям в вооруженных силах кабульского режима, но и к крупным человеческим жертвам среди мирного населения, боеспособность движения Талибан резко сократилась. Этим фактором воспользовались и противники внутри страны. 9 ноября 2001 года Северный альянс под руководством генерала А. Дустума в результате концентрированного удара своих вооруженных сил захватил крупнейший город северного Афганистана Мазари-Шариф. При этом было убито много талибов, прекративших сопротивление и попавших в плен, а сам город подвергся мародёрству. Утрата Мазари-Шарифа привела к тому, что многие поддерживавшие талибов полевые командиры предпочли перейти на сторону Северного Альянса. 13 ноября талибы без боя оставили Кабул, а в конце этого месяца и последний опорный пункт на севере страны — город Кундуз (*интернет, википедия — Свободная Энциклопедия. Война в Афганистане, 09.09.2008, с. 7-8*). Таким образом, в руках правительства талибов сохранилась лишь провинция Гильменд с главным пуштунским городом Кандагар, городами Лашкаргах, Буст, Гиришк и близлежащими менее населенными пунктами, а также горные ущелья и разрозненные поселения южного Афганистана и особенно горные районы Пактии и Гардеза на юго-востоке страны.. Учитывая чрезвычайную значимость Кандагара для пушту-

нов и талибов, американское командование региона Персидского залива и Среднего Востока для завершения разгрома стационарных военных образований талибов, сочло целесообразным в первую очередь захватить этот город. 25 ноября 2001 года оно осуществило переброску с кораблей в Аравийском море крупного контингента морских десантников в количестве тысячи человек на плато к югу от Кандагара. Талибское руководство, получив информацию об американском десанте, направило против них имевшиеся у них остатки бронетехники. Однако она была быстро уничтожена американскими вертолетами. Таким образом, город Кандагар был обречен перед техническим превосходством американцев и через две недели Кандагар был освобожден от талибов.

Однако разгром талибов не был полным: их руководители во главе с Омаром, а также Усама бен Ладен скрылись, по сведениям, в горах Пактии, в разветвленной и сложной для обследования пещерной системе местечка Тора-Бора. Пактия еще с девятнадцатого века была освоена пуштунскими племенами как важный опорный район, который не смог покорить штурмовыми операциями в 80-е годы XX века правивший тогда кабульский режим при мощной поддержке советских войск. Теперь же наспех сформированные войска под руководством антиталибских сил, включая и подразделения Северного альянса при американской военной поддержке тоже бросились на штурм Тора-Боры, обрушив на район мощные серии бомбардировочных ударов и десантных операций. Сражения были упорными и длились несколько дней, пока антиталибской коалиции не удалось 17 декабря подавить местное сопротивление. Однако ни в пе-

щерах, ни в близлежащих ущельях обнаружить лидеров Талибана и Усама Бен-Ладена обнаружить не удалось.

Во главе новой, переходной, афганской администрации в декабре 2001 года был назначен пуштун Хамид Карзай, который в июне 2002 года Лойей Джиргой (Высшим форумом пуштунских племен, или иначе, Верхней Палатой афганского парламента) был утвержден временным президентом Афганистана. Одновременно с завершающими боями по подавлению сопротивления талибов в Афганистане была развернута военная миссия НАТО, получившая название ISAF (International Security Assistance Force, создана согласно резолюции Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 года). Поначалу её зона ответственности распространялась только на Кабул (*интернет, википедия — Свободная Энциклопедия. Война в Афганистане, 09.09.2008, с. 7-8*).

Хотя вторгшимся в Афганистан войскам международной коалиции (американо-английской) при «соучастии» новых афганских вооруженных сил удалось довольно быстро по срокам подавить большие формирования талибов, однако в течение всего 2002 года оккупантам и новым властям, пусть и эпизодически, пришлось вступать в сражения и стычки с талибскими партизанскими отрядами в южных провинциях Афганистана. Так, в марте 2002 года войскам международной коалиции пришлось провести против скопления талибских вооруженных отрядов в долине Шахи-Кот (район города Гардез) довольно серьезную операцию под кодовым названием «Анаконда». В дальнейшем сопротивление талибов ограничивалось редкими обстрелами баз и конвоев иностранных войск.

Таким образом, трагические события, произошедшие 11 сентября 2001 г. в США, привели к международному вооруженному конфликту на Среднем Востоке: возглавляемая Вашингтоном союзническая коалиция ввела свои войска в Афганистан, свергла власть талибов, оккупировала южный и западный Афганистан и передала правление страной коллаборационистскому правительству Хамида Карзая — выдвиженцу антиталибских пуштунских кругов Кандагара. США навязали войну в Афганистане в рамках операции «Несокрушимая свобода», которая превратилась в военный конфликт между войсками НАТО, поддерживаемыми сначала Северным альянсом, а затем новым правительством Х. Карзая, с одной стороны, и исламистской организацией Талибан совместно с Аль-Каидой, — с другой.

Однако целесообразно отметить, что стабильные новые формы афганской государственности и их характер не выкристаллизовались, чтобы местная общественность могла их считать как фундаментально сложившиеся для мирного существования единого и социально уравновешенного Афганистана.

Военные действия преследовали страну практически на всем протяжении иностранной оккупации. «Война в Афганистане только начинается, и это не конец, как предполагали ранее», — уверенно заявили эксперты Афганской неправительственной организации по безопасности. В отчете этой организации отмечалось, что в 2007 г. число атак экстремистов увеличилось. Ее же эксперты добавляли: «Через несколько лет минувший год (то есть 2007 г.) будет считаться годом, в котором движение «Талибан» вновь активно при-

нялось за борьбу. Теперь ясно, что легкий уход «Талибана» в 2001 г. был скорее стратегическим ходом, чем реальным поражением» (*Reuter, 11.02.2008*).

За весь 2007 г. в результате терактов и убийств в стране погибли более 6,5 тыс. человек (подавляющее число из них — афганцы: не только военнослужащие и чиновники, но и мирные граждане), а количество терактов превысило 140.

Причем, в Афганистане погибло рекордное количество военнослужащих из воинского контингента США. За указанный год погибли 110 американских солдат, при этом количество погибших среди представителей афганских правоохранительных органов достигло 925 человек. Воинский контингент Великобритании потерял 41 солдата, а вооруженные силы Канады — 30 человек. Кроме того, за 2007 г. погибли 40 военнослужащих из других стран.

Такая же нестабильная политическая и военная ситуация продолжилась и в 2008-2009 гг.

Каковы причины создавшегося тупикового положения?

Основных — три. Самая главная причина заключалась в том, что американцы вошли в Афганистан, не имея никаких серьезных намерений в плане социально-политических и экономических изменений в этой стране. Просто в 2001 году американцам было необходимо срочно отреагировать на террористические акции в Нью-Йорке и Вашингтоне (предположительно со стороны Аль-Каиды и других противников США). От этого зависел политический имидж самого президента Дж. Буша-младшего. Афганистан же был выбран для удара просто потому, что он являлся слабым государством в военном отношении, а в горах его южных провинций

подразумевалось нахождение центрального руководства Аль-Каиды. Однако американцы, кроме карательных акций и по существу оккупационных действий, не планировали вкладывать в эту страну сколько-нибудь значительные средства, чтобы как-то изменить социальную и экономическую жизнь самих афганцев. Кстати, афганская общественность ждала именно этого и потому она в свое время не поддержала Талибов. Вместо решения афганских проблем американский президент буквально через год ввязался в иракскую авантюру, куда стали преимущественно направляться силы и средства, предназначенные для обеспечения американской военной авантюры на БСВ. До 2009 года 80% этих затрат как раз и уходило на Ирак, а Афганистану доставались лишь малые крохи от них. Соответственно, среди афганского населения росло недовольство тем, что в их социально-экономической области не происходили перемены.

Вторая причина — в Афганистане, как и в Ираке, американцы также допустили серьезную ошибку, не создав в этих странах дееспособной национальной армии, которая могла бы самостоятельно взять под контроль все провинции. Собственно американский военный контингент в Афганистане до 2009 года был весьма недостаточным (хотя и преобладавшим в составе иностранных интервентов), так как Пентагон оказался во многом занятым в решении своих проблем в Ираке. Войска международной коалиции в Афганистане были представлены довольно слабо, и функции «вооруженных дежурных» выполняли, в основном, европейцы и канадцы, которые в принципе не хотели воевать. В афганской кампании НАТО по существу воевали американцы и британцы,

а подразделения остальных стран не стремились участвовать в активных боевых действиях.

Третья причина (или полумера) заключалась в том, что американцы всегда делали ставку только на пуштунов, тогда как основной объем внутреннего сопротивления талибам осуществлялся Северным альянсом, в который входили воинские части национальных меньшинств страны (преимущественно таджиков и узбеков). Кстати, поэтому у американцев и не было больших потерь в 2001 году, когда они вошли в Афганистан. Так, всю наземную часть боевых операций против талибов проводили войска «северян», а американцы, в основном, поддерживали их с воздуха. Затем проблема заключалась в том, что американцы продолжали опираться на пуштунов, а Северный альянс был выдавлен со своих прежде занимавшихся позиций в центральных властных учреждениях в Кабуле. Причем, большая часть пуштунов всегда поддерживала Талибан. В результате, никогда американцы не могли полностью опереться ни на тех, ни на других.

Еще одной проблемой, помимо войны, являлось производство наркотиков. Как сообщил специальный представитель президента РФ по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом Анатолий Сафонов, по итогам 2007 г. в Афганистане было собрано рекордное количество опиата — 8 тыс. т. «Афганистан находится на последней стадии превращения в наркогосударство», — сказал А. Сафонов. Прежде всего это привело к тому, что экономика страны стала наркозависимой.

Официально провозглашенные итоги потерь в Афганистане за период с октября 2001 г. до февраля 2009 года со-

ставили:

— в международной коалиции — 1062 военнослужащих, в том числе в контингентах США — 640, Великобритании — 143, Канады — 108;

— среди талибов — (по неофициальным данным) не менее нескольких десятков тысяч;

— среди мирного населения Афганистана — около 50 тысяч человек (*интернет, википедия — Свободная Энциклопедия. Война в Афганистане, 09.09.2008, с. 241; Эттелаат, Т., 13.04.2009*).

В последние полтора года первого десятилетия XXI века политическая обстановка в оккупированном Афганистане, которая до этого, сравнительно с таковой в Ираке, под властью международной коалиции и коллаборационистов считалась относительно спокойной, изменилась кардинально. Если рассматривать ситуацию на юге Афганистана, то по сообщению источников, уже четыре провинции контролировались движением Талибан. Причем один из городов в провинции Кандагар, на том же юге, уже в течение долгого времени находился в руках талибов и коалиционные силы безуспешно пытались отбить его. Более того, в трех других южных провинциях контроль частично находился в руках Талибан. Кроме того, Талибан заметно активизировала свою деятельность на западе Афганистана, в провинции Герат. До этого она практически не была представлена на местном уровне и даже во времена господства режима Талибан ее представители не могли полностью контролировать эту провинцию. Затем появились сообщения о том, что Талибан активизировался и на севере страны, хотя этот регион все еще считался относительно спокойным регионом Афганистана. С другой

стороны, при правительстве Хамида Карзая, т. е. внутри антиталибовской коалиции, был создан новый альянс — Национальный объединенный фронт, куда вошли все бывшие командиры моджахедов северных провинций, представлявшие таджиков Афганистана. Также в этот альянс вошли лидеры узбекских племен во главе с генералом А. Дустумом.

Сам альянс не декларировал себя противником президента Хамида Карзая, но большинство местных экспертов сошлись во мнении, что этот альянс представлял опасность Х. Карзаю с другой стороны. То есть, если до этого Карзаю противостоял только Талибан, как движение, то теперь у него появилась внутренняя политическая оппозиция сбоку. Сам конгломерат людей, которые объединились против него, выглядел довольно странным. С одной стороны, это бывший президент Афганистана Бурхонуддин Раббани, большинство лидеров антиталибовского Северного альянса (т. е. преимущественно таджики по национальности; кроме того, там были представлены и другие нацменьшинства типа А. Дустума), а также бывшие сторонники убитого президента Наджибуллы. Целесообразно отметить, что появление такого альянса повергло в изумление иностранных наблюдателей, но он свидетельствовал о том, что внутри правительства Карзая образовалась серьезная группа несогласных с его политикой, так как большое количество членов нового альянса входили в состав его правительства. Альянс ставил очень серьезные вопросы, в том числе изменение конституции страны. Альянс требовал изменения политического устройства страны — перехода верховенства власти от президентской к парламентской, введение института прямого

выбора губернаторов. О чем это говорило? О том, что проамериканское правительство Х. Карзая не пользовалось популярностью среди афганского населения. Но самое главное заключалось в том, что эта власть все более теряла контроль над южными провинциями, где основную часть населения составляли пуштуны.

Уже на этом этапе предполагалось, что война в Афганистане (также как и в Ираке) американцами будет проиграна, и рано или поздно им придется думать над тем, как выводить свои войска из этой страны: и не только американцам, но и другим странам коалиции. Вопрос заключался в том, как они будут это делать, какой будет политическая тактика «ухода» и что будет после них? Здесь предполагалось несколько вариантов развития событий.

Первый — когда Талибан возьмет полный контроль над страной. Конечно, вряд ли такой ход событий устраивал коалицию. Но, с другой стороны, ситуация заключалась в том, что ни у НАТО, ни у США не было средств для широкомасштабных боевых действий на территории Афганистана. Они и не были заинтересованы в этом. Поэтому предполагалось, что они каким-нибудь образом начнут договариваться с Талибан.

Второй — заключался в том, что будут определенные договоренности между Талибан и Х. Карзаем, хотя это и было маловероятно. Но, думалось, над этим поработают американцы.

Третий — Афганистан распадется на несколько частей, т. е. на север и юг. А западная часть может присоединиться: либо к тем, либо к другим. Или же появится и такой вариант,

что страна может разделиться на более мелкие части, так как Талибан имел однозначно тяжелые отношения и с хазарейцами, и с таджиками. Поэтому вполне возможно, что будет выбрана такая стратегия, когда юг отдадут пуштунам, а силы коалиции будут поддерживать своих союзников в северных провинциях. Кстати, так же поступил и СССР, когда выводил свои войска из Афганистана в 1989 году. Тогда «шуврави» (то есть советские) создали на севере Афганистана своего рода «буферную зону», где отдали все оставшееся оружие А. Дустуму. Именно А. Дустум и был основной опорой политики Москвы в течение всего периода пребывания советских войск в Афганистане.

Таким образом, в мировом сообществе все более и более нарастало мнение, что в Афганистане американская политика потерпела фиаско. Это, в частности, еще в начале 2008 года высказал таджикский политолог, директор Общественного комитета по содействию демократическим процессам в Таджикистане Парвиз Муллоджанов в ответах на вопросы корреспондента ИА REGNUM (*интернет, ИА REGNUM, 20.01.2008*), и многие эксперты из разных стран, включая и из России.

На каких позициях находились к концу первого десятилетия XXI века представители международной коалиции?

Как известно, администрация Дж. Буша твердо стояла на продолжении своей военной кампании в Афганистане. Так, в апреле 2008 г. прозвучало, что США направили в эту страну дополнительно 3,2 тыс. морских пехотинцев, чтобы увеличить американский контингент более чем на 10%. Но на этом уровне новые деяния Вашингтона в отношении Афганистана не остановились.

Дело в том, что в течение 2007-2008 гг. талибы усилили и расширили масштабы вооруженного сопротивления и поставили под свой контроль значительные территории и населенные пункты в сельской местности. Даже несмотря на западное военное присутствие и его поддержку, контроль правительства президента Карзая над многими (особенно сельскими) районами носил формальный характер (ж. «*Мировая экономика и международные отношения*», М., № 3, 2009, с. 50). Американское военное командование же выступило с претензией к Вашингтону, что в этой стране расквартированных войск явно недостаточно, чтобы не только покончить с вылазками талибских отрядов (которые приобрели на вооружение современные зенитные средства — стационарные и переносные), но и для установления действенного контроля надо всеми территориями Афганистана. Поэтому в Белом доме пришли к выводу, что необходимо усиление американских воинских контингентов здесь. Рассчитывать на соответствующее увеличение контингентов из других стран по сути не было оснований. Так, в парламентах многих европейских участников международной коалиции не только усиливалась критика пребывания своих войск в Афганистане, но и раздавались требования о сокращении функций в этой стране и даже полного вывода. В качестве иллюстрации сложившихся таких настроений можно привести признания британского посла в Афганистане Шерарда Коупера-Коулза, который сказал: «Присутствие коалиционных сил в Афганистане не решает проблему, а лишь усложняет ее. Иностранная армия поддерживает режим, который без их помощи уже давно бы рухнул, и только затрудняет выход из кризиса» (ж. «*Миро-*

вая экономика и международные отношения», М., № 3, 2009, с. 50; «*Canard Enchaîné*», 03.09.2008).

В администрации президента Дж. Буша подход к решению «афганской проблемы» был противоположным: было предусмотрено в дополнение к уже находящемуся в Афганистане американскому контингенту в 32.000 военнослужащих направить как минимум 20 тысячный контингент войск разного назначения: мотопехоты, инженерных подразделений, спецназа и авиации для усиления вооруженных сил в районе Кабула и в южных провинциях. Кроме того, Канада, Великобритания и Нидерланды обязались направить подкрепление к дислоцированному в Кандагаре международному контингенту НАТО в 12.500 военнослужащих, а также в провинцию Гильменд (*AP The WestEast*, 01.05.2009, рубрика: Америка за неделю).

Однако практическое претворение военных планов Пентагона пало на плечи нового американского президента Барака Обама. Он с первых дней своего правления заявил об усилении американского военного присутствия в Афганистане за счет вывода войск из Ирака. То есть тогда Вашингтон вышел на путь усиления «американизации» войны в Афганистане.

Барак Обама принял решение отправить в Афганистан дополнительно 17 тысяч военнослужащих. В начале 2009 года американский воинский контингент в этой стране составил 38 тыс. человек. А госсекретарь Хиллари Клинтон объявила о долговременности политики США по пребыванию в Афганистане («*RTR daily*», 28.02.2009; «*Вестни*», 28.02.2009).

Кроме того, ожидалось, что Великобритания расширит свой контингент в Афганистане после вывода части войск

из Ирака. За ними о подобных намерениях заявили и другие участники международной коалиции. В частности, Польша в том же году обязалась отправить в Афганистан дополнительно 400 своих солдат. Грузия же информировала, что намеревается послать в Афганистан 4 тыс. своих военнослужащих, если Грузию примут в НАТО (*«Euronews», 08.08.2009*). Соответствующего мышления продолжали придерживаться и другие страны, до этого отправившие свои воинские подразделения в Афганистан (Испания, Румыния и другие). А шведское правительство заявило о необходимости пребывания их воинского контингента в Афганистане в течение следующих 15 лет (*р/с «Свобода», 02.04. 2008*).

Вашингтон, стремясь сломить талибанское сопротивление на афганском юге, но не справляясь эффективно с этой задачей, стал оказывать давление на Исламабад, чтобы пакистанская армия стала заградительной стеной на пакистано-афганской границе и не позволила талибам пространственно маневрировать в приграничных районах. Кроме того, от Пакистана требовалось совместно с американскими силами наносить синхронные удары по повстанцам. Однако, пакистанская сторона, производя определенные военные операции в северо-западной провинции, вместе с тем стала возражать против своего широкого вовлечения в борьбу с талибами. Она заявила, что «главную опасность для Пакистана представляет пакистано-индийская граница, на которой она не намерена ослаблять свои вооруженные силы во имя солидарности с американцами на своей северной границе». Одновременно «Исламабад выразил беспокойство тем, что диверсионные отряды американских морских пехотин-

цев, расширив свои операции против талибов в южных горах Афганистана, начали все чаще вторгаться на пакистанскую территорию. А это усложняло политическую ситуацию в таких проблемных для центрального пакистанского правительства районах, как Белуджистан и пуштунская Северо-западная провинция» (*газета «The National daily» (англо-пакистанское издание), L., 24-30.07.2009, p. 1,23*). Таким образом, НАТО, и прежде всего ее основной костяк — американо-английский контингент — в ходе своих карательных действий на афганском пространстве встретила с усложненной ситуацией, подобной таковой в Ираке.

В течение последних лет Россия по существу была пассивной стороной и не вела значительных политических действий относительно Афганистана в целом, а ее торгово-экономические связи с этой страной были довольно незначительными — около 70 млн. долл. Но она в любой момент, в зависимости от конъюнктуры международных обстоятельств, могла активизироваться. Что Россия могла предпринять в тот момент?

У России традиционно хорошие отношения имелись с Северным альянсом, представители которых доминировали в новом альянсе, о котором мы говорили выше. Кстати, в 90-е годы лидеры Северного альянса получали действенную помощь от России. Россия имела возможность сыграть роль посредника в тот период, когда встал бы вопрос о выводе иностранных войск из Афганистана. Для России и стран Центральной Азии, несмотря на дальнейшее развитие событий в Афганистане, первостепенным вопросом должно было стать создание буферной зоны на южных рубежах

СНГ. Если Талибан в той воинствующей форме, в которой эта организация находилась, и если ее радикальное крыло получило бы контроль над всей территорией Афганистана, и вышла бы к границам СНГ, а именно к горным районам таджикского Бадахшана, тогда могла возникнуть серьезная угроза стабильности и безопасности в регионе. Не надо забывать, что одной из радикальных групп Талибана являлась центрально-азиатская, к которой относился и ИДУ. Опасность была и для России, да и не только для нее, важно было не допустить такого развития событий (*интернет, www.regnum.ru/news/817421.ytml, 23.4.2007; ИА REGNUM, 20.01.2008*).

Если на начальном этапе борьбы против талибов международной коалиции под водительством США Москва воздерживалась от критических замечаний в адрес агрессивных действий Вашингтона, то по прошествии нескольких лет с момента ввода иностранных войск в Афганистан, руководство России несколько изменило свое отношение по афганскому вопросу. Это было вызвано тупиковостью сложившейся политической ситуации в этой стране и возросшей опасностью для мирового сообщества от увеличившегося «при американцах» афганского экспорта наркотиков и ультрарадикальных идей. Такой новый подход Москвы прозвучал, в частности, в интервью президента РФ Д. А. Медведева корреспонденту Би-Би-Си 29.03.2009 в части, касавшейся Афганистана, Ирака и Ирана. На вопрос корреспондента Э. Марра: «Американцы передумывают свою политику по Афганистану в настоящий момент. Но помимо того, что Вы могли бы сказать: «Мы вас предупреждали», — что бы Вы могли посоветовать американцам делать в будущем в отношении

Афганистана?» — Д.А. Медведев ответил: «Афганская тема, конечно, является одной из самых проблемных, самых сложных тем в сегодняшней жизни. Изначально мы поддержали усилия американцев и государств альянса по предотвращению террористической угрозы, которая исходила из этой страны, в том числе и в ходе переговоров с нашими ближайшими соседями. Более того, мы в ряде случаев просто открыто помогали, когда нас спрашивали, можно ли разместить те или иные силы, можно ли разместить те или иные базы. Мы отвечали просто: это меры антитеррористические, и мы рекомендуем нашим друзьям, нашим партнёрам, в том числе из Центральной Азии, помогать в этом направлении. Я считаю, что и сегодня ряд угроз сохраняется. И в этом смысле мы готовы участвовать в усилиях по наведению порядка, по предотвращению террористических выступлений, в том числе в рамках тех обязательств, которые мы на себя принимали. Другой вопрос, что рано или поздно, на мой взгляд, всё-таки должна появиться нормальная, развитая политическая структура Афганистана. Невозможно управлять Афганистаном при помощи альянса, невозможно управлять Афганистаном из-за границы. Афганистан должен найти и свой путь в демократию» (*Сайт президента РФ, 29.03.2009*).

Следует отметить, что и со стороны Афганистана нарастала потребность к сближению с Москвой. Дело в том, что подавляющая часть народно-хозяйственных объектов, существовавших в этой стране, была построена или технически оснащена при помощи СССР — это освоение газовых и нефтяных месторождений на севере Афганистана, Мазари-Шарифский азотно-туковый комбинат, электростанция «На-

глу», текстильные фабрики в Кабуле, Гульбахаре, Герате, десятокхлопкоочистительных заводов, большинство автомагистралей (Кабул-Шерхан, Кундуз, Маймане, Герат-Кандагар, Кабул-Джелалабад, ДСК в Кабуле, Политехнический институт в Кабуле, сеть технических училищ и т.д. Кроме того, многие местные профессионально-квалифицированные кадры для науки, культуры, военной области и экономики были подготовлены при советском содействии как в Афганистане, так и в Советском Союзе. Поэтому во время двусторонних контактов афганские представители проявляли большую заинтересованность в возобновлении сотрудничества на вышеназванных объектах для их восстановления до прежде существовавшего уровня производства, а также для реконструкции и дальнейшего развития.

Таким образом, в 2009-2010 гг. политическая ситуация в Афганистане, как и в прошлые десятилетия, продолжала оставаться неурегулированной и чрезвычайно напряженной и, вероятно, ее положительная перспектива могла сформироваться только в условиях, когда иностранные войска покинут территорию этой страны и предоставят народу Афганистана самому искать и найти путь оптимального функционирования своей общественной жизни. Хотя войска интервентов имели многократное численное превосходство в живой силе и тем более в оснащении современным вооружением и электроникой, перспективы на их общий успех были весьма сомнительными. Это признавалось и западными экспертами. В качестве обоснования такого вывода можно привести пример, что июль 2009 года стал самым тяжелым месяцем для сил НАТО в Афганистане: силы НАТО понесли в июле

самые тяжелые потери за все время конфликта, длившегося с 2001 года. По данным командования, с начала месяца были убиты 46 военнослужащих международных сил, в том числе 24 американца. В среднем силы НАТО теряли в июле трех солдат в день — это соответствовало потерям сил коалиции в самые неблагоприятные месяцы операции в Ираке. В данной связи, начальник генштаба британских вооруженных сил Ричард Даннатт выступил за увеличение численности международных сил в Афганистане (*«Время Востока»*, 16.07.2009).

Как сообщали СМИ в этот период, «войска НАТО в Афганистане составляли 60 тыс. чел., а «Талибан» — 12 тыс. чел. Для полной победы над талибами должно было быть десятикратное количественное превосходство» (*«РБК daily»*, М., 02.07.2009).

Военное напряжение не уменьшилось и в дальнейшем. Поэтому присутствие вооруженных сил международной коалиции стало еще более возрастать. Так, корреспондент Андре де Нешнер по радио «Голос Америки» привел следующую информацию по данным на июль 2009 г., опираясь на мнение ряда политологов-международников: «На сегодняшний день численность военного контингента США и НАТО в Афганистане составляет около ста тысяч человек. Войска НАТО находятся в стране с 2003 года. В состав действующих под эгидой ООН Международных сил содействия безопасности (МССБ) входит более 60 тысяч военных североатлантического альянса».

По словам аналитиков, в Афганистане перед НАТО стояли три задачи. Во-первых, помочь афганскому правительству в деле восстановления и стабилизации страны. Во-вторых,

провести обучение афганских военных и полиции. И наконец, обезвредить и ликвидировать боевиков «Талибана» на юге страны, где они всегда пользовались значительным влиянием.

По численности войска США занимали первое место в составе МССБ, где их контингент насчитывал около 30 тысяч военнослужащих. Кроме этого, еще 32 тысячи американских солдат и морских пехотинцев участвовали в операции «Несокрушимая свобода». Задачи сил НАТО и участников операции «Несокрушимая свобода» постепенно сближались, говорил эксперт по вопросам НАТО и Афганистана в лондонском Центре европейских реформ Томас Валасек. «Основное различие между ними, если таковое вообще существует, — объясняет он, — заключается в том, что цель «Несокрушимой свободы» — поимка Осамы бен Ладена и других лидеров «Аль-Каиды» и «Талибана» в Афганистане. Что же касается войск НАТО, то они несут функцию миротворцев, призванных помочь афганскому правительству взять под контроль ситуацию в стране. Естественно, различия между их задачами сглаживаются потому, что силам НАТО исполнять роль миротворцев в Афганистане оказалось не так просто. Так что миротворческие силы превратились в обычных военных».

Только за июль 2009 г. число боевых потерь войск США и НАТО составило 76 убитых, включая 45 американцев — самые высокие показатели с начала афганской кампании.

Аналитики отметили, что рост активности талибов был связан с состоявшимися 20 августа президентскими выборами. По их словам, центр боевых действий все еще находил-

ся в южной части страны, однако боевики уже начали наступление на восток и даже на относительно мирный север страны.

Эксперт из Уэслианского университета в штате Огайо Шон Кэй отметил, что за последние несколько лет талибы сменили тактику. «Талибан» перенял опыт Ирака, — говорил он. — Сейчас несвойственные раньше Афганистану акции террористов-смертников происходят все чаще и чаще. Более того, самодельные взрывные устройства несут дополнительную угрозу для американских военных, которые ежедневно сталкиваются со смертельными рисками».

Профессор Лондонского университета Майкл Уильямс указал, что талибы использовали классическую стратегию нанесения коротких ударов. «Сейчас боевики «Талибана» считают себя выигравшими бой — так ли это, пока сказать трудно, — спросил Уильямс. — Территории под их контролем не так уж много. Дело в том, что они ведут войну в основном на изнурение. В ответ силы НАТО вынуждены отражать их нападения на определенной территории, а затем эту территорию удерживать. Талибам же достаточно совершать кратковременные выпады и создавать хаос. И эта весьма легкая для них стратегия создает колоссальные трудности для войск коалиции».

В дополнение к этому, как подтвердил сотрудник Совета по международным отношениям в Вашингтоне Чарльз Купчан, контртеррористические действия всегда были связаны со значительными трудностями, так как боевики часто уходили от преследующей их армии. «Например, в Афганистане они могли перейти через границу и раствориться на терри-

тории Пакистана. А разрешения на ввод войск на территорию этой страны у США, в общем, нет — несмотря на осуществляемые там удары беспилотных летательных аппаратов. Так что в Пакистане у боевиков было надежное укрытие. Они могли время от времени переходить афганскую границу, проводить нападения, а потом опять ускользать в Пакистан».

По мнению многих экспертов, репутация НАТО могла серьезно пострадать, если войскам альянса не удастся искоренить талибов и установить порядок в Афганистане.

Вот как сотрудник Лондонского университета Майкл Уильямс представлял себе победу в Афганистане: «Для США и их союзников успехом операции в Афганистане будет стабильная страна с централизованным правительством, которое пользуется уважением независимых региональных сил, отвечает за свою собственную безопасность и гарантирует, что террористические организации не смогут найти прибежища в стране».

Майкл Уильямс и другие эксперты отмечали, что Афганистан может добиться стабильности только при условии необходимой экономической и финансовой помощи правительству страны со стороны международного сообщества. Для восстановления стабильности в стране присутствия только войск НАТО недостаточно (*р/с «Голос Америки», 21.08.2009, обзор Андре де Нешнера*).

Это обусловлено прежде всего тем, что за спиной талибов и афганских националистов имелся мощный тыл в лице крупнейшей нации Афганистана — пуштунов (70% населения страны) и обширный горный регион пуштунских племен

на афганской и пакистанской (СевероЗападная провинция) территориях, чья численность в Пакистане не уступала таковой в пределах Афганистана. Исламабад, со своей стороны, стал проявлять нарастающее беспокойство за стабильность политической и межнациональной ситуации в своей стране, так как борьба талибов с воинскими контингентами международной коалиции в Афганистане начала влиять на настроения не только в Белуджистане и в районах расселения «пакистанских» пуштунов, но и даже в Пенджабе («*The Sunday Times*», L., 26.07.2009). В пакистанских СМИ появились даже публикации под заголовками «Талибанизация Пенджаба» (газета «*The National daily*» (англо-пакистанское издание), L., 24-30.07.2009, p. 1,23).

Кроме того, не следует сбрасывать со счетов нарастающую оппозицию внутри самих стран-интервентов: как среди второстепенных участников акций международной коалиции в Афганистане, так и в англо-саксонских державах — зачинщиках агрессии в указанной стране.

Поэтому на этом целесообразно остановиться несколько подробнее.

Возраставшие потери воинских контингентов в Ираке и Афганистане привели к некоторым качественным сдвигам в действиях правящих кругов США и Великобритании. Если президент Обама, решившись сократить численность американских войск в Ираке и пообещав их полный вывод из этой страны в 2011 году, одновременно пошел на увеличение американского участия в Афганистане, а премьер Великобритании Г. Браун совершил полную эвакуацию своего контингента из района Басры (но также проявил готовность

усилить свое участие в афганском конфликте), то их поведение в отношении политики в Афганистане стало вызывать серьезно растущие протесты в общественности обеих держав.

Особенно это проявилось в Англии. Причем критика действий правительства велась с двух сторон: 1) министерство обороны королевства, объясняя весьма высокие показатели гибели английских военнослужащих в афганской провинции Гильменд, которые уже летом 2009 г. превысили таковые за всю «английскую кампанию» в Ираке и составили с 2001 года 187 человек (*«The London lite», L., 21.07.2009. В Ираке за 2003-2009 гг. погибло и умерло 179 британских военнослужащих («The London lite», L., 30.07.2009). Причем в августе 2009 г. общие английские потери в Афганистане уже превысили 200 человек*), заявляло, что у командования на афганском фронте чрезвычайно нехватало штурмовых вертолетов. Поэтому английские потери быстро возрастали: так только в течение трех дней боев летом 2009 г. было ранено 55 военнослужащих и потери продолжали быстро нарастать. Министр обороны Б. Айнсворз потребовал от премьер-министра Г. Брауна и парламента резко увеличить количество вертолетов «Chinook» еще на 20 единиц (в дополнение к уже имевшимся 20 в Афганистане), а также 2 тысячи бронемашин «Mastiff» и другого вооружения на афганском направлении (*«Daily Mail», L., 25.07.2009; «London lite», L., 30.07.2009*); 2) общественность Великобритании все более возбуждалась большими и растущими людскими жертвами англичан в Афганистане. Местные СМИ буквально наводнила обширная и подробная информация по каждому случаю возвращения трупов англичан в страну. На основе

нее в Великобритании усилилась критика действий правительства за рубежом, стали раздаваться требования об отставке Г. Брауна и лейбористского правительства. Оппозиция правительству заявила, что «английский народ не понимает, почему мы ведем войну в далеком Афганистане, принося в жертву наших граждан и большие бюджетные средства». Эти настроения наблюдались и в английском контингенте в Афганистане — пресса привела в качестве примера поступок капрала Глентон, который, вернувшись из этой страны, публично отказался снова служить в ней, заявив «о своем несогласии с военным вмешательством Великобритании там» («*Euronews*», 08.08.2009). Одновременно с этим, в английском парламенте вспыхнул скандал — обвинение Министерства обороны в неумелом и даже преступном расходовании 500 млн. фунтов стерлингов, когда финансовые потери составили 313 млн. ф. ст. Как раз этих средств, заявили критики, оказывается и нехватало для достаточного оснащения английских войск в Афганистане («*The Sunday Times*», L., 26.07.2009).

Однако премьер-министр Г. Браун вновь категорически подчеркнул, что «политика его страны в Афганистане и Пакистане полностью соответствовала цели сохранения мира не только в этих странах, но и в регионе в целом (имелись ввиду Средний Восток и Индостан) ... Что касается вопроса потерь в Афганистане, то британская армия, — по его словам, — имела достаточно необходимой экипировки, чтобы преуспеть в войне» (газета «*The National daily*» (англо-пакистанское издание), L., 24-30.07.2009, p. 1,23). В итоге, оценивая политические настроения в Англии с 2009 г. по вопросу о положении в Афганистане, можно констатировать, что в Великобритании на-

растали острые противоречия между мнением общественности и лейбористским правительством — как заявляли СМИ, 60% населения в США и Британии потребовали вывода своих войск из Ирака и Афганистана («Euronews», 08.08.2009).

Наконец, чтобы переломить военную и политическую ситуацию в Афганистане в свою пользу, как правящие круги, подконтрольные Западу, так и американо-английская коалиция стали активно действовать, чтобы успешно провести перевыборы президента этой страны в августе 2009 года и таким образом продолжить свои законные операции против талибов.

Учитывая то, что авторитет президента Хамида Карзая был весьма невысоким в Афганистане, хотя местное население и устало от неустойчивости внутривнутриполитической жизни в стране, как сам Карзай, так и его союзники по международной коалиции уже с весны 2009 года стали искать наиболее выгодные варианты для его переизбрания на новый срок. В этой связи снова возросли «акции» генерала А. Дустума, как важного союзника в «перевыборной игре».

Поэтому стало вновь целесообразным остановиться на «дустумовском» факторе, так как этот генерал А. Р. Дустум, создатель партии «Национальное исламское движение Афганистана» (НИДА) и один из лидеров афганских узбеков был вновь приглашен в Кабул. Дело в том, что он являлся одной из самых влиятельных фигур на кабульской политической арене, но с декабря 2008 года находясь в вынужденной эмиграции в Турции, на протяжении более, чем полугодия был отстранен от непосредственного участия в политической борьбе, захлестнувшей афганскую политическую верхушку

зимой-летом 2009 года. Как уже отмечалось частично выше, политическое падение А.Р. Дустума началось в феврале 2008 года, когда серьезно обострился до этого тлевший конфликт между ним и его бывшим подчиненным Акбар Баем, который, возглавив «Союз тюркоязычных народов Афганистана» (СТНА), встал на путь оспаривания дустумовского лидерства над афганскими узбеками.

Наконец, после некоторого проявления терпения, 3 февраля 2008 года Дустум и 50 его вооруженных сторонников совершили налет на дом Акбар Бая. Застрелив одного из охранников и жестоко избив лидера СТНА, они увезли его и сына в качестве заложников. В дальнейшем Дустум отказался подчиниться сотрудникам полиции, явившимся к месту столкновения, и при этом заявил, что окажет вооруженное сопротивление властям в случае попыток проникнуть в его собственный дом на основании заведенного на него уголовного дела. Тогда указом президента Хамида Карзая лидер НИДА был временно отстранен от исполнения обязанностей военного советника президента и начальника штаба верховного командования вооруженных сил страны, а также помещен под домашний арест. Ввиду продолжительного отсутствия компромисса между генералом и представителями Акбар Бая, Дустум в ноябре 2008 года согласился с предложением Хамида Карзая уехать из страны. 1 декабря 2008 года специальный самолет из Анкары забрал генерала Дустума и его семью в Турцию.

Однако, находясь в Турции, Дустум продолжил свою активную политическую деятельность. Так, шаг за шагом он превратился в важного закулисного политического союз-

ника Хамида Карзая, так как в начале 2009 года стал содействовать Карзаю в развале оппозиционного «Национального фронта Афганистана» (НФА), хотя генерал сам являлся одним из руководителей этого яльянса.

Потребность в генерале на афганской арене стала снова актуальной еще и в связи с неблагоприятными для центральной власти событиями на севере страны. Весной 2009 года резко обострилась военно-политическая ситуация в трех афганских провинциях — Сари-Пуль, Фарьяб и Джаузджан (с преобладающим узбекским населением), что, в свою очередь, угрожало благоприятному проведению для Карзая президентских выборов в этом до сих пор лояльном регионе страны.

За несколько месяцев вооруженные формирования талибов, «Аль Каиды» и «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ), заметно дестабилизировали ситуацию здесь. Местное население серьезно встревожили вооруженные нападения на уездные администрации и убийство начальника регионального Управления национальной безопасности (УНБ). Обеспокоенные ухудшением обстановки на местах губернаторы провинций Сари-Пуль, Фарьяб и Джаузджан стали часто проводить совместные совещания по проблемам обеспечения безопасности, в которых приняли участие руководители силовых структур всех «узбекских» провинций. Уже в ходе шибирганского совещания 6 июня губернатор Фарьяба, в частности, объявил о значительном усилении численного состава правоохранительных органов в уезде Гурмач с целью ликвидации весьма активизировавшихся здесь вооруженных отрядов антиправительственной оппозиции.

Таким образом, возвращение генерала Абдула Рашида Дустума в Афганистан явилось насущно необходимым фактором для президента Хамида Карзая в целях обеспечения безопасности в «узбекских провинциях» страны, в которых генерал пользовался высокой популярностью среди местного населения и он обладал опытом борьбы с талибами и другими вооруженными исламскими формированиями на афганском севере.

В свою очередь, генерал Дустум, трезво оценив новую политическую конъюнктуру в стране и благоприятные варианты действий для себя, вступил в политическую коалицию с лидером хазарейско-шиитского «Исламского союза Афганистана» (ИСА) Хаджи Мохаммадом Мохакником. Затем, в конце мая 2009 г., от имени НИДА и ИСА он заявил о поддержке кандидатуры Хамида Карзая на грядущих президентских выборах. Данный факт весьма усилил позиции Карзая, так как поддержка действующего президента со стороны альянса Мохакник-Дустум на выборах значительно уменьшил возможности для создания другой достаточно опасной для него политической конкурентной силы.

В ответ, президент Хамид Карзай отменил свое распоряжение от февраля 2008 года о приостановлении полномочий генерала Дустума в качестве военного советника главы государства и начальника штаба верховного командования. Таким образом, были созданы условия как для возвращения А.Р. Дустума на родину полностью реабилитированным, но и для подключения его к вопросам обеспечения государственной безопасности и организации военных антиталибских операций в Афганистане.

Представляется целесообразным отметить, что в возвращении Дустума в Афганистан были заинтересованы и правящие круги Турции. Этот интерес был связан с перспективами углеводородных месторождений на афганском севере. Дело в том, что активный интерес к афганским нефтегазовым месторождениям Турция проявляла не первый год. Так, еще во время визита министра горнорудной промышленности и шахт Афганистана Саида Ибрагима Аделя в Анкару в августе 2006 года представители турецких компаний выразили готовность принять участие в развитии нефтегазовой отрасли Афганистана. При этом стороны договорились о сотрудничестве в реализации планов модернизации афганской энергетики, чтобы направить местные афганские газовые ресурсы на внутреннее производство электроэнергии. Если в прошлые десятилетия, когда мировые цены на углеводороды были сравнительно низкими, афганские месторождения рассматривались как малорентабельные и даже нерентабельные, то при новой углеводородной конъюнктуре возникла международная потребность в освоении афганских ресурсов. Турция выразила желание обеспечить значительные затраты на их разработку. При этом Анкара рассчитывала не только на средства отечественных компаний, но и на привлечение международных финансовых ресурсов: в первую очередь, имелись ввиду кредиты регионального международного Банка торговли и сотрудничества (БТС) с капиталом в 1 млрд. долларов, учредителями которого являлись Анкара, Тегеран и Исламабад. Такой расчет делался в связи с тем, что в мае 2009 года афганские власти официально пригласили заинтересованные международ-

ные компании принять участие в разработке нефтегазовых месторождений на севере страны. Афганский министр С. И. Адель заявил о ведущихся афганским правительством переговорах с представителями ряда иностранных добывающих компаний на предмет выявления интереса с их стороны к сотрудничеству с афганцами по освоению национальных нефтегазовых месторождений. По оценкам министерства горнорудной промышленности и шахт Афганистана, запасы месторождений провинции Джаузджан и Сари-Пуль по газу превышали 50 млрд. кубометров, а по нефти составляли примерно 7-10 млн. тонн. Афганские власти рассчитывали получать доходов ежегодно от добычи этих полезных ископаемых до 1,5 млрд. долларов.

Однако инвестирование и освоение нефтегазовых месторождений на севере Афганистана оказалось невозможным, ввиду продолжения обострения ситуации в Джаузджане, Сари-Пуле и Фарьябе. Таким образом, экономические интересы турецких компаний оказались зависимыми от более активных действий афганского правительства по наведению порядка в северных «узбекских» провинциях (*Афганистан. РУ, 12.06.2009, из статьи А. Серенко «Новая игра генерала Абдула Рашида Дустума»*).

На основании вышеприведенных материалов можно суммировать, что в возвращении северных афганских провинций под контроль центрального правительства Афганистана были заинтересованы и администрация президента Х. Карзая, и генерал А. Р. Дустум, и США, и Турция. Причем, генерал Дустум вновь стал одной из ключевых политических фигур как на севере Афганистана, так и на президентских выборах

2009 года. Кроме того, он мог сыграть немалую роль в формировании успешного партнерства США и НАТО с Узбекистаном.

Чтобы обеспечить А.Р. Дустуму общественную поддержку для легитимного возврата в Афганистан накануне президентских выборов, сторонники узбекского генерала провели многотысячные митинги и демонстрации в северных провинциях — Фарьябе, Джаузджане и Самангане, а также в провинциях Тахар и Бадахшан на северо-востоке Афганистана. Демонстранты требовали возвращения в страну Дустума до выборов, иначе они угрожали бойкотировать выборы (*Фергана. Ру, 17.08.2009*).

Как же прошли в августе 2009 года президентские выборы в Афганистане?

Прежде всего следует сказать, что политическая и военная обстановка в стране была напряженной, в связи с тем, что талибы усилили вооруженные нападения на иностранные воинские контингенты, особенно на американцев и англичан (причем именно в этот период последние понесли наибольшие потери военнослужащих за весь период нахождения в этой стране). Кроме того, талибы поставили под свой контроль несколько провинций, что дало повод к заключению ряда экспертов, что вне контроля центрального правительства оказалось более половины провинций Афганистана. Что касается тактики талибов в период выборов, то они заявили о том, что сделают все, чтобы сорвать их, а в провинциях применят физическую силу против принимающих участие в голосовании.

В свою очередь, афганские власти провели полную моби-

лизацию административного аппарата и силовых органов для подавления вылазок талибов, а американские и английские вооруженные контингенты расширили масштабы своих карательных операций против талибских и аль-каидовских партизанских группировок. Кроме того, в городах и деревнях, особенно в местах избирательных пунктов и подходов к ним, усилилось патрулирование совместными (то есть местными и иностранными) военно-полицейскими силами.

Как известно, ключевым регионом талибского сопротивления всегда был юг страны, и прежде всего провинция Гильменд (которая считается главной для пуштунов), а также провинции Пактия и ряд других. В преддверии президентских выборов, администрация президента США Б. Обамы решила нанести упреждающий удар по усилившимся в последние месяцы позициям талибов в провинциях страны. Так, 2 июня 2009 года США начали крупномасштабную операцию в афганской провинции Гильменд. Операция «Ханджар» («Удар меча») началась с массированной вертолетной атаки по позициям боевиков движения «Талибан». После чего в наступление перешла морская пехота. Всего, по словам бригадного генерала Лари Николсона, в армейской операции было задействовано 4 тысячи солдат США и еще 650 афганских военных. Но известно, что в провинции находились еще 8 тысяч британских военнослужащих, к которым в конце мая должны были примкнуть 10 тысяч военнослужащих Пентагона. Всем им предстояло шаг за шагом зачистить Гильменд от боевиков и восстановить контроль Кабула над провинцией.

Талибы в Гильменде действительно чувствовали себя

вольготно и операция «Хаджар» не сломила их сопротивления. 22 июня 2009 г. они напали на колонну морских пехотинцев США. По словам американских военных, в тот день они оказались под мощным минометным обстрелом. Бой шел несколько часов, а натиск был такой силы, что пришлось вызывать на выручку авиацию (*интернет, Neonomad/Неономадика/, Казахстан. Раздел Центральная Евразия, 09.08.2009*).

Карательные действия США продолжились и поэтому эксперты заключили, что «похоже, что Белый дом и Пентагон подготовились к победному броску». Причем, одновременно с развертыванием наступления на талибов, в июне 2009 года американская администрация произвела рокировку в командовании США и НАТО в этой стране. На смену генералу Дэвиду Маккирнану пришел генерал Стенли Маккрystal, которому была поставлена задача использовать новую стратегию борьбы с террористами. В Пентагоне заранее дали понять, что «Ханджар» — это «вещественное доказательство» смены руководства коалиционных сил в Афганистане. Реформам также подверглись военные структуры, где пошли по пути «разделения труда». Так, если одна часть сил НАТО и США стала заниматься ликвидацией боевиков, то другая — подготовкой афганских военнослужащих (*интернет, Neonomad/Неономадика/, Казахстан. Раздел Центральная Евразия, 09.08.2009*).

Таким образом, президентские выборы в Афганистане, как накануне, так и в день голосования, проходили в обстановке ожесточенного противостояния между законными властями Афганистана при вооруженной поддержке сил международной коалиции (во главе с США), с одной стороны, и талибами в содружестве с «Аль-Каидой» — с другой.

20 августа 2009 года по всей стране были открыты 6,6 тыс. избирательных центров, на которых могли проголосовать примерно 17 млн человек. Афганскими силами безопасности и военнослужащими НАТО осуществлялся жесткий контроль за ситуацией в стране, и прежде всего в Кабуле. Основными соперниками Карзая являлись экс-министр иностранных дел Абдулла Абдулла, а также бывший министр финансов Ашраф Гани Ахмадзай и депутат Рамазан Башардуст. В итоге подсчета голосов принявших участие в голосовании избирателей, уже в первом туре действовавший президент Афганистана Хамид Карзай победил большинством голосов и сохранил свой высокий пост на следующий президентский срок.

Зарубежная реакция на итоги афганских выборов была следующей:

Удовлетворение прошедшими выборами выразил президент США Барак Обама. Он сказал: «В Афганистане прошли успешные выборы, несмотря на попытки «Талибана» их сорвать. 73 нападения в 15 провинциях страны и убито 26 человека, а в Кабуле в столкновении были уничтожены двое боевиков. Однако в миссии ООН в Кабуле по завершении голосования отметили, что «в целом ситуация в сфере безопасности была лучшей, чем того опасались» (*«Infox», ТВ «Весту», Рейтер, «Известия», «The Times», «РБК daily», М. Б. М. Б 21-24.08.2009*).

Успешными и эффективными назвал афганские выборы и генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен, а СБ ООН принял резолюцию с поздравлением афганскому народу и осуждением талибов и членов «Аль-Каиды» за насилие и террористическую деятельность. «Члены СБ приветствуют

проведение в Афганистане президентских и региональных выборов», — говорилось в тексте резолюции».

Вместе с тем, несмотря на оптимизм, выраженный официозами держав и международных организаций в отношении победы Х. Карзая на прошедших выборах, к стабильности внутривнутриполитической ситуации Афганистана нужно было подходить весьма осторожно — высокий процент голосов, отданных за оппозиционного кандидата, говорил о том, что стране предстояли сложные времена. В качестве обоснования такой мысли, можно привести целый ряд новых примеров обострения ситуации.

Прежде всего талибами был организован внезапный афганский «привет», связанный с визитом канцлера ФРГ А. Меркель в «гости» к немецкому контингенту, расквартированному на севере Афганистана, в начале сентября 2009 года: афганские партизаны в провинции Кундуз напали на караван бензовозов, убили и ранили при этом нескольких немецких военнослужащих и похитили 2 бензовоза. Затем вызванные германским командованием американские бомбардировщики разбомбили эти бензовозы в деревне на переправе через реку, когда с них местным жителям раздавалось топливо — в итоге погибли 95 человек и среди них от 30 до 40 мирян (по ряду других оценок, количество жертв составило около 400 человек). Разразился международный скандал (начиная с протеста афганского правительства и требования наказать виновных за такую жестокость со стороны оккупантов, а также срочного обсуждения инцидента министрами иностранных дел держав на саммите в Стокгольме). В Кундуз срочно прибыл представитель НАТО адмирал Д. Смит, чтобы на ме-

сте разобраться с таким вопиющим кровавым фактом. В Германии же против политики А. Меркель выступили не только «зеленые», но и ХСС-ХДС, которые потребовали приступить к выводу немецкого военного контингента из Афганистана (*«Euronews»*, 05.09.2009).

Талибы и в дальнейшем продолжили применять эту тактику борьбы: они стали избегать соприкосновения с крупными подразделениями американцев, а наносили уколы по их союзникам в коалиции. Вслед за ударами по англичанам и немцам летом и в начале сентября, они во второй половине сентября убили шесть итальянских военнослужащих, а в октябре потери понес польский двухтысячный военный контингент (в итоге общие потери только поляков за время пребывания в этой стране составили 15 человек) (*р/с «Свобода»*, 10.10.2009). Смысл таких действий талибов состоял в том, чтобы из международной коалиции выбивались наиболее слабые «фигуры», чтобы усиливалась в мировом сообществе критика политики Вашингтона в Афганистане. Данный «уколочный» фактор сыграл свою роль: англичане и канадцы решили (пока что на уровне заявлений правительств) вывести свои контингенты к 2011 г., а итальянцы — сократить таковой. Учитывая нараставшие протесты пацифистов в странах Европы, и итальянцы, и поляки, а вслед за ними и другие участники коалиции, не исключено, стали склоняться в кратчайшие сроки покинуть Афганистан. Что касается американских войск, то президент Б. Обама пока не смог определиться с их уходом из этой страны (*«Los Angeles Times»*, USA, 19.09.2009).

Талибы почувствовали и другие слабые места власти

Х. Карзая и поддерживавшего его иностранного карательного контингента в глубинных районах страны. Так, при помощи партизанских методов талибские группы «наощупь» внедрялись в провинциальные селения, а затем в более крупные населенные пункты, и таким образом шаг за шагом расширяли свой контроль в Афганистане. По оценкам иностранных экспертов и даже американского командования, фактически талибы к концу десятилетия установили свою власть почти над тремя четвертями афганской территории, да и жизнь в Кабуле и других городах оказалась небезопасной. Генерал Стенли Маккрystal призвал переориентироваться с военных мер на борьбу с коррупцией, иначе, по его словам, Талибан победит в контроле над страной (*р/с «Свобода», 22.09.2009*).

В Вашингтоне тоже поняли, что, несмотря на увеличение своего военного контингента, международная коалиция оказалась не в состоянии справиться с деятельностью талибов (даже при продолжавшихся американских бомбежках талибских баз не только на афганской территории, но и в приграничных районах Пакистана). Поэтому, по утверждению газеты «Лос Анджелес таймс», было решено изменить свою тактику в Афганистане путем усиления деятельности ЦРУ на местах: таким образом рассчитывали, что в этой стране секретных агентов будет больше, чем в Ираке во время обострения там боевых действий (*«Los Angeles Times», USA, 19.09.2009*). Упорство американцев «за удержание Афганистана за собой», по словам Фредерика Стара, теоретика «Большой Средней Азии» (от Сибири до северной Индии), объяснялось тем, что США создали на БСВ 19 военных баз, а Афганистан им нужен, чтобы держать под контролем огромный регион

от Средиземного моря до Китая, включая Среднюю Азию и Индостан (ТВ «Столица», М., 10.10.2009). Кроме того, Вашингтон тогда так и не решил задачу победить талибов и искоренить «Аль-Каиду».

В ноябре 2009 года политическая ситуация сделала еще один поворот в сторону запутанности. Дело в том, что под давлением критики о больших нарушениях в подсчете голосов на местах за того или иного кандидата в президенты Афганистана и нараставшим брожением «умов» в стране было принято решение о проведении второго тура голосования между двумя ведущими выдвиженцами на президентский пост: Хамидом Карзаем и Абдулла Абдуллой. Однако кандидат от оппозиции Абдулла Абдулла сделал внезапный ход — он отказался от участия в новом туре голосования, сославшись на то, что коррупция все равно не позволит достичь справедливой результативности выборов. В таком случае Х. Карзай был заранее провозглашен победителем президентской гонки в Афганистане. Вашингтон тут же признал легитимность такого финала и подтвердил свою полную поддержку Х. Карзаю, а также заявил о своей решимости довести до конца войну с альянсом «Талибан» с «Аль-Каидой». Что касается оппозиции, и тем более талибов, то они не признали такого итога афганских выборов.

Таким образом, противостоявшие политические силы в Афганистане (включая и внешний фактор) не отказались от своих позиций и методов действий в остром взаимном противоборстве за власть в стране и еще более осложнили здесь политическую и военную обстановку. Причем, США и Великобритания предполагали значительно увеличить

численность своих войск в Афганистане (по слухам из правящих кругов этих держав, от 10 до 80 тысяч военнослужащих), чтобы окончательно переломить ситуацию в этой стране в свою пользу (*ТВ «Вести», М., 10.11.2009*).

По прошествии первого десятилетия XXI века делать какие-либо выводы о перспективах политической ситуации в Афганистане было еще рано — ожесточенная борьба продолжалась и противостоявшие стороны не хотели отступать от своих принятых решений на вооруженные методы взаимного «диалога». По крайней мере, на ближайшее время можно было пожелать США и их союзникам проводить комплексную политику, которая включала бы в себя невоенные средства возвращения Афганистана в целом к нормальной жизни. Однако основной путь к нормализации ситуации в этой стране виделся в наращивании усилий всего международного сообщества по мирному (экономическому, социальному и политическому) восстановлению Афганистана.

Глава 3

Республика Ирак — окончательная расправа с политическим противником

1. Предпосылки и повод для полной оккупации государства

Несмотря на чрезвычайно жесткие санкции в отношении Республики Ирак, которые проводились в течение 90-х годов XX-го столетия, и продолжались в дальнейшем, режим президента Саддама Хусейна устоял и продолжал проводить свою антиимпериалистическую линию, которая идеологически и политически была откровенно враждебной как к США, так и к соседним аравийским режимам. Такое «поведение» так серьезно укрощаемого государственного субъекта (то есть саддамовского Ирака), с точки зрения его противников, было весьма опасным. Оно было опасным политически (как пример для арабских стран ведения диалога с США и в отношении прозападных режимов), и экономически (так как угрожало стабильности мирового углеводородного рынка и системе ценообразования в международной торговле). В данной связи, в регионе Персидского залива и Среднего Востока стала нагнетаться новая конфликтная ситуация. Но для того, чтобы развязать масштабную войну против местных суверенных государств и подчинить своему

диктату, Вашингтону необходим был весьма серьезный повод, чтобы ослабить критику своих действий в мировом сообществе.

Предпосылкой, придававшей Вашингтону решимость завершить подавление режима Саддама Хусейна, являлись международные санкции против Ирака, утвержденные по резолюциям СБ ООН. Причем, несмотря на чрезвычайную тяжесть условий этих резолюций и провокационную деятельность комиссий на территории этой страны, иракское руководство до конца стремилось сохранить выдержку и терпение, и не закрывало пути к взаимоприемлемым компромиссным вариантам двустороннего диалога. Даже, когда США навязали новую комиссию на основе неприемлемой для Ирака резолюции 1284 Совета Безопасности от 17 декабря 1999 г., содержащей положения, которые могли быть использованы для еще большего ужесточения санкций, руководство Ирака постепенно, стараясь сначала не позволить развиваться процессу подавления иракского суверенитета, к ноябрю 2002 года изменило свою первоначальную позицию. Причем, в этот период российское руководство неустанно рекомендовало Багдаду о необходимости более реалистичного подхода к ситуации. На основе резолюции 1441 Совета Безопасности от 8 ноября 2002 г. в Ирак начали возвращаться международные инспектора и наблюдатели.

Однако произошедшие в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. террористические акты полностью развязали руки правящим кругам США для реализации своих агрессивных замыслов — они немедленно приступили к подготовке массированных «ударов возмездия» как по Афганистану, так

и по Ираку. Эти объекты были избраны Белым Домом произвольно — соответственно экспансионистской задаче первого десятилетия XXI века. Если в отношении Афганистана и Саудовской Аравии у Вашингтона еще могли существовать какие-либо аргументы для возмездия, так как штаб-квартира террористической организации «Аль-Каиды», обвиненной в причастности к произведенной трагедии в США, и Бен Ладена располагалась в горах на территории Афганистана, а сам Бен Ладен происходил из саудоаравийских зажиточных кругов, то в отношении Ирака таковых не было. Более того, саддамовский режим сам вел ожесточенные боевые операции против бенладенских вооруженных формирований на севере страны. Таким образом, нападение на Ирак вызывалось совершенно другой причиной — враждебностью к режиму Саддама Хусейна со стороны правящих кругов США и Израиля.

Подготовка к войне против Ирака фактически не прекращалась после завершения «кувейтского кризиса» и операции «Буря в пустыне». Дело в том, что после войны в Персидском заливе 1991 г. и последовавших военных акций в течение 1993-1998 гг. (особенно операции «Лиса в пустыне» (1998 г.), которая по заявлениям американского командования стала «наиболее успешной за всю историю вооруженных сил США») против саддамовского режима осуществлялись новые варианты ведения боевых действий. Они включали хорошо организованное разведывательное обеспечение, детальное планирование, тщательность и высокую интенсивность подготовки наступательных военных операций прежде всего в иракских условиях. Кроме того, совершенствовалось ис-

пользование космических технологий и спутниковых систем, испытывались новые виды оружия и т.д. (А. Михайлов, «Иракский капкан. Победное поражение США», М., 2004). Успех новой американской операции против Ирака во многом облегчался постоянным присутствием в зоне Персидского залива группировки ВС и ВМС США и ее постоянной готовностью к боевым действиям в регионе. Еще большую пользу приносили полеты военных самолетов США и Великобритания в южных и северных районах Ирака в соответствии с резолюциями СБ ООН, которые позволяли беспрепятственно, в течение длительного времени вести воздушную разведку по существу всей военной и экономической инфраструктуры этой страны.

Учитывая политические препятствия на международной арене для осуществления своего намерения уничтожить режим С. Хусейна, вашингтонская администрация стала усиленно пропагандистки обставлять обвинениями о наличии у Ирака оружия массового уничтожения (ядерного, химического и бактериологического). Хотя сама аргументация таких обвинений была чрезвычайно слаба и вызывала недоверие в мировом сообществе, Дж. Буш и его окружение все более «раскручивали» их в своей пропагандисткой и дипломатической деятельности. В Совете Безопасности ООН ожидалось противодействие со стороны постоянных членов Совета России, КНР и Франции. Поэтому для совершения нападения на Ирак Вашингтону требовалось гораздо больше времени на военную и идеологическую подготовку (в расчете на обработку собственно американского населения и затем на «дипломатическую работу» в международной сре-

де), чем это было необходимо для осуществления операции в Афганистане.

2. Принцип подхода Вашингтона к актам возмездия в регионе БСВ

Почему такой вопрос возник именно в данном месте, когда военные кампании «американского возмездия» на БСВ ещё не начались?

Буквально через пять дней после «11 сентября» Дж. Буш в разговоре со своим помощником по национальной безопасности Кондолизой Райс заявил, что «хотя мы и должны сначала разобраться с Афганистаном, нужно будет также предпринять соответствующие шаги в отношении Саддама Хусейна». 21 ноября иракский вопрос снова «выплыл на поверхность». В этот день, по словам Б. Вудворда, редактора газеты «Вашингтон пост» (в его книге «План атаки»), произошло следующее: «После заседания Совета национальной безопасности Буш, схватив за шиворот министра обороны Рамсфелда, отвел его в небольшое изолированное помещение и спросил: «Приступили ли в Пентагоне к планированию операции против Ирака и в каком состоянии военный план? Я хочу, чтобы ты занялся этим и чтобы ты все держал в тайне!» — Сразу же после этого разговора, отмечалось в книге, Рамсфелд приказал генералу Томми Фрэнксу разработать план вторжения в Ирак и свержения С. Хусейна. Б. Вудворд сообщил также, что разработка плана долгое время осуществлялась без ведома Государственного департамента и его главы К. Пауэлла. При этом не обращалось внимание и на политико-дипломатические дискуссии в мировом сооб-

ществе и в ООН (www.barichtv.ru/public/oon7.htm. *Идеология и политика ООН и мировая политика, 1945-2005. Предистория агрессии (по мышлению Вашингтона)*, с. 241).

Готовившаяся новая военная акция против Ирака получила название «Шок и трепет», которая после «благополучного» завершения в декабре 2001 г. военной операции в Афганистане, стала быстро нарастающими темпами разворачиваться вплоть до начала прямой агрессии в марте 2003 г.

Во имя осуществления крупномасштабной интервенции в Персидском заливе вашингтонская администрация провела весьма диверсифицированную идеологическую и политическую подготовительную работу. При этом преследовались две главные цели: а) запутать мировое сообщество, и в первую очередь государства-объекты будущих своих акций на БСВ, о степени своих намерений и действий в указанном регионе; б) настроить американскую общественность на «волну» антипатии к ряду режимов в Заливе и их опасности для жизнедеятельности США, особенно это касалось Ирака, ИРИ и Афганистана. При этом, военная машина и соответствующие силовые и разведывательные службы осуществляли тщательную мобилизационную деятельность. Бывший Директор ЦРУ Джеймс Вулси так охарактеризовал данный момент: «Пока Белый дом просто не хотел раскрывать свои планы на будущее».

3. Американская дипломатическая деятельность с целью подготовки международной общественности к поддержке вооруженной агрессии США в Ираке.

Если в период подготовки и осуществления операции «Буря в пустыне» США по существу не встретили политического сопротивления в мировом сообществе, то в отношении готовившейся военной агрессии против Ирака даже после террористической акции в Нью-Йорке в сентябре 2001 года) у Вашингтона имелись весьма серьезные международные, да и внутренние проблемы. Поэтому американской дипломатии предстояла весьма серьезная работа на мировой арене с целью оправдания своих вооруженных действий в отношении саддамовского режима. Конечно, то, что президент Дж. Буш и его ближайшее окружение были готовы напасть на Ирак без содействия каких-либо резолюций Совета Безопасности ООН, ни у кого сомнения не вызывало. Вместе с тем, американские правящие круги сочли целесообразным осуществить дипломатические действия, чтобы направить СБ ООН на принятие решения наподобии резолюции 678, которая в 1991 году по существу послужила оправданию операции «Буря в пустыне».

А между тем, перед американской администрацией стоял весьма серьезный вопрос: сумеет ли Вашингтон сломить негативные настроения в мировом сообществе до такой степени, чтобы склонить наиболее могущественные его государственные субъекты и СБ ООН к непротивлению американской агрессии против одного из крупных и влиятельных государств Арабского Востока, каковым являлся Ирак. При-

чем, и в самой американской администрации не было единства в данном вопросе: глава госдепартамента Колин Пауэлл выступал против силовой акции и чрезвычайного в данном случае давления на мировой арене, но его голос оказался в меньшинстве перед «ястребами- силовиками», чья команда состояла из таких ведущих лиц государства, как президент Дж. Буш, вице-президент США Д. Чейни, глава Пентагона Д. Рамсфельд, его заместитель П. Вулфовиц, начальник управления Минобороны Р. Перл, помощник президента по национальной безопасности Кандолиза Райс, глава сенатского комитета по международным делам Хелмс и другие.

В результате длительных и всяческих дипломатических маневров, уговоров и нажима со стороны американцев, наконец, 8 ноября 2002 г. Совет Безопасности ООН единогласно (включая голоса РФ, Франции и Китая, а также непостоянного члена СБ Сирии) принял резолюцию 1441, которая потребовала от саддамовского руководства выполнения обширной серии необоснованных, но ультимативных, по существу колонизаторских и потому практически невыполнимых условий. В частности, Ираку предписывалось к 8 декабря 2002 г. представить ЮНМОВИК, МАГАТЭ и Совету Безопасности ООН «точное, полное и всеобъемлющее на текущий момент заявление с указанием всех аспектов его программ разработки химического, биологического и ядерного оружия, баллистических ракет и других систем доставки, таких как беспилотные летательные аппараты и системы распыления, предназначенные для использования на летательных аппаратах, в том числе всех запасов и точного местонахождения такого оружия, компонентов, субкомпонентов,

запасов агентов и имеющих к ним отношение материалов и оборудования, местонахождения и характера работы его научно-исследовательских, опытно-конструкторских и производственных объектов, а также всех иных химических, биологических и ядерных программ, в том числе и тех, которые, по его утверждению, предназначены для целей, не связанных с производством оружия или оружейных материалов» (www.barichtv.ru/public/oon7.htm. *Идеология и политика ООН и мировая политика, 1945-2005. Предистория агрессии (по мышлению Вашингтона)*, с. 241). Под таким предлогом Ирак лишался каких-либо возможностей на использование современных научно-технических достижений в мирных целях.

Далее, саддамовский Ирак, который был признан МАГАТЭ и ЮНСКОМ страной, не обладающей оружием массового уничтожения и технологией для его производства, намеренно обвинялся как его обладатель и поэтому представлял огромную опасность для мира. Таким образом, иракский режим демонстрировался Соединенными Штатами мировой общественности как криминальный и террористический. От Ирака требовали «точного, полного и всеобъемлющего заявления» об отсутствии ОМУ, незамедлительного допуска назначенных ООН комиссий к новым международным инспекциям и проверкам. Причем, особенно ультимативно прозвучали пункты 4-ый и 13-ый резолюции 1441: первый из них гласил, что «ложные сведения или упущения в заявлениях, представленных Ираком», и несоблюдение Ираком «в любой момент времени» этой резолюции и нежелание в полной мере сотрудничать в ее осуществлении будет представлять собой «еще одно существенное нарушение Ираком

своих обязанностей», о чем «будет доложено Совету Безопасности ООН»; второй — напоминал, что «Совет неоднократно предупреждал Ирак, что дальнейшее нарушение им своих обязанностей, приведет к серьезным для него последствиям».

ЮНМОВИК и МАГАТЭ должны были с 23 декабря 2002 г. получить «незамедлительный, беспрепятственный, безоговорочный и неограниченный доступ к любым и всем, в том числе подземным, районам Ирака, объектам, сооружениям, оборудованию, документации и транспортным средствам, которые они пожелают проинспектировать, а также незамедлительный, беспрепятственный, неограниченный и конфиденциальный доступ ко всем официальным и иным лицам, с которыми ЮНМОВИК и МАГАТЭ пожелают провести собеседование в формате или в месте по выбору ЮНМОВИК или МАГАТЭ во исполнение ими любого аспекта их мандатов». Более того, ЮНМОВИК и МАГАТЭ могли также по своему усмотрению проводить собеседования как в Ираке, так и за пределами Ирака, содействовать поездкам лиц, проходящих собеседование, и членов их семей (!) за пределы Ирака при том, что такие собеседования, по усмотрению исключительно ЮНМОВИК и МАГАТЭ, могли проводиться и без присутствия наблюдателей из иракского правительства (www.barichtv.ru/public/oon7.htm. *Идеология и политика ООН и мировая политика, 1945-2005. Предистория агрессии (по мышлению Вашингтона), с. 241*).

Обвинительная тенденциозность, а по существу враждебность с целью оправдания любых иностранных санкций в отношении Ирака, была заранее predeterminedена и самим

составом направленных в Ирак комиссий: из 252 инспекторов из 45 стран у США было 24 человека, причем значительная часть на руководящих постах, у Австралии, правительство которой шло в иракском вопросе в форватере США,- 19, у Франции- 20, у России- 18, у Китая –11, у малых стран, зависимых, в своем большинстве, от западных держав — по 1-3 наблюдателей, и такой состав «миссии ООН» далеко не всегда мог гарантировать ее объективность. И хотя за четыре с половиной месяца своей работы (с 8 ноября 2002 г. по 20 марта 2003 г.) «миссия» представила Совету Безопасности ООН ряд докладов, ни в одном из них не было заключений об отсутствии правовых оснований для применения силы против Ирака. Зато там содержалось немало перечней «конкретных вопросов», которые требовали все новых «уточнений» и «прояснений». И здесь к услугам инспекторов всегда были представители ЦРУ и других соответствующих ведомств, готовых предоставить «дополнительные» данные из «достоверных источников» (www.barichtv.ru/public/oon7.htm. *Идеология и политика ООН и мировая политика, 1945-2005. Предистория агрессии (по мышлению Вашингтона)*, с. 248-249).

Однако вскоре американская администрация сама заявила, что посланные в Ирак международные инспекции ничего не значили для принятия решений в Белом доме. Поэтому еще до принятия резолюции 1441 Совета Безопасности ООН, несмотря на то, что Багдад согласился на возобновление работы миссии наблюдателей ООН, США потребовали задержать на неопределенное время ее приезд в Ирак. Взятая «на вооружение» так называемая концепция «смены режимов» означала, что никакие выводы международных инспекторов и ко-

миссий не принимаются во внимание, если они идут вразрез с главной целью Вашингтона — устранить режим С. Хусейна (так, США считали, что, в частности, ЮНМОВИК плохо отстаивают их интересы). Вашингтоном политика Багдада расценивалась как открытый вызов «национальным интересам» США на БСВ, да и на всем мировом пространстве. Неслучайно Госсекретарь США К. Пауэлл 5 февраля 2003 года выступил с открыто циничной речью в СБ ООН, заявивший: «Ирак продолжает располагать большими арсеналами химического и бактериологического оружия и по-прежнему осуществляет программы ядерного вооружения». За неимением обоснованных выводов от ЮНСКОМ, МАГАТЭ, а также ЮНМОВИК, он оперировал весьма сомнительными «подогнанными» выдержками из их докладов, а также иллюстративными аргументами, которые впоследствии были квалифицированы в самих США как лживые донесения американской агентуры. Далее, в отношении представленных Ираком СБ ООН 7 декабря 2002 г., в соответствии с резолюцией 1441, иракских «обязательств по разоружению», К. Пауэлл заявил, что они направлены в Совет лишь с единственной целью «огорошить всех нас и ошеломить инспекторов, чтобы у нас не осталось времени получить сведения о запрещенном оружии».

4. Позиции мировых держав в отношении агрессивных намерений Вашингтона против режима Саддама Хусейна

Агрессивный настрой и тенденциозные выводы американской администрации полностью были поддержа-

ны лишь одним постоянным членом Совета Безопасности ООН — Великобританией. Что касается политической позиции Москвы, то Россия фактически проявила безразличие к приготовлениям вооруженных сил США и Великобритании к агрессии, на интенсивную концентрацию их войск в Персидском заливе, не сделав самостоятельно на этот счет ни одного сколько-нибудь твердого и знакового официального заявления. Так, практически единственным шагом, сделанным российской дипломатией, явилась поездка Е. Примакова в Ирак незадолго до начала агрессии. По этому поводу он дал интервью журналу «Международная жизнь» в 2003 г. В частности, он сказал: «Я был направлен Президентом России с его устным посланием к Саддаму Хусейну перед началом военных действий. Это было за три недели с небольшим до начала войны. Я изложил ему устное послание Президента В. В. Путина. В условиях невозможности предотвратить американские удары Саддаму Хусейну предлагалось отказаться от поста президента и обратиться к парламенту с призывом провести демократические выборы. Он на это не пошел. Похлопал меня по плечу и ушел. Я в общем-то порадовался его спокойствию. Подумал, возможно, он полагал, что спасение придет в последнюю минуту: США и Великобритания не совершат удара. Или он уже принес себя в жертву» (www.barichtv.ru/public/oon7.htm. *Идеология и политика ООН и мировая политика, 1945-2005. Предистория агрессии (по мышлению Вашингтона)*, с. 252).

То есть Вашингтон не увидел в рамках СБ ООН Москву как твердого оппозиционера своей вооруженной акции по свержению режима С. Хусейна. Париж, наоборот, катего-

рически возражал против «силового» решения проблемы, и заявил, что Франция применит вето, в случае внесения США и Великобританией в Совет Безопасности ООН проекта резолюции, санкционирующего применение силы против Ирака. Только после этого МИД и ряд других официальных лиц стали высказываться, что, если, мол, в СБ ООН дело дойдет до голосования, то Россия может и занять свою особую позицию по иракскому вопросу, что по существу расценивалось и в России, и в мировом сообществе, как шаги, предназначенные для внутрироссийского потребления, в частности, для нейтрализации «патриотической оппозиции», которая должна была прийти на выборы в Государственную Думу в конце 2003 года.

Таким образом, по существу открыто готовившаяся Вашингтоном война против саддамовского режима по своим обвинительным аргументам выглядела неубедительной для мировой общественности. Это вызывало коллективное несогласие даже среди членов СБ ООН. Так, Россия, Франция и ФРГ в рамках осуществления тесной координации по вопросу урегулирования ситуации вокруг Ирака решились выступить с совместным заявлением, в котором прозвучало: «Альтернатива войне все еще имеется. Применение силы могло бы быть самым крайним средством. Поэтому Россия, Франция и ФРГ преисполнены решимости обеспечить все необходимые условия для завершения процесса разоружения Ирака мирным путем». Эти державы констатировали, что выражаемая ими позиция разделяется многими государствами, в том числе и являющимися членами Совета Безопасности ООН. Они отметили, что выступают за скорейшее

завершение процесса разоружения Ирака, предусмотренного резолюцией Совета Безопасности ООН № 687, и что любые решения о действиях в отношении Республики Ирак должны основываться на принципах Устава ООН. В качестве разрядки напряженного положения вокруг иракской проблемы эти державы предложили продолжать работу международных инспекций в данной стране, за их существенное укрепление в кадровом и техническом отношении по согласованию с инспекторами в рамках резолюции № 1441. Кроме того, они заявили, что Ирак, в свою очередь, должен полностью осознавать свою ответственность и активно сотрудничать с ЮНМОВИК и МАГАТЭ (*«Der Shpigel»*, В., *«Figaro»*, Р., 10.02.2003, *«LIGA ONLINE»*, 11.02.2003).

5. Маневры президентской администрации США на мировой арене накануне вооруженного нападения на Ирак

Американское руководство, встретив в стенах СБ ООН разногласия в отношении однозначности настроя Вашингтона на вооруженное решение «саддамовского вопроса», было вынуждено прибегнуть к временному маневрированию. Оно предпочло предпринять тактические шаги с целью избежать серьезного осложнения своих внешнеполитических позиций с таковыми Франции и Германии, а также с другими членами НАТО. Иначе Вашингтону пришлось бы (правда, совместно с Лондоном) фактически в одиночку встретиться с политической конфронтацией КНР, а также, не исключено, и России. Потерпев фиаско с принятием разрешительной на агрессию

резолуцией в СБ ООН, обе англо-саксонские державы пошли обходными путями в отношениях с мировым общественным мнением. Однако данное не означало отказа президента Дж. Буша от нагнетания обвинений в отношении Ирака. Теперь, опираясь на своего единственного союзника Великобританию и активизацию своей дипломатической машины и послушные СМИ, которые обладали весьма мощным воздействием на мировую общественность, американская администрация усилила политические нападки на президента Саддама Хусейна и его окружение, используя не только указанные идеологические каналы, но и занимаясь собственными толкованиями содержания прежде принятых СБ ООН резолюций. Так, президент Дж. Буш заявлял, что в соответствии с резолюциями 678 и 687, а также 1441, США и их союзники, в случае, если Ирак полностью и немедленно не разоружится от оружия массового уничтожения, могут прибегнуть к действиям для избавления Ирака от таких весьма опасных вооружений. При этом, Буш подчеркивал: «Вопрос тут не в полномочиях, а в проявлении воли».

17 марта 2003 г., т.е. за четыре дня до истечения срока предоставления ЮНМОВИК и МАГАТЭ «полного отчета» о своей работе в Совет Безопасности, на основе которого Совет должен был решить, влекут ли выводы международных инспекторов «серьезные последствия» для Ирака, президент США в обращении к нации заявил, что «собранная нашим и другими правительствами разведывательная информация не оставляет сомнений в том, что иракский режим продолжает иметь и прятать некоторые из самых смертоносных вооружений, которые когда-либо были созданы». К этому

президент счел необходимым впервые добавить еще одно, как потом оказалось не менее лживое, утверждение о том, что Ирак «помогает и укрывает террористов, включая боевиков Аль-Каиды». Далее Дж. Буш заключил, что «используя химическое, биологическое или, когда-нибудь, ядерное оружие, полученное с помощью Ирака, террористы могут осуществить свои заявленные амбиции и уничтожить тысячи или сотни тысяч невинных людей в нашей или в любой другой стране» (www.barichtv.ru/public/oon7.htm. *Идеология и политика ООН и мировая политика, 1945-2005. Предистория агрессии (по мышлению Вашингтона)*, с. 257).

Поэтому, раз «Совет Безопасности ООН не сумел справиться со своими обязанностями», США взяли на себя право потребовать, чтобы Саддам Хусейн и его сыновья покинули Ирак в течение 48 часов. Отказ сделать это, по заявлению Дж. Буша, приведет к военному конфликту, который начнется тогда, когда этого захотят в Вашингтоне. Одновременно с этим ультиматумом, американское представительство в СБ ООН, что США будут бойкотировать заседания Совета, если на них, по требованию Франции или России, будет обсуждаться сложившаяся ситуация вокруг Ирака. Позицию США поддержали Великобритания и непостоянные члены Совета — Испания и Болгарии (*Ibid*).

Таким образом, в первом десятилетии XXI века американская геостратегия, исходя из своих имперских интересов и как лидера «западного» мира, а также достигнув важных результатов в «расквартировании» своих воинских контингентов в важнейших пунктах региона Персидского залива в последние два десятилетия прошлого столетия (и тем бо-

лее установив военный контроль над 2/3 иракской территории), решила на развертывание оккупационных войск на уровне целых государств этой зоны современного мира. При этом, не оговаривая каких-либо условий о своих дальнейших действиях здесь, сумели преодолеть «робкое сопротивление» мирового сообщества, и, главное, своих натовских союзников, затем вовлекли в свои крупномасштабные оккупационные дела в Заливе и многие другие государства, которые по существу стали соучастниками агрессивной военно-оккупационной деятельности США.

6. Идеологическая обработка американской общественности.

Правящие круги США, поняв, что существовала необходимость преодолеть в своей стране «барьер» определенного недовольства населением их радикальными внешнеполитическими «задумками», пошли на организацию внутри американского общества некоей «демократической» идеологической ситуации со свободными высказываниями в СМИ различных точек зрения по внешней политике Белого дома.

Дело в том, что накануне 2003 года в американском обществе возникла некая противоречивая идеологическая ситуация. Это несколько обеспокоило американскую правящую политическую машину. В частности, в октябре 2002 г., в соответствии с «памятью» американцев о прошлых ошибках правящих кругов державы, в Вашингтоне прошла мощная антивоенная демонстрация, которая напомнила об уроках, извлеченных из опыта войны во Вьетнаме. Одновременно пацифисты бомбардировали соответствующими вопросами

администрацию, конгрессменов и сенаторов.

На этот раз американцы протестовали, предупреждая о расширении военного вовлечения США в Ираке. На улицы столицы вышел преимущественно пацифистски и либерально настроенный люд, как правило, интеллигенция. Как известно, антивоенные настроения были распространенными среди студентов, преподавателей, ученых и групп мелкого предпринимательства и системы обслуживания. Часть из них протестовали против войны во Вьетнаме, военных акциях в Персидском заливе.

Причем, впервые за долгое время простые американцы стали проявлять большой интерес к внешней политике. По мнению профессора Брауновского университета в штате Род Айленд Джеймас Дер-Дерьяна, известного политолога и противника войны, «в сегодняшней Америке возник раскол в оценках внешней политики — возрастной разрыв между сторонниками и противниками войны. Те, кому до тридцати, как правило, настроены более решительно. Для них образец войны — это бомбардировки Югославии, во время которых Америка не потеряла ни одного военнослужащего. Те же, кому за сорок, помнят войну во Вьетнаме и массированные потери нашей армии. Эти люди склонны быть более осторожными. Вьетнам нанес Америке огромную психологическую травму. Поэтому нынешняя поддержка политики администрации далеко не вечна: стоит потерям среди американцев резко возрасти, и общественное мнение на это обязательно отреагирует».

Пацифисты выступали за организацию «всесторонней дискуссии» по вопросу о возможных последствиях новой

войны в Ираке. Поэтому видный политолог, профессор Колумбийского университета Боб Легволд сделал заключение, что «американская поддержка войны в Ираке широка, но не глубока. Хотя большинство граждан разделяет негативное отношение администрации к Саддаму Хусейну и желают его ухода».

При всем этом, важным фактором в формировании общих внешнеполитических настроений американцев выступали правые силы, которые полностью поддерживали политический курс президента Дж. Буша. Их представительство в лице сотрудников Института Американской идеи в Вашингтоне твердило, что «пацифизмом занимаются в основном левые интеллектуалы радикального направления, которые всегда выступают против применения Соединенными Штатами военной силы в международных делах, вне зависимости от конкретных обстоятельств. У них предостаточно возможностей высказать свое мнение в прессе, на телевидении, в университетах. Мы спорим, и это нормально для демократии. Но все дело в том, что эти активисты не смогли убедить американцев в своей правоте». Другим их аргументом, а также части пацифистов, выступало то, что «на промежуточных выборах в Конгресс в ноябре 2002 года республиканцы добились убедительной победы — то есть американцы поддерживали курс администрации Дж. Буша». «Причем, — заявляли они, — если подтвердится, что Саддам Хусейн лжет и не отказался от планов завладеть оружием массового уничтожения, то президент получит еще большую поддержку». Целесообразно отметить, что, согласно проводившимся опросам общественного мнения, три четверти граждан страны не-

изменно поддерживали жесткую линию президента Дж. Буша в отношении багдадского режима. Тот же Боб Легволд утверждал, что на вопрос, «готовы ли они одобрить высокие потери среди американских военнослужащих, а также мирных иракцев, как уровень поддержки Белого дома скатывался до 40%».

Директор ЦРУ Джеймс Вулси, придерживался более расплывчатой позиции. Он говорил: «Если боевые действия все же начнутся, то мало кто сомневается в том, что Америка и Великобритания, с согласия ООН или без него, выиграют военную кампанию в Ираке. Вопрос в том, что дальше? Пока администрация Буша не представила публике конкретных соображений по поводу того, как она видит Ирак после Саддама» (www/news.bbc.co.uk, 09.12.2002, К. Эггерт, обозреватель русской службы BBC).

7. Реализация Соединенными Штатами агрессии в Ираке весной 2003 года. Характер военной мобилизации для вторжения.

«Иракский тупик» США

На территориях, примыкающих к Ираку, и в тех районах этой страны, которые уже частично контролировались американскими и британскими патрульными контингентами (в Курдистане и на шиитском юге), проводились интенсивные приготовления: увеличивались запасы вооружений и военной техники, средств материально-технического и электронного обеспечения. В Кувейт и Турцию поставлялись большие партии вооружений и контингенты армейских

специалистов с военных баз и складов Саудовской Аравии и Катара, а также с острова Диего-Гарсиа и с курсировавших в водах Персидского залива и Аравийского моря кораблей.

В результате обширной подготовительной деятельности на подступах к Ираку на середину марта 2003 года были сосредоточены весьма крупные наступательные силы, которые находились в постоянной боевой готовности. Так, в зоне Персидского залива, в Турции, Кувейте, по опубликованным данным, были такие количественные показатели военного потенциала международной коалиции, находившегося под командованием США: 960 боевых самолетов блока НАТО (подавляющую часть которых поставили ВВС США), 41 стратегический бомбардировщик США, до 30 самолетов АВАКС, 20 разведывательных стратегических самолетов, 25 самолетов специального назначения (при этом там же базировались самолеты Великобритании — 50, Франции — 11, а также Нидерландов, Испании и других стран-членов НАТО) и около 40 зенитных ракетных комплексов, прикрывавших территории Саудовской Аравии, Израиля, Кувейта, Иордании и Турции. Группировка ВМС США и их союзников составляла уже 115 боевых кораблей, из которых — 29 носителей КРМБ, всего около 750 КРМБ. В Персидском заливе были развернуты три авианосные ударные группировки ВМС США (авианосцы «Линкольн», «Констеллейшн», «Кити Хок»), одна авианосная ударная группа ВМС Великобритании, 89 надводных кораблей (на которых находилось еще 50 боевых самолетов) и 10 атомных подводных лодок. Две авианосные ударные группы ВМС США (атомные многоцелевые авианосцы «Рузвельт» и «Трумэн», 9 надводных кораблей и 2 атомные многоцеле-

вые подводные лодки курсировали в Средиземном море). Численность наземной группировки ВС США и их союзников в районе Персидского залива составила к тому времени 207 тыс. военнослужащих, в том числе ВС США — 145 тыс. человек и Великобритании — 62 тыс. человек. Пополнение военных группировок ВС, ВМС и сухопутных сил США и их союзников продолжалось до самого начала вооруженного нападения на Ирак 20 марта 2003 г. (www.barichtv.ru/public/oon7.htm. *Идеология и политика ООН и мировая политика, 1945-2005. Предистория агрессии (по мышлению Вашингтона)*, с. 246-247).

По сути подготовительная деятельность Вашингтона по характеру была похожа на таковую накануне военной операции «Буря в пустыне» 1991 года. Разница состояла в том, что тогда членам ООН не надо было доказывать необходимость наказать зарвавшегося военного преступника — багдадский режим Саддама Хусейна — за вооруженный захват соседнего Кувейта, а теперь режим Саддама был обескровлен международными санкциями, хотя и сохранился у власти. Мировому сообществу было сложнее доказать оправданность своего нападения на Ирак, и открыто «на его глазах» уничтожить этот режим. Однако данное обстоятельство не вызвало затруднений для американской администрации и она без одобрения СБ ООН, а также ближайших союзников по НАТО развязала новую войну против Ирака — 17 марта 2003 года президент США Дж. Буш выступил с ультиматумом, в котором заявил: «Разведывательные данные, собранные моим и другими правительствами, недвусмысленно свидетельствуют о том, что иракский режим все еще имеет и скрывает некоторые виды наиболее смертоносного ору-

жия, когда-либо созданного в мире». Это заявление означало провозглашение начала войны.

Представляется целесообразным отметить, что американское общество настолько было распропагандировано выступлениями американских официальных лиц и материалами проправительственных СМИ об иракской угрозе США, что по результатам опроса общественного мнения, проведенного Мэрилендским университетом (уже после начала военных операций) в рамках программы по изучению отношения американцев к международной политике, выяснилось, что треть американцев считала, будто войска США нашли в Ираке оружие массового поражения. Далее, около 22% опрошенных заявили, что Ирак во время войны применил химическое или биологическое оружие. При проведении других опросов выяснилось: примерно 50% опрошенных были уверены, что граждане Ирака принимали участие в нападениях 11 сентября, а по мнению 40% из них — Саддам Хусейн оказывал прямую помощь этим похитителям самолетов (Мировой социалистический Веб Сайт 4-го Интернационала, от редакционной коллегии 24 июня 2003 г.

Затем, в Совете Безопасности ООН была принята резолюция о войне, утвержденная британским парламентом по требованию премьер-министра Тони Блэра, — все они ссылались на опасность, исходящую от предполагаемого арсенала биологического и химического оружия Ирака, и на его стремление разработать ядерное оружие.

Однако, в результате даже предварительных исследований, проведенных после начала войны в Ираке (о чем, в том числе, поведали и инспектора ООН по контролю над воору-

жениями в своем докладе Совету Безопасности), оказалось, что вся навязанная администрацией Дж. Буша американцам и мировому сообществу информация об иракском оружии массового поражения, была ложью. Наиболее четко и подробно об этом заявлено 4-м Интернационалом (социалистическим) под заголовком «Оружие массового поражения в Ираке — «Большая ложь» Буша и кризис американского империализма». Вот главные тезисы из указанного заявления:

* Утверждение, что Ирак пытался получить уран от западноафриканского государства Нигер — основано на подложных документах и разоблачено, как ложь уже почти за год до того, как Буш включил это обвинение в свой доклад Конгрессу о положении США в 2003 году.

* Утверждение, что тысячи купленных Ираком алюминиевых труб могут быть использованы в центрифугах для получения обогащенного урана, — развенчано Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ), а также американскими учеными-ядерщиками.

* Утверждение, что Ирак обладает примерно 20 ракетами «Скад» дальнего радиуса действия, запрещенными санкциями ООН, — подобные ракеты не были найдены и не применялись во время военного конфликта.

* Утверждение, что Ирак имеет большие запасы химических и биологических реагентов, включая нервно-паралитический газ, возбудители сибирской язвы и ботулизма, — ничего не найдено, хотя были проверены сотни объектов, еще до войны указанные в докладах американской разведки.

* Утверждение, что Саддам Хусейн снабдил химическим

оружием свои войска на фронте и приказал применить его, как только американские силы вступят в Ирак, — такое оружие не было применено и не было обнаружено после того, как иракская армия распалась под ударами США (*Мировой социалистический Веб Сайт 4-го Интернационала, от редакционной коллегии 24 июня 2003 г.*).

Таким образом, заключительным актом трагедии политического режима президента С. Хусейна в Республике Ирак явилась его 3-я война и на этот раз инициатором и первооткрывателем межгосударственных военных действий выступил не Багдад — наоборот, Ирак стал объектом военной агрессии, организованной президентом Дж. Бушем-младшим и правящими кругами США.

В дальнейшем, в ходе непростых переговоров и дипломатических маневров была создана международная коалиция поддержки оккупационных действий Вашингтона в Ираке, в которую вошла группа государств, среди которых в качестве наиболее активных соучастников выступили только Великобритания и Испания, а общее руководство осуществляла американская администрация, военное — Пентагон. Несмотря на оппозицию развязанным военным действиям США в Ираке со стороны Франции, Германии и России, данная военная акция под кодовым названием «Гром и благоденствие» была успешно и эффективно осуществлена в течение второй половины марта по середину апреля 2003 года. После некоторого сопротивления в Басре, Умм-Касре, Насерие и ряде других городов иракская армия прекратила военные действия: либо сдалась, либо самоликвидировалась. Администрация президента С. Хусейна также прекратила свое

существование: часть сдалась или попала в руки противника; остальные, включая семейство президента С. Хусейна, исчезли. Как выяснилось впоследствии, — их значительная часть ушла в подполье.

США же установили фактически оккупационный режим в Ираке и самочинно назначили здесь угодных Вашингтону администраторов из представителей своего генералитета, госдепартамента и бывшей иракской оппозиции за рубежом, а также из авторитетных деятелей иракского Курдистана и шиитского юга страны. Спустя месяц после завершения военных действий в Ираке (то есть, во второй половине мая 2003 года), испытывая определенную критику и давление со стороны мировой общественности, особенно со стороны европейских держав — Франции, Германии и России, Вашингтон был вынужден допустить к процессу формирования новых центральных органов власти в Ираке представительство Генерального секретаря ООН на правах соучастия со ставленниками американской администрации. При этом, экономическая сфера, и прежде всего нефтегазовая отрасль, была полностью поставлена под контроль американо-английских деловых кругов.

Как развивались события в Ираке в третьей войне в Персидском заливе?

Учитывая мощное военное технологическое превосходство армии США над вооруженными силами режима Саддама Хусейна, новая американская война тоже оказалась быстрой и длилась с 19 марта по 4 апреля 2003 года.

Однако, несмотря на то, что иракская армия несла весьма огромные потери в живой силе и технике, она оказала

серьезное сопротивление агрессорам. Американское командование, даже применяя систему «успокоительной» информации для мировой общественности о своих потерях в ходе военных действий, было вынуждено признать о значительном уроне, нанесенном иракцами при наличии у них устаревших систем вооружений.

Армейская ПВО Ирака имела на вооружении сотни передвижных ракетных комплексов «Стрела», «Оса», «Квадрат», «Роланд», «Куб» и другие, несколько тысяч переносных зенитных ракетных комплексов «Игла», а также зенитных орудий. И всё это вооружение использовалось в ходе боёв с американскими и британскими войсками и наносило значительный урон противнику. А ведь американцы ежедневно интенсивно бомбили Багдад, Киркук, Мосул, Тикрит и целый ряд других крупных городов, входивших в зону действия централизованной ПВО Ирака. Несколько меньшая результативность наблюдалась в сфере сопротивления иракской военной авиации и танковых подразделений.

В итоге развязанной войны вся страна, включая и ее столицу, была оккупирована войсками международной коалиции, состоявшей преимущественно из дивизий США и возглавлявшаяся генералитетом Пентагона.

Вашингтон попытался вовлечь в свою иракскую авантюру весь контингент членов блока НАТО. Однако здесь возникли определенные трудности, так как многие державы — такие, как Россия, Китай, Франция, Германия, Индия — откровенно заявили о своем неучастии в военных операциях в Ираке, и среди них входящие в этот блок. Что касается непосредственно согласия со стороны руководства НАТО, то только

в сентябре 2004 года после длительных переговоров было достигнуто соглашение о частичном присоединении НАТО к урегулированию политической и военной обстановки в Ираке. Так, американской стороне не удалось склонить партнеров по НАТО к отправке в поддержку новому иракскому правительству вооруженных подразделений. НАТО лишь согласилось организовать подготовку кадров для заново формирующейся иракской армии. При этом обеспечение безопасности специальной военной академии в Багдаде поручалось американским войскам (*«Мир России», М., 15.04.2005*).

Тогда американская дипломатия стала преимущественно «покупать» правительства стран мирового сообщества, обещая им, кроме оплаты пребывания их военных и иных подразделений, еще и благосклонность на кредиты и другую помощь в решении их внутригосударственных проблем. В результате в течение 2003-2004 гг. была сформирована достаточно обширная коалиция соучастников в операциях США в Ираке (имеются ввиду не только боевые подразделения, но и медперсонал, социальные и другие благотворительные службы). Среди них:

Страны	Общая численность контингента (чел.)	
США	153000	
Великобритания	8800	
Южная Корея	3600	
Италия	3100	
Грузия	2000	
Польша	1700	
Украина	1700	
Испания	1300	

Нидерланды	1300	
Румыния	830	
Япония	550	
Дания	500	
Болгария	450	
Таиланд	450	
Австралия	400	
Сальвадор	380	
Гондурас	370	
Венгрия	300	
Доминиканская Республика	300	
Сингапур	200	
Монголия	180	
Азербайджан	150	
Фиджи (в составе войск ООН)	150	
Норвегия	150	
Португалия	127	
Латвия	120	
Литва	120	
Никарагуа	115	
Чехия	110	
Словакия	105	
Албания	70	
Новая Зеландия	60	
Эстония	55	
Филиппины	50	
Армения	45	
Тонга	45	
Македония	33	
Казахстан	29	
Молдавия	12	

Мир России, М., 15.04.2005.

Несмотря на капитулянтский подход политической элиты и большинства генералитета Ирака к войне против внешней агрессии, значительная часть армии и спецслужб не собирались сдаваться американцам. Потерпев военное поражение, когда иностранные войска заняли всю территорию страны, включая и оккупацию иракских городов, иракский народ в целом, включая и суннитов, и шиитов, перешел на рельсы массового партизанского повстанческого движения против оккупантов.

Население Ирака в своей основе, деморализованное предательским поведением правящих кругов страны, сначала испытало психологический шок, парализовавший национальную волю и желание к сопротивлению. Иракцы надеялись, что новая политическая власть, опирающаяся на иностранную помощь, вернет в страну законность и стабильность, создаст демократические социальные условия для всего народа, энергично примется за решение проблем национальной экономики.

Однако выдвиненцы на высокие посты управления выходцы из зарубежной оппозиции оказались мало дееспособными и растерянными в своей ориентации, а оккупанты, это прежде всего США, не поняли, что наблюдавшаяся их организационная пассивность в гражданской области вскоре вызовет отрицательную реакцию со стороны местного населения.

В экономике, в которой стали наблюдаться опасные явления люмпенизации населения и разгул хаоса в хозяйственной деятельности, США и их союзники, вместо энергичной

подключенности к решению местных проблем, занялись дележом «нефтяных» контрактов между лоббистскими группами. Что касается развития иракского народного хозяйства в целом, то оккупанты определили, что Ирак должен самовосстанавливаться за счёт доходов от экспорта своих углеводородов.

На первых порах, в мае-июне 2003 года, эта борьба пока была малой интенсивности — шёл процесс перегруппировки и накопления национальных сил для организации иракского сопротивления.

В военной сфере, оккупационные силы, вместо того, чтобы наладить систему сбора и складирования под надёжной охраной брошенного оружия и военной техники, а также разоружения иракского гражданского населения, занялись грабежом антиквариата и древних рукописей из музеев и библиотек Багдада и других городов; грабежу подверглись и дворцы президента и усадьбы иракской знати. А чтобы прикрыть это своё мародёрство, из местных тюрем были выпущены уголовники, которые совместно с прибывшими из Европы и других регионов мира представителями разношерстной антисаддамовской оппозиции, занялись в Багдаде и ряде других крупных городах активным мародерством и откровенной преступной деятельностью. Оккупанты закрывали глаза на эти явления.

Иракское сопротивление оккупантам постепенно нарастало. К осени 2003 года оно фактически стало повсеместным: только в Багдаде ежедневно погибало от 3 до 5 американских солдат, периодически подрывались патрульные бронетранспортеры и вертолеты, автомобильные конвои и транспорт-

ные самолеты (*газета «Красная звезда», М., 16.09.2003; журнал «Эхо планеты» — 2003, № 36*).

Если в мае-июне 2003 г. в Ираке ежедневно совершалось двадцать нападений на американцев, то к концу лета их количество возросло до ста, а к концу осени 2003 года — более 200 нападений в сутки. Таким образом, в Ираке оккупационные силы стали нести значительные потери как в городах, так и вне их. Поэтому с момента начала войны и до августа 2003 г. в вооружённые силы США было призвано 185 тысяч резервистов. Поскольку даже летом 2003 года американское командование не собиралось увеличивать численность своего оккупационного контингента в Ираке, то это означает, что призыв резервистов осуществлялся в том количестве, которое было необходимо, чтобы компенсировать потери в Ираке и Афганистане (*«Зарубежное военное обозрение», М., 2003, № 9*).

Обеспокоенное разрастанием антиоккупационного движения в Ираке, американское командование было вынуждено придумывать новые термины для обозначения иракского сопротивления: оно стало называть иракских боевиков «бандами уголовников» и «антииракскими экстремистами» (*Газета «Завтра», М., 27.04.2004*). Наибольшую активность в сопротивлении проявляли сунниты, потому что в новой иракской администрации американцы отдали приоритет шиитам и курдам. Однако, несмотря на межобщинные противоречия и столкновения (суннитов и шиитов), шииты также с разной степенью интенсивности вступали в вооружённую борьбу с интервентами и их ставленниками.

Оценивая масштаб иракского сопротивления оккупан-

там за прошедшие годы, можно констатировать, что выступления иракских партизан, за исключением ряда вспышек активности: суннитов — в Фалудже и Рамади (к западу от Багдада), а шиитов — на юге страны, — не имели единого лидера и идеологического центра, способного разработать стратегию и главные цели национальной борьбы в стране. При этом, однако, воочию было очевидно, что народное сопротивление в Ираке носило не случайный характер, а, как реакция на иностранную оккупацию, захватывало всё более широкие слои населения, структурировалось и постепенно становилось героизированной цементирующей идеей иракского общества.

Очень тревожным для США и их союзников являлось то, что в традиционно светском иракском обществе всё резче стал выходить на первый план религиозный аспект. Если при правлении Саддама Хусейна и партии БААС Ирак демонстрировал свою «светскость», то при новой власти религия стала главной инициативной силой в сознании иракцев. Сопротивление всё сильнее кристаллизовалось вокруг религиозных лидеров или командиров, открыто заявлявших о религиозном характере борьбы против США и их союзников. Для нищего, лишённого средств к существованию иракского населения, религиозные лозунги борьбы против захватчиков становились простой и понятной платформой для объединения. Учитывая, что соседями Ирака являлись шиитский Иран и фундаменталистская Саудовская Аравия, эта «религиолизация» войны получала мощную поддержку извне. По имеющимся у нас данным, в боевые действия против войск коалиции было вовлечено от 10000 до 13000 ирак-

цев в разных районах страны. И, как сообщали зарубежные СМИ, численность партизан и помогавших им жителей имела тенденцию к возрастанию (*Газета «Завтра», М., 27.04.2004*).

Как известно, внутривосточная обстановка в Республике Ирак с момента (в апреле 2003 года) полной оккупации Ирака войсками международного сообщества во главе с армией США не только не стабилизировалась, а, наоборот, приобрела характер сложного противостояния местного населения и внешних сил. Страну регулярно сотрясали вооруженные столкновения между местным сопротивлением, с одной стороны, и оккупационными войсками вкуче с навязанными последними коллаборационистскими властями, — с другой. Официальный Вашингтон был вынужден признать, уже за первые 3 года с момента вторжения американских войск в Ираке погибло около 150 тысяч иракцев и более трех тысяч американских военнослужащих (при этом, количество раненных американцев составило более 20 тысяч человек) (*р/с «Свобода», 10.11., 30.12.2006; «Daily Telegraph», L., 05.01.2007*). Однако, по данным ряда независимых источников, фактическое число жертв среди иракцев с 2003 года превысило 660 тыс. человек, из которых подавляющее большинство составили мирные жители, причем очень много молодежи и детей.

Более того, в социальном плане резко изменился климат взаимоотношений между светской и религиозной сферами в общественной жизни Ирака. Как уже указывалось выше, религиозный фактор стал все более и более доминировать в стране. По имеющимся данным из местных газет, этому обстоятельству способствовало то, что из страны бежали в Иорданию многие преподаватели светских вузов различ-

ных специальностей, а количество студентов в Багдаде сократилось на 60% от уровня до иностранного вторжения. Причем изменился и набор и уровень преподаваемых предметов в вузах, колледжах и школах. Ввиду того, что усилилось влияние шиитов в госуправлении страны, образование в школах, да и в вузах все более стало склоняться к религиозным предметам и заучиванию Корана и других документов ислама. Так, город, названный в честь мятежного имама Муктады ас-Садра (раньше он именовался как «Саддам Хусейн») и расположенный в 20 км от Багдада, стал не отличаться по действующим здесь правилам проживания от любого иранского города (*р/с «Свобода», 18.11.2006*). При этом, следует отметить усилившееся влияние на учебный процесс религиозных выходцев из ИРИ и Сирии.

Если же оценивать миграционные процессы в целом, произошедшие в Ираке с 2003 года, то, вследствие американских бомбардировок, ракетно-артиллерийских обстрелов и штурмовых операций против различных местных городов и населенных пунктов, бежали, спасая свои жизни и свои семьи, в другие места страны более 400 тысяч иракцев. Причем, подавляющее большинство из них остались полностью без крова и средств к существованию — это еще более сделало критической социальную ситуацию в Ираке. Еще большие масштабы приобрела эмиграция иракцев в соседние страны. Так, по имеющимся данным международных гуманитарных организаций, Ирак покинули 3,8 млн. человек. Они преимущественно осели в соседних Иордании, Сирии и Ливане. В частности, в Сирии их оказалось более 1 млн. человек. А так как они считались временно приехавшими арабами

из соседнего Ирака (то есть рассматривались местными властями как туристы или гости), то на них не распространялся статус беженцев. Поэтому они не обладали правом устройства на работу и на получение социальных льгот (в лучшем случае устраивались на самые непривилегированные работы). Это привело к резкому обнищанию иракских эмигрантов, которые в подавляющем большинстве ютились в убогих хижинах (*р/с «Свобода», 18.02.2007*).

На основании приведенных данных и оценок ситуации на местах эксперты определили, что социальная ситуация в Ираке и с иракским народом по сути достигла грани общенародной катастрофы, и поэтому стали призывать к срочным и кардинальным мерам для гуманитарной помощи иракским эмигрантам и мигрантам. Но реальный уровень внешнего содействия в этой области оказался мизерным, а по времени его поступления далеко отставал от темпов нарастания гуманитарной катастрофы.

Таким образом, можно сделать вывод, что вторжение армии США и их соучастников в Ирак уничтожило действовавший там более или менее стабильный режим президента Саддама Хусейна (хотя он и был диктаторским и репрессивным) и в целом сыграло крайне разрушительную и отрицательную роль в отношении единой иракской государственности.

Страна фактически раскололась на три открыто сражающиеся друг с другом национально-религиозные общины, а следовательно на обособленные территории: суннитов, шиитов и курдов, которые в прошлом, при всех существовавших взаимных противоречиях и случавшихся времена-

ми коллизиях, вместе с тем как-то сосуществовали в рамках единой страны. Теперь представители этих общин стали ежедневно десятками гибнуть не только от рук интервентов, но и во внутренней вооруженной междоусобице. Конечно, несли серьезные потери и оккупационные контингенты США, Британии и других стран. Нелишне отметить, что с начала войны в Ираке погибло 86 журналистов; в стране воцарилась обстановка страха в рядах чиновников, других государственных функционеров и в СМИ.

В частности, конфликты между суннитами и шиитами, приверженцами двух ветвей ислама, случались и в саддамовском Ираке, однако тогда столкновения происходили на политической почве, что было связано с особенностями распределения ответственных административных постов между суннитами и шиитами. В постсаддамовский период конфликт между местными арабами-суннитами и арабами-шиитами приобрел иную окраску, в основе чего легли не только взаимная нетерпимость по религиозному признаку, но и изменившийся их социальный статус. Доходы от нефти практически стали контролироваться правителями от шиитов и курдов (сунниты фактически были устранены с высших постов государства), на территории проживания основной массы которых располагаются нефтепромыслы страны.

Данное обстоятельство сделало суннитов третьей по значимости в управлении государством общиной в Ираке, сделало их непримиримыми врагами нового иракского режима, поддерживавшегося «штыками» оккупационных войск. Суннитские организации открыто отвергли новую «постсаддамовскую» конституцию Ирака, заявляя, что она отдала

иракские нефтяные месторождения в руки курдов и шиитов, оставив суннитским регионам весьма ограниченную долю от финансовых поступлений в госбюджет и нефтяные корпорации. Поэтому возникло упорное и постоянное сопротивление иностранной оккупации именно в местах проживания суннитов, причем эта ожесточенная борьба велась как против иностранцев, так и против шиитов-коллорабационистов.

Однако, после подавления восстания в Фалудже, судя по докладам американских офицеров, служащих в различных районах проживания суннитов, отряды сопротивления последних стали довольно малочисленными — в среднем по 20-25 человек, — из которых мало кто имел боевой опыт службы в армии, а вооружение состояло из автоматов, ручных пулеметов, снайперских винтовок, и изредка из РПГ еще моделей советского происхождения. Поэтому их военные операции сводились к эпизодическим партизанским налетам и засадам.

Параллельно с этим отношения между суннитами и шиитами приняли масштабы чуть ли не открытой и бескомпромиссной межконфессиональной войны не на жизнь, а на смерть. Даже американские СМИ, несмотря на жесткое сопротивление Дж. Буша, назвали ситуацию в Ираке как гражданская война («*New York Times*», «*Los Angeles Times*», 26-29.12.2006; 05-09.02.2007).

Представляется целесообразным осветить и такой фактор как коррупция. Если в период правления Саддама Хусейна сунниты злоупотребляли в распределении государственных средств, то после оккупации страны в 2003 году злоупотребления властью и финансами перешли к шиитам и курдам.

Как отмечают участники разразившегося в 2006 году скандала в отношении злоупотреблений в расходах американских финансовых поступлений в Ирак, осуществлявшихся оккупационной администрацией Пола Бремера (который в течение ряда лет возглавлял временное правительство Ирака), коррупция и крупные хищения государственных средств в этой стране приняли гигантские масштабы. Так, во время слушаний отчета Пола Бремера в главном комитете палаты представителей по надзору американского Конгресса, по словам Генри Уоксмана, конгрессмена-демократа, председателя комитета по надзору за расходами в Ираке, и Стюарда Боуэна, генерального инспектора по реконструкции Ирака, «только за март 2003 по июнь 2004 годов в Ираке вне отчетов и должного контроля были растрочены 20 млрд. долл., отправленных наличными в Багдад общим весом 360 тонн в контейнерах» (*Financial Times*, 07.02.2007, 16.11.2008).

Причем, в условиях дезорганизованного состояния контрольных органов в министерствах Ирака, особенно в министерстве финансов, весьма оперативно «уплыли» неизвестно куда 8,8 млрд. долл., предназначенных для финансирования деятельности различных иракских министерств.» Такой же беспорядок в распределении и расходовании всех финансовых средств, поступающих в центральную казну государства (будь то от экспорта углеводородов, или по линии иностранных поступлений по программам ООН «Нефть в обмен на продовольствие» или американской помощи на восстановление Ирака, продолжался и в дальнейшие годы (*Ibid*).

Уже с 2006 года американский генералитет, оценив на местах ситуацию в Ираке, выступил против увеличения чис-

ленности войск в Ираке, заявляя, что «демократия в Ираке не удалась» (р/с «Свобода», 18.11.2006).

Однако, сохранившаяся напряженная обстановка в этой стране, дополнявшаяся обострениями, вызвали в Вашингтоне иную реакцию. Хотя военные критически относились к действиям США в Ираке, однако, под давлением президентской администрации, и в сентябре 2007 г. и даже в апреле 2008 года во время слушаний в Конгрессе (в обеих Палатах — Палате представителей и в Сенате) США командующий американскими войсками в Ираке генерал Дэвид Петроус и посол США в Ираке Райан Крокер больше говорили об успехах коалиционных войск, а о постепенном выводе солдат (20 тыс. в /с) заявляли во вторую очередь. Поэтому вывод войск начался в 2008 г. после того, как в 2007 г. в Ирак были отправлены дополнительные подразделения — в итоге произведенной «двухходовой операции» по сокращению войск в Ираке осталось около 140 тыс. солдат и офицеров. Пентагон же рекомендовал президенту приостановить в июле вывод дополнительно переброшенных в Ирак в прошлом году американских боевых частей («Financial Times», 09.04.2008).

Администрация президента Дж. Буша, несмотря на очевидную тупиковую ситуацию в ситуации в Ираке, упорно держалось своих прежних позиций. Еще до своей отставки вице-президент Д. Чейни говорил: «Если американские войска уйдут из Ирака, это ослабит безопасность США (р/с «Свобода», 18.11.2006). Президент Дж. Буш, со своей стороны, делая дипломатические заявления о достигнутом прогрессе в развитии демократизма в иракском обществе и о своем намерении изменить в ближайшее время свою стратегию в Ираке,

по существу твердо стоял на сохранении и даже усилении американского военного и другого присутствия в этой стране. Поэтому, хотя командующий американскими войсками в Ираке Д. Петроус и признал, что «свет в конце тоннеля иракской ситуации до сих пор не виден, но, себе же противореча, заявил, что «по этой причине сроки вывода войск невозможно определить».

Однако в американской общественности все более и более усиливалась критика политики американской администрации в Ираке. Особенно это стало проявляться в выступлениях претендентов на президентское кресло во время проходившей летом и осенью 2008 года в США кампании по выдвижению кандидатов от республиканской и демократической партий на пост нового президента страны.

Причем, начиная с преддверия начала этой выборной президентской кампании на следующий четырехлетний срок, представители Демократической партии США, включая и ее выдвиженцев на указанный пост, стали требовать вывода американских войск из Ирака (*НТВ*, 14.11.2006; «*New York Times*», 02,24.08.2008).

Так, Хиллари Клинтон объявила о своей точке зрения по иракской проблеме следующим образом: «Настало время начать организованный вывод наших войск». Причем потребовала установить сроки вывода контингента. Ее оппонент по Демократической партии Барак Обама, постоянно критиковавший бывшую первую леди за то, что она в свое время голосовала за войну в Ираке, подчеркнул, что «вывод должен быть постепенным» (в дальнейшем он стал называть срок — до конца 2011 года).

Выдвиженец же от Республиканской партии на указанных выборах, ветеран вьетнамской войны, Джон Маккейн неизменно выступал за присутствие американских войск в Ираке до тех пор, пока не будет одержана безоговорочная победа, хоть до 100 лет.

Представляет интерес рассмотрение вопроса о деятельности международной террористической организации Аль-Каида в Ираке, обвинения в адрес которой явились одним из поводов американского вторжения в Ирак. Воистину, на самом деле войска С. Хусейна сами воевали с ее группировками, пытаясь уничтожить их лагеря в иракском Курдистане. Оккупация же международной коалицией под руководством США Ирака только подстегнула антиамериканские операции Аль-Каиды в этой стране. Таким образом, война в Ираке стала вестись не только против иракской оппозиции интервентам в лице суннитов и шиитов М. ас-Садра, но и против Аль-Каиды.

В прошедшей избирательной кампании на пост президента США вопрос о роли Аль-Каиды в Ираке вновь стал одним из пунктов обвинения администрации Дж. Буша. Так, Барак Обама в полемике с Дж. Маккейном заявил: «До вторжения войск Дж. Буша в Ирак там не было антизападной деятельности Аль-Каиды» (*ТВЦ*, 26.04.2008; «*NewYork Times*», 25.04.2008).

Хотя наиболее острые проблемы иностранные войска, и прежде всего американские, имеют в суннитских районах, однако, как показывает действительность, среди шиитов также не утихало сопротивление иностранной оккупации страны.

Причем, среди шиитского сопротивления наблюдалась

большая организованность. Шииты, сравнительно с другими местными конфессиональными группами, живут в глубоко традиционных религиозных общинах, которые преимущественно и компактно сосредоточены в южных регионах страны, близких к главным религиозным и духовным центрам и святыням шиитского исламского направления (имеются ввиду Кербела, Наджаф, Куфа и другие). Ввиду высокой религиозности, шиитское население (практически всех населенных пунктов: и городов, и деревень) оказывало широкую поддержку боевым действиям своих соплеменников. Целесообразно отметить, что для шиитов погибнуть, сражаясь с «неверными» в Наджафе, где находится гробница имама Али (зять и двоюродный брат пророка Мухаммада; наиболее почитаемый шиитами в исламе), считается вершиной духовной аскезы (самопожертвования во имя веры). Поэтому вооруженные действия в шиитских религиозных центрах, особенно вокруг их святынь, всегда отличались наибольшей ожесточённостью и кровопролитием. На вооружении у шиитов, кроме стрелкового оружия, стало увеличиваться и более серьёзное вооружение: ЗУ, ПТУРы, миномёты, крупнокалиберные пулемёты, СПГ и некоторое количество ПЗРК. Сначала это оружие было подобрано в Басре и Кербеле после ухода отсюда частей иракской армии и республиканской гвардии. Затем много оружия стало поступать со складов бывшей иракской армии, которые располагались во многих провинциях страны, а также было закуплено через местных посредников.

Американская администрация в Ираке, стремясь оправдать свои карательные действия в отношении шиитских

повстанцев и свою поддержку войскам премьер-министра-коллаборациониста аль-Малики, а также влияние внешнего фактора, как возбудителя местного населения против правительства, стало обвинять соседний Иран в контрабандных поставках оружия на юг Ирака и даже в непосредственной подготовке нескольких вооруженных отрядов для иракских мятежных районов. Хотя Тегеран категорически отверг эти обвинения, но для американцев существование такого факта служило дополнительным поводом для ведения боевых операций против вооруженных действий иракской оппозиции (*«Independent»*, *«Times»*, *«Times»*, L., 06.05.2008). США стали уверять мировую общественность, что иранские инструкторы из «Корпуса стражей исламской революции» обучали шиитских боевиков, в том числе из Ирака, для террористических действий за границей.

В свою очередь, Тегеран обвинил во лжи американцев, которые попали в сложную ситуацию, в связи обострившимся неприятием иракцами иностранной оккупации: представитель МИД Ирана Мохаммад Али Хосейни заявил, что его страна приостанавливает переговоры с Вашингтоном по вопросам безопасности в соседнем Ираке до тех пор, пока американские войска не прекратят атаки против иракских шиитских вооруженных формирований. В течение 2007-2008 гг. в Багдаде прошло несколько раундов таких переговоров на уровне послов, но без каких-либо результатов (*«Independent»*, *«Times»*, L., 06.05.2008). Вашингтон же принялся угрожать Тегерану своими военными санкциями. Так, по утверждению британских газет «Индепендент» и «Санди таймс», американские военные начали серьезную разработку возможностей

по реализации «точечных ударов» по учебным лагерям, расположенным в приграничной с Ираком иранской провинции Хузестан. Это подтвердил начальник Объединенного комитета начальников штабов США адмирал Майк Муллен. Вместе с тем, он признал, что третий (на фоне Афганистана и Ирака) конфликт в регионе будет весьма обременительным для США.

На начальном этапе организации сопротивления против оккупантов шиитские отряды состояли из 100-150 человек, а уже в «армии Махди» достигли уровня 500 бойцов. Казалось бы, проблема мятежного имама Муктады ас-Садра завершилась в 2006 году его умиротворением в пользу коллаборационистского правительства Багдада, однако в конце марта 2008 года «Армия Махди» Муктады ас-Садра снова завязала бои с иракской армией, подчистую разбив ее. На подмогу последней пришли оккупанты. Американская и английская авиация бомбила позиции бойцов Муктады ас-Садра в Басре. Аль-Малики выдвинул ультиматум восставшим сдаться до 08.04.2008 г. Махди отверг его. Тогда, в связи с обострением боев между правительственными войсками аль-Малики и повстанцами М. ас-Садра в Басре, Лондон отказался от своего намерения вывести из Ирака 1,5 тыс. своих военнослужащих из состава своего военного контингента в Басре. Всего на юге Ирака было размещено 4 тыс. английских войск (*«London lite»*, 12.12.2007; *ТВ OPT*, 13ю12ю2007).

Тогда за все время боев в Басре погибло около 200 человек, а 600 были ранены. Также сообщалось о массовом дезертирстве иракских наемников (*«Euronews»*, 28.03.2008; *«Взгляд»*, М.,

09.04.2008).

А президент Дж. Буш, несмотря на то, что на начало 2008 года потери личного состава американских войск в Ираке уже превысили 4 тыс. человек, и продолжая выступления в духе своего «старого репертуара», заявил: «Идет последний переломный момент битвы Ирака за торжество демократии». Конгресс США, со своей стороны, утвердил военные расходы Пентагона на 2008 г. в размере 696,4 млрд. долл., в том числе на войну в Ираке — около 200 млрд. долл. Сенат США подтвердил сумму в 507 млрд. долл. Таким образом, по крайней мере до вступления в должность нового американского президента, нынешняя политика США в Ираке осталась неизменной (р/с «Свобода», 02.04.2008). К данному моменту, согласно различным данным, в Ираке общие потери вооруженных сил США составили четыре тысячи 216 военнослужащих (*Еженедельник «Дело», С.-П., 10.11.2008; «Ведомости», М., 02.02.2009*).

По пессимистическим прогнозам американских аналитиков, пребывание американских войск в Ираке может занять 15 лет и обойдется в 3 трлн. долл. По подсчетам американских экономистов, каждые 3 месяца затраты на Ирак составляли 50 млрд. долл. (*«Washington Post», «Figaro», P., 16.03.2008; ТВЦ, 18.03.2008*). Надежды на решение проблемы иностранного присутствия в Ираке, наконец, стали связывать с приходом в Белый дом нового президента США. Так, Барак Обама, будучи кандидатом на этот пост, заявил: «В первый день после инаугурации я отдам войскам приказ закончить войну в Ираке» (*«Independent», L., 16.07.2008*).

Однако по конкретным возможностям и обстоятельствам действий нового президента эксперты и СМИ давали свои

объяснения и прогнозы. Так, было высказано: «Сейчас гораздо меньше возможностей у американцев, глубоко увязнувших в Ираке и Афганистане. У них просто нет войск, чтобы вести какие-либо иные военные операции. Но по мере ухода США из Ирака, одна часть войск будет направляться в Афганистан (как обещают), другая же высвободится, и ее можно где-то использовать. Но, видимо, чисто военного аппетита после Ирака у США будет меньше» (*Еженедельник «Дело», С.-П., 10.11.2008*).

И вот первые шаги вступившего в свои государственные права президента Барака Обамы: По сообщению агентства Рейтер, в интервью американскому телеканалу NBC он сообщил о планах правительства по выводу большей части американских войск из Ирака в течение ближайших 12 месяцев. По словам президента, большинство из 140 тысяч военнослужащих, расквартированных на территории Ирака, вернутся домой уже в течение года. При этом он заявил, что руководство США планирует удвоить количество дислоцированных в Афганистане американских военнослужащих с 36 тысяч до 60 тысяч в течение 18 месяцев. Целесообразно отметить, согласно одобренному в декабре 2008 года новому соглашению по предоставлению мандата на пребывание иностранных войск на территории Ирака, американская армия получила право находиться на иракской территории на законном основании до 2011 года: по условиям соглашения, к 30 июня 2009 г. все американские войска должны быть выведены из городов, а в 2011 г. — полностью покинуть территорию Ирака (*РИА «Новости», М., 02.02.2009; MEED, L., 10-16.04.2009, p. 6,20*).

По мнению экспертов по внешнеполитическому курсу

США, обещания Б. Обамы порвать с непопулярными акциями Дж. Буша на мировой арене, встречаются с реальностью современности — в наследство Обама получил весьма трудную ситуацию во внешней политике — это противодействие Ирана, Ирака, Афганистана, Северной Кореи. Здесь он, скорее всего, оказался связанным с теми решениями, которые уже были приняты администрацией Буша (*Еженедельник «Дело», С.-П., 10.11.2008*). Так, некоторые из них конкретизировали: к примеру, президент Института Ближнего Востока, Москва, Сатановский заявил, что «в Афганистане сейчас назревает катастрофа — талибы забирают под контроль страну, наркопроизводство достигло исторического максимума. Рядом находится ядерный Пакистан, ситуация в котором нестабильная, это тоже ключевой вопрос необходимости контролировать Афганистан. Нарращивание войск в Афганистане — ключ ко всей ближневосточной и средневосточной политике США. И если США удастся «примирить» Афганистан — это откроет возможности транспортировки прикаспийских углеводородов (Азербайджан, Туркмения, Казахстан) в обход России к Индийскому океану» (*«Ведомости», М., 02.02.2009*); а зампред комитета по СНГ Госдумы Константин Затулин пришел к выводу, что «США не ограничивают себя наведением порядка в Афганистане, проникновением в Центральную Азию они получают возможность из центра Евразии «присматривать» и за Россией и за Китаем и налаживать связи с центрально-азиатскими республиками СНГ» (*Там же*).

Что касается политической обстановки в Ираке, то, по мнению иностранных корреспондентов, «значительно больше было тех, кто еще в 2010 году считал, что вывод

американских войск неминуемо даст толчок гражданской войне. Затем в конфликт вмешаются соседние государства, в том числе Иран и Турция. Это почти на сто процентов приведет к развалу Ирака на несколько частей. В этих условиях не стоит рассчитывать ни на стабилизацию ситуации в регионе, ни тем более на увеличение поставок иракской нефти» (*«Российская газета», 03.02.2009*).

Таким образом, трагическая ситуация в Ираке продолжилась и дальнейшие перспективы в ее разрешении остались пока что трудно прогнозируемыми.

Глава 4

Исламская Республика Иран — несгибаемый стратегический оппонент США

1. Иран наращивает экономический потенциал, вооруженные силы и работает над ядерной технологией

Теперь какова была политическая ситуация в соседней с Ираком и Афганистаном стране — Исламской Республике Иран в первом десятилетии XXI века и ее внешнеполитические позиции?

В течение последующих десятилетий после свершения исламской революции 1979 года Иран находился в официально провозглашенной Вашингтоном политической, экономической и военной блокаде со стороны США. Эту блокаду и требования американского правительства к международному сообществу в отношении ИРИ ограничено (в разной степени солидарности с американской позицией) поддерживали западные державы. Все годы после ирано-иракской войны, несмотря на осложнения для своего развития, в связи с последствиями от американской блокады, Иран, можно считать, развивался в относительно мирных условиях

без какой-либо серьезной военной угрозы извне.

В первые четыре года нынешнего столетия иранский политический режим характеризовался как радикально-умеренный, но верный принципам, заложенным идеями революции 1979 года и установками аятоллы Р. Хомейни. Вместе с тем, функционируя в условиях американской блокады, иранское руководство, возлавлывшееся президентом аятоллой Саидом Мухаммадом Хатами, выдвинуло весьма важный принципиальный лозунг своей внешней политики «За диалог между исламской и иными цивилизациями». При этом отстаивались принципы соблюдения равноправия в развитии международных отношений и невмешательства во внутренние дела государств.

Чем вызывалось появление этих принципов в иранской политике?

Дело в том, что после окончания ирано-иракской войны возникшее после революции 1979 года безраздельное господство религиозно-националистического фактора при принятии стратегических решений в развитии государственного потенциала стало тесным для объективных интересов иранского общества. Это ясно осознавали функционеры различных сфер государственного управления, и в том числе бывший президент Рафсанджани, и наследовавший ему на этом руководящем исполнительном посту в стране аятолла Саид Мухаммад Хатами. Требовались реформы для стимулирования оптимального развития национального потенциала. К их реализации и приступила администрация второго президента. Однако в стране действовали две противоположные идеологические тенденции: либеральная и консервативная.

Таким образом, на первое десятилетие XXI в. пришлось два определенно противоположных лидера-президента: сначала — либеральный аятолла С.М. Хатами, а вслед ему — радикальный М. Ахмаднежад. Вот ими и определялся современный внутриидеологический климат в Иране. Вместе с тем, целесообразно отметить, что внешняя политика страны в своей принципиальной основе оставалась неизменной. Но при каждом из названных президентов политический курс имел свои особенности.

Так, как характеризовалась внутренняя и внешняя политика иранских правящих кругов в первом десятилетии XXI века?

Период правления президента С.М. Хатами. Ему был присущ сравнительно осторожный как внутренний, так и внешний политический курс. Это определялось тем, что во главе иранского общества сохранялась высшая власть за религиозным духовным лидером (рахбаром) аятоллой Хаменеи, сконцентрировавшего в своих руках высшую духовную и светскую власть, в том числе пост верховного главнокомандующего над вооруженными силами страны. При этом, государство играло определяющую роль в народном хозяйстве и осуществляло жесткий контроль над частным предпринимательством и внутриобщественной политической деятельностью. Гарантами власти ИРИ выступали: господство одной, единой исламской идеологии; руководящая роль партии «Хезболла»; активная деятельность Корпуса стражей исламской революции (КСИР) — вооруженных охранных партийных отрядов, полностью преданных идеям хомейнизма, которые иранское духовенство создало еще в мае 1979 года

как альтернативу традиционным вооруженным силам государства. Вначале КСИР представлял собой милиционное военизированное формирование с независимой от армии системой управления, состоявшее из около 10 тыс. добровольцев из числа преданных имаму Р. Хомейни и идеям исламской революции представителей иранской молодежи.. За 20 послереволюционных лет этот Корпус превратился в мощное регулярное военное формирование, имевшее в своем составе собственные сухопутные войска, ВВС, ВМС, а также Силы сопротивления «басидж», то есть народное ополчение, и диверсионные силы специального назначения «Коде». Таким образом, КСИР, обладая численно почти половиной личного состава всех вооруженных сил Ирана, стал (наряду с традиционной регулярной армией) их важнейшей составной частью (В.И. Сажин *«Военная мощь Ирана двадцать лет: от пепла до алмаза (к 20-летию Исламской Республики Иран (1979-1999 гг.); «Кейхан», Тегеран, 16.03.2004).*

Деятельность правительства при С.М. Хатами была направлена: во внутренней жизни — на активизацию реформ, расширение сферы демократии, но в пределах, исключавших опасную демонстративную конфронтацию с принципами исламской революции и с радикально фундаменталистскими кругами внутри страны; во внешней политике — на выход из своей международной политической самоизоляции (которая по существу была ограниченной), на открытость исламского Ирана всему миру и таким образом на прорыв американской блокады ИРИ. Именно президент С.М. Хатами включил в дипломатический «арсенал» международных отношений, как было упомянуто выше, идею «диалога цивили-

лизаций», то есть внес миротворческое начало в проблематику взаимосвязей цивилизаций. Это явилось оптимистичной инициативой — ответом против взглядов знаменитого западного политолога Сэмюэля Хантингтона, считавшего, что «столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике» (там же).

Однако в иранском варианте «диалога цивилизаций» сохранялись принципы опоры на традиционные национальные и религиозные ценности исламских государств, которые противопоставлялись прежде всего ценностям Запада. По мнению известного американского ираниста Шона Андерсона, одного из авторов аналитического сборника «Старые Угрозы для Нового Мира», «иранский истеблишмент считает, что лишь религиозная революция, подобная той, которая привела нынешних правителей Ирана к власти, способна покончить с несправедливостью, коррупцией и прочими недостатками мира. Одним из путей решения этих вопросов считается джихад-священная война» (*Washington Profile*, 08.08.2002 (www.washprofile.com/ru)).

Рост военного потенциала ИРИ. Учитывая уроки войны с Ираком и враждебность со стороны США, правящие круги ИРИ пришли к выводу о необходимости поддержания вооруженных сил страны на соответствующем технологическом уровне для гарантирования национальной безопасности. В данной связи на повестке дня среди стратегических задач государства встало перевооружение и развитие военного потенциала Ирана.

В рамках поставленных задач развертывалась организация современного военно-промышленного комплекса, фор-

мировалось широкое промышленное производство основных систем вооружения, увеличились поставки в силовые органы, и прежде всего в армию и КСИР, новых видов оружия и военной техники. В обход эмбарго, введенного США, использовались также различные — легальные, полуполегалные и нелегальные — каналы закупок военной техники и запчастей к ней за границей. На эти цели были затрачены более 100 млрд. долл. В качестве поставщиков выступал широкий круг компаний из таких стран, как Аргентина, Бразилия, Вьетнам, Индия, Исландия, Италия, Китай, Ливия, Нидерланды, Пакистан, Польша, Португалия, Северная Корея, Сирия, СССР, США, Тайвань, Франция, Чехословакия, Чили, Швейцария, Швеция, Эфиопия, Южная Корея, Япония и даже Израиль.

В первом десятилетии XXI века Иран располагал, сравнительно со многими государствами БСВ, самой мощной военной промышленностью, которая интенсивно развивалась и во многом уже вышла на производство военной продукции на уровне самых высоких требований к современной военной технике: в стране было развернуто производство разнообразных типов оружия — от стрелкового до ракетного. По оценкам, к 2010 году Иран стал располагать тысячами современных боевых танков и аналогичным числом БМП-1 и БМП-2; в авиации — обеспечивал запчастями наличный боеготовый парк военных самолетов американского и другого иностранного производства, а также самостоятельно производил десятки реактивных истребителей, не считая транспортных самолетов и вертолетов; в ракетостроении — выпускал разнообразную ракетную технику, включая

и баллистические ракеты ближнего, среднего, и, возможно, дальнего действия. При этом, следует учитывать усиление политических противоречий с США, а также возможности попыток нанесения внешним противником избирательных обстрелов и бомбардировок ряда иранских военных и, так называемых, «подозрительных» объектов. Это прежде всего касалось заводов по обогащению урана и целей, связанных с ракетной техникой. Поэтому в последние годы в Иране стали придавать усиленное внимание созданию контроружия — это новым ракетам, обеспечивавших поражение военных целей в Персидском заливе, американских военных баз на Аравийском полуострове и объектов на территории Израиля.

Сегодня вооруженные силы Ирана достаточно сильных, чтобы считаться серьезным противником для операций вооруженных сил США в регионе. По мнению ведущих военных экспертов и политологов мира, в случае вооруженного конфликта между США и ИРИ, у Вашингтона для разгрома Ирана может не хватить ни финансовых средств, ни обычных вооруженных сил и обычных средств поражения. Что касается применения ядерного оружия, то тогда это приведет к серьезной перестройке политической системы мира и к появлению на мировой арене нового очередного претендента на роль сверхдержавы.

Иранские вооруженные силы состоят из двух главных компонентов, двух независимых регулярных вооруженных формирований – Армии и Корпуса стражей исламской Революции, каждое из которых обладает собственными видами ВС: сухопутными войсками, ВВС и ВМС. Вооруженные

силы ИРИ оснащены современной боевой техникой, включая электронные средства.

Сухопутные войска Ирана в начале XXI-го века насчитывали 44 дивизии - 12 входили в состав сухопутных войск армии, а 32 - в состав сухопутных войск КСИР. Из них (в составе армии и КСМР): 32 пехотные, семь бронетанковых, три механизированных, одна воздушно-десантная и одна воздушно-штурмовая. Кроме того, они располагали 24 отдельными бригадами (17 пехотных, две бронетанковые и пять воздушно-десантных, семью ракетными бригадами, десятью артиллерийскими группами, группами зенитной артиллерии, инженерными и химическими подразделениями, частями армейской авиации. На вооружении соединений сухопутных войск насчитывались 2400 танков, около 1500 БМП и БТР, около 2000 орудий полевой артиллерии, свыше 700 реактивных систем залпового огня и 4-5 тысяч минометов калибром свыше 60 миллиметров.¹

Большое внимание уделялось бронетанковому прикрытию сухопутных формирований. Наибольшее количество боевой техники было сосредоточено в армейских дивизиях, располагающих почти 2000 танками и 500 БТР и БМП. Бронетанковая техника в абсолютном большинстве была сосредоточена в частях бронетанковых и механизированных дивизий, которые обладают наибольшей ударной мощью и могли использоваться для ведения маневренных боевых действий. Основным боевым танком Ирана являлись Т-72 и танки «Сафир-74», в вооруженных силах насчитывалось до 1500 этих машин, в том числе до 1000 - в частях постоянной готовности. Танки «Сафир-74» (также известные как 72Z)

представляли собой глубокую модернизацию танков Т-54/55 и разработанных на их основе китайских танков Тип 59 и 69. Устаревшая 100-миллиметровая пушка на этих машинах заменена на 105-миллиметровую L7, установлена модернизированная система управления огнем и усиленное бронирование. Оставшуюся часть танкового парка Исламской республики составляли устаревшие танки китайского производства - Тип 59 и 69, английского - Чифтен Mk 3 и Mk 5, и американского - M47, M48 и M60, поставленные до 1979 года.

Иран вел активную работу по модернизации своего танкового парка. С 1992 года в стране было налажено лицензионное производство танков Т-72, а также шли работы по ремонту устаревшей бронетехники. Кроме того, в конце 90-х годов XX века в Иране был запущен в производство основной боевой танк «Зольфикар-2» собственной разработки и легкий танк «Тосан». Выпуск бронетехники постоянно модернизировался, возрастает и количество новых образцов собственно иранского происхождения, которое стало насчитывать тысячи единиц, на основе которых создавались новые как самостоятельные полковые и корпусные образования, так и приданные к сухопутным войскам подразделения.

Сухопутные войска Ирана располагали значительным количеством противотанковых ракет, производство которых освоено иранской промышленностью. Основными типами ПТРК являлись копии советского ПТРК «Малютка» и американского ПТРК TOW.

Артиллерийские части сухопутных войск располагали различными артсистемами калибра 105-203 миллиметра. Большинство дивизионов было оснащено 122-миллиметровыми

гаубицами Д-30 советского производства, которых насчитывалось свыше 500, и дальнобойными 130-миллиметровыми орудиями Тип 59, которых было до 1100 стволов. Количество САУ было относительно невелико - из 440 САУ М-109 в строю находились не более 200 машин, остальные были переданы на хранение из-за отсутствия запчастей. Иран приступил к рассмотрению возможности ремонта и модернизации САУ М-109 собственными силами.

Значительный интерес представляли иранские реактивные системы залпового огня (РСЗО). В 80-е 90-е годы Иран разработал большое количество разнообразных реактивных снарядов калибром от 230 до 610 миллиметров, которые могли использоваться как с РСЗО, так и с одиночных пусковых установок. Эти снаряды активно поставлялись Ираном на экспорт, в том числе группировке «Хизбалла», которая применяла их по целям на территории Израиля. Боевая эффективность этих снарядов, особенно дальнобойных, при одиночном их применении невысока в силу крайне низкой точности стрельбы (круговое вероятное отклонение превышает километр, что обеспечивает точность «плюс минус район»). Поэтому такие снаряды использовались, прежде всего, для эпизодических атак. Для поддержки боевых действий сухопутных войск Иран использовались 122-миллиметровые РСЗО «Град» советского производства и их лицензионная версия Nadid, и китайские 107-миллиметровые РСЗО «тип 63.» 1

ВВС были представлены различными родами авиации (истребительной, бомбардировочной, разведывательной, вспомогательной: военно-транспортной, заправочной, связи и

управления, учебно-тренировочной). В первом десятилетии XXI-го века Иран насчитывал примерно 240-270 боевых самолетов, готовых для выполнения полетов в составе боевых подразделений. Данное число является приблизительным и может оказаться значительно больше, так как в последние годы в Иране появились самолеты собственного происхождения и было налажено самостоятельное производство запасных частей к имеющимся на вооружении иранских ВВС самолетам, что также способствовало наращиванию ввода в строй ранее непригодных к эксплуатации машин. Так, по имеющимся более или менее достоверным данным на 2000 год, в составе ВВС Ирана находилось (в боеготовом состоянии) около 40 истребителей МиГ-29, поставленных из России в 90-е годы, примерно 20-25 истребителей-перехватчиков F-14A Tomcat, 60 истребителей F-5E Tiger II, 32 истребителя F-4E Phantom-II, 30 истребителей J-7 (китайская версия истребителя МиГ-21) и 30 бомбардировщиков Су-24. Кроме того, ВВС Ирана располагали примерно 200 разведывательными, учебными и транспортными самолетами.

Что касается созидательного потенциала национально-го авиастроения, то авиационная промышленность Ирана до недавнего времени располагала в основном сборочными и ремонтными заводами, на которых производился ремонт закупленных в США, в ряде других стран, а также захваченных у Ирака военных ударных и транспортных самолетов: производства СССР. Однако в новом столетии стала усиленно развиваться собственная авиаизобретательная и строительная промышленность – авиационное производство полного цикла на основе передовых иностранных технологий.

На предприятиях Организации военной промышленности были созданы: одномоторный самолет “Парасту”, имеющий дальность полета 1300 км, вертолет “Шабавиз” на базе американской машины “АВ-205”, разведывательные беспилотные летательные аппараты нескольких типов: “Мохаджер-2” и “Абабиль”, одномоторный учебно-тренировочный самолет “Фаджер” с дальностью полета 900 км, на базе американского вертолета АВ-206 выпуск собственного варианта – “Зофар-300”. Затем стало осваиваться строительство иранских образцов истребительной, бомбардировочной и транспортной авиации близких по параметрам оснащения электроникой и скоростно-маневренных данным к требованиям современных требований военных операций и обороны страны от внешних противников. В частности, с 2000 года Иран производит по украинской лицензии транспортно-пассажирский самолет Ан-140 (на начало 2006 года было произведено свыше 50 самолетов), а также наладил производство учебно-боевого самолета Tazarg и сверхзвукового истребителя Saegheh. Осуществленные испытания собственного сверхзвукового реактивного истребителя даже на основе устаревший американский истребитель F-5E, позволили Ирану войти в «элитарный клуб» государств - производителей сверхзвуковой авиатехники. Также Иран провел успешные испытания нового перспективного сверхзвукового истребителя Shafagh.

Кроме того, в подчинении ВВС находились силы ПВО, включавших зенитно-ракетные, зенитно-артиллерийские и радиотехнические подразделения, а также части оперативно-тактических ракет. Причем, именно КСИР контролировал главную ударную силу ИРИ – ракетные войска.

В области развития национальной ракетной технологии наблюдалось динамичное развитие, стимулировавшееся крупными валютно-финансовыми инвестициями из госбюджета и расширенной подготовкой соответствующих конструкторских и технических кадров. Было налажено производство зенитных ракетных комплексов (ПЗРК) “Стрела-2” и “Стингер”, зенитных управляемых ракет (ЗУР) “Рапира”; оперативно-тактических ракет с дальностью полета до 500 км и с разделяющейся головной частью, противотанковых управляемых ракет (ПТУР) “Тоу-Тандем”, “Тоу-2”, “Милан”, “Фагот”, “Конкурс”, ПЗРК “Игла-1м”; освоено производство противокорабельных ракет. Иран вышел на самостоятельное создание и произвел успешные пуски и запуск в серийное производство жидкотопливных оперативных ракет “Шихаб-3” с дальностью полета до 1300 км; были близки к соответствующему военному внедрению варианты “Шихаб-4” с дальностью запуска до 2000 км, и, наконец, стратегической баллистической межконтинентальной ракеты “Шихаб-5”. В сочетании с приобретением современных технологических компонентов, иранское ракетостроение приобретало возможности для оснащения национальной обороны разнообразными видами ракет от тактических до стратегических видов.

В ВМС включались рода сил: надводные, подводные, авиация ВМС, морская пехота, части противокорабельных ракет, морская охрана, береговые службы и службы тыла. Иранская военная промышленность шаг за шагом осваивала новые технически более сложные проекты. Так, ИРИ закупила за рубежом несколько крупных надводных судов и подво-

дных лодок, наладила серийное производство малотоннажных военных и транспортных кораблей и судов (сверхмалых подводных лодок и судов на воздушной подушке), катеров и моторных лодок, типа “Фаджр-2”, “Кербала”, катеров “Ашура 2-1” и “Фатех”, оснащенных средствами борьбы с надводными и воздушными целями. В первом десятилетии XXI века было начато освоение производства крупнотоннажных военных кораблей.

Общая численность регулярных вооруженных сил – армии и КСИР – превышала 900 тысяч человек, из которых свыше 670 тысяч проходили службу в сухопутных войсках, 100 тысяч – в ВВС, 45 тысяч – в ВМС, 135 тысяч – в частях «Басидж» и 15 тысяч – в силах специального назначения (ССН) «Коде».

Таким образом, вооруженные силы Ирана были достаточно сильными, чтобы считаться серьезным противником для операций вооруженных сил США в регионе. По мнению ведущих военных экспертов и политологов мира, в случае вооруженного конфликта между США и ИРИ, у Вашингтона для разгрома Ирана могло не хватить ни финансовых средств, ни обычных вооруженных сил и обычных средств поражения. Что касается применения ядерного оружия, то тогда это привело бы к серьезной перестройке политической системы мира и к появлению на мировой арене нового очередного претендента на роль сверхдержавы (*Lenta.ru, 28.10.2009*).

Однако оценивая в целом проблему национальной безопасности страны, целесообразно сказать, что в совокупности иранская политика «диалога цивилизаций» и наличие в Иране сравнительно сильного военного потенциала (причем интенсивно нарастающего) в первом десятилетии XXI века

не могли полностью гарантировать безопасность иранского государства. Дело в том, что ярким противником политического режима ИРИ и его государственных программ выступали США. Так, в частности, по заявлению Госдепартамента США, «в 2001 году Иран продолжал выступать в роли самого активного спонсора терроризма». Поэтому президент США Джордж Буш-младший назвал Иран в числе трех стран, образовавших «ось зла» на БСВ (Ирак, ИРИ, Сирия). По тем же сведениям, Иран оказывал поддержку террористическим группам на Ближнем Востоке, в странах Персидского залива, Африке, Турции (*Washington Profile*, 08.08.2002 (www.washprofile.com/ru)). В данной связи, в первом десятилетии нового века США не отказались от своей антииранской блокады, продолжали нагнетать враждебную политическую обстановку вокруг него, и, более того, спекулируя на стремлении Тегерана обзавестись собственной ядерной технологией, встали на рельсы угрозы возможного вооруженного нападения на иранские объекты, связанные с атомными разработками.

Таким образом, перед иранским руководством встала альтернатива: либо отказаться от своего намерения через обладание ядерным потенциалом приблизиться к уровню передовых держав мира и таким образом существенно гарантировать себя от опасности иностранной агрессии; либо следовать своему курсу на независимое развитие своего экономического потенциала, включая и атомную технологию, соответствующую его хозяйственным возможностям, но при этом столкнуться с мощным шантажом извне и возможностью иностранных военных акций.

Иран избрал второй путь и политический курс на этом

направлении стал проводить новый президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад. Как известно, в результате открытых выборов президента Ирана, на смену аятолле Саиду Мухаммаду Хатами 24 июня 2005 года на этот пост заступил сторонник более радикальной внешней политики Махмуд Ахмадинежад. Новые исламские движения и организации, вышедшие на общественную арену наряду с «устоявшимися» и во многом застойными в своей деятельности, как «Вафд», «Братья мусульмане», будучи более молодежными и знающими только реалии сегодняшнего времени, стали перехватывать инициативу не только в воздействии на общественное мышление, но и в формировании властных структур в мусульманских странах. Ярким примером этого на современном этапе выступила Исламская Республика Иран. При этом, среди радикалов, которые отличались по характеру своих взглядов от националистов: одни стояли за решение только социальных проблем внутри своих стран в отдельности, другие, радикалы-глобалисты, призывали к созданию единого исламского фронта, к полному изгнанию иностранных держав из исламского ареала. Так, в Иране на пост президента страны был избран представитель именно второго вида радикалов. По оценке многих политологов-международников, администрация М. Ахмадинежада и его ближайшие сподвижники считали, что выполнение миссии превращения Ирана в региональную державу лежит на путях конфронтации с США и безусловной поддержки всех антиамериканских сил на Ближнем Востоке на основе исламской солидарности.

С точки зрения западных ядерных держав, М. Ахмадине-

жад стал проводить открыто националистический и антиимпериалистический внешнеполитический курс: то есть, несмотря на угрозы санкций со стороны мировых держав, стал интенсивно претворять в жизнь программу на ускорение и расширение создания национальной ядерной промышленности, включая и технологии обогащения урана. Кроме того, важное внимание Запада, Израиля и соседних стран региона стали привлекать целенаправленные действия Тегерана по созданию баллистических ракет, способных поражать объекты на расстоянии нескольких тысяч километров. Но наибольшее беспокойство США, Израиля и некоторых других стран вызывали слухи о намерениях Ирана разработать свое собственное ядерное оружие (*журнал «Духовность, вера, возрождение», 10.12.2008*).

Иранское правительство заявило, что не откажется от своего намерения полностью выполнить программу создания собственной ядерной технологии для нужд своей энергетики. В этих целях в городе Арак было предусмотрено задействовать новую мощную центрифугу для производства ядерного топлива (*ИРНА, 18.11.2006; p/c «Свобода», 19.11.2006*). В Араке был построен завод по производству тяжелой воды, в Натанзе — уранообогащительный завод, в Кередже — ядерный исследовательский реактор, все большее количество центрифуг по обогащению урановой руды друг за другом вступали в строй и данный факт признавался иранским правительством (причем многие центрифуги завозились из-за границы). Основным поставщиком этой техники считается Пакистан, в недавнем прошлом успешно создавший ядерное оружие. Факт передачи оборудования в Иран «отцом» па-

кистанской бомбы Абд-аль-Кадиром Ханом подтверждался и в Исламабаде, и в Тегеране на полуофициальном уровне (www.rpmonitor.ru/ru/detail_m.php, 13.11.2006, статья Е. Галкиной «Иран бросает вызов»).

Американское давление на мировую общественность, с целью запретить Ирану заниматься разработками своего ядерного потенциала, с первых же шагов встретило определенную обструкцию со стороны России и Китая, которые заявили, что не поддержат многого из списка санкций в отношении Тегерана. Более того, Москва подтвердила, что полностью выполнит свои обязательства перед Ираном по завершению строительства и ввода в строй АЭС в Бендер-Бушехре.

Более того, в Совете Безопасности ООН Москва внесла свои оговорки в подготовленную западными державами резолюцию о санкциях против Тегерана, в связи с его несогласием свернуть свою работу по созданию мощностей по обогащению урана на своей территории. Российская делегация в СБ ООН заявила, что санкции должны быть ограниченными и охватывать только поставки Ирану товаров, услуг и технологии, шедших на производство военной продукции: ракет и оснащение ядерного оружия.

И вот на фоне существовавших международных противоречий ИРИ — как в отношениях с США и западными державами, так и в пределах региона Персидского залива, — каковой была иранская политика в отношении внешних угроз?

Экспертами-политологами и СМИ в мировом сообществе приводились различные, зачастую противоречивые факты, чтобы обосновать свои выводы о реальном векторе иран-

ской внешней политики в тот или иной временной отрезок — то есть отражали реакцию противостоящих сторон: Ирана и его оппонентов — на предпринимаемые политические шаги каждой из них. В частности, среди этих приводившихся фактов (действия или официальные заявления) в апреле 2006 года, когда стала обостряться критика «атомного проекта Тегерана» отмечались следующие: а) ядерные технологии Ирана будут служить интересам мира и сотрудничества с другими странами. Об этом заявил журналистам в Дамаске бывший президент ИРИ Али Акбар Хашеми-Рафсанджани; б) иранские власти и представители иранской элиты активно выводят свои многомиллиардные вклады из европейских банков и размещают их в банках Азии и, естественно, Швейцарии, территория которой под санкции, как правило, не подпадает. Многие иностранные эксперты оценили происходившее как один из предварительных этапов мобилизации Тегерана перед возможным военным столкновением с Соединенными Штатами и их союзниками, и на тот случай, если попытка урегулирования ситуации вокруг ядерной программы Ирана не даст результатов (*РИАНОВОСТИ*, 07.02.2009).

Подобная картина, с некоторой вариативностью о характеристиках действий как Тегерана, так и его оппонентов, наблюдалась и в последовавшие годы. Однако главная политическая линия Тегерана была четко обозначена, и, несмотря на различные тактические действия иранской дипломатии, по существу осталась неизменной.

Хотя западные державы в целом были весьма настойчивыми в ядерном вопросе и в необходимости международной инспекции атомных объектов Ирана, руководство ИРИ

в этом вопросе шло только на уступки тактического характера, сохраняя за собой инициативу в данной проблематике: после долгого давления извне в течение 2006 года иранские власти допустили приезд в страну соответствующей делегации инспекторов с целью ознакомления с работой объектов, связанных с ядерной технологией (*p/c «Свобода», 29.01.2007*). Однако на всех международных встречах иранские ответственные лица неизменно отказывали требованиям иностранных держав прекратить работы по обогащению урана. Как сказал президент ИРИ М. Ахмадинежад, «если мы сейчас пойдем на попятную, нам никогда не дадут возможности сделать и шаг, чтобы иметь национальную атомную промышленность» (*Euronews, 12.02.2007*). В данной связи, руководитель по переговорам с иностранными державами по ядерной проблематике, председатель Национального совета безопасности ИРИ Али Лариджани на Международной конференции по стратегической безопасности в мире, проходившей в Мюнхене в феврале 2007 года, заявил, что, «несмотря на любого рода давления, включая и резолюции СБ ООН и угрозы внешней агрессии против Ирана, ИРИ никогда не откажется от своей программы по созданию своей атомной промышленности в национальных интересах мирного использования урана» (*Ibid*). Поэтому на совещаниях экспертов МАГАТЕ и министров иностранных дел ведущих держав — США, России, Англии, Франции, Германии и Китая — в Берлине и Лондоне в феврале 2007 г., а 24 марта — в СБ ООН были приняты резолюции о начале действия режима международных экономических санкций против ИРИ: на первых порах для Ирана — запрет иностранных кредитов, экспорта вооружений,

а через 60 дней (если Тегеран не уступит) — ужесточение санкций («Independent», «Financial Times», L., 25, 27.02., 24.03.2007). Причем европейцы (включая и РФ), а также КНР стояли за продолжение диалога с Тегераном и за ограниченность санкций, недопущения военных вариантов в отношении Ирана. Вашингтон же требовал применения весьма жестких действий к ИРИ. Американское давление на западные правительства усилило антииранские требования и со стороны НАТО, в том числе — Франции, Германии, Англии, Италии. Пекин и Москва продолжали выступать в качестве международного смягчающего фактора и настаивали на политическом диалоге с Тегераном.

Что касается ситуации на противоположной стороне — Ирана, то прочность внешнеполитического курса ИРИ была обусловлена устойчивостью внутривнутриполитических позиций центральной власти. Хотя президент М. Ахмадинежад потерял поддержку в рядах части политической и бизнес элиты в провинциях, что явно проявилось в результатах прошедших осенью 2006 года выборов в муниципальные советы и в Собрание экспертов (орган, контролирующий и избирающий верховного лидера Исламской Республики Иран), зарубежные политики и политологи посчитали, что не представляется целесообразным думать, что Тегеран пойдет на большие уступки западному давлению («Независимая газета», М., 19.12.2006; р/с «Свобода», 15-16.03.2007). После резолюции СБ ООН от 24 марта 2007 года № 1747 по атомной проблематике ИРИ руководство этой страны в лице президента и министра иностранных дел недвусмысленно отвергли претензии мировых держав: нынешний курс, утверждали они, — это стратегическое на-

правление дальнейшего движения Ирана. Что касается указанной и других резолюций СБ ООН, то президент Махмуд Ахмадинежад заявил, что «Иран не признает эти решения, так как они пытаются сохранить колониальную монополию Запада на ядерную технологию. ИРИ, со своей стороны, продолжит всемерное создание полного цикла национальной атомной промышленности» («Financial Times», L., «Кейхан», Тегеран, «Аль-Ахбар», Каир, 29.12.2006, 28.03., 14.05.2007). Его позицию всецело поддерживал духовный руководитель ИРИ аятолла Али Хаменеи (р/с «Свобода», 09.01., 14.05.2007).

Иранское руководство, хотя и весьма жестко, но довольно своевременно, пользовалось тупиковым положением США в Ираке и нараставшими противоречиями в высших эшелонах власти этой супердержавы (между демократической и республиканской партиями), чтобы без крупных трагических осложнений выйти в разряд обладателей ядерной технологией, а также укрепить свои позиции в регионе БСВ в качестве мощной политической и военной силы.

Кроме того, в кругу крупнейших потребителей углеводородов на международном рынке в последнем десятилетии появился новый важный субъект мирового значения — Китайская Народная Республика. По своим темпам развития и роста потребления сырьевых товаров эта крупная держава не уступала США. Хотя в Китае ощущалась острая и крупная нехватка углеводородов, эта держава по своим демографическим, военным и экономическим показателям могла совершенно безнаказанно игнорировать установленные Соединенными Штатами преграды каким-либо иным государствам. По официальным данным, подтвержденные

запасы углеводородов в этой стране были примерно в 10 раз меньше, чем в России, и в 6 раз меньше, чем в Иране. Поэтому одной из стратегических задач Китая, который претендовал на статус второй сверхдержавы мира, являлось гарантирование бесперебойного поступления этих ресурсов. Иран же, в свою очередь, располагал весьма богатыми разведанными запасами нефти, которые составляли 8-9% общемировых запасов, а по запасам природного газа — 15,1%: то есть по ресурсам нефти Иран занимал третье место в мире после Саудовской Аравии и Российской Федерации, а по природному газу — второе после России. При этом себестоимость добычи углеводородов была почти равна таковой в Саудовской Аравии, но ниже в 4 раза, чем в России. Таким образом, объективно, сотрудничество Китая и Ирана приобрело долгосрочный характер и охватило не только экономическую, но и политическую сферы.

Иран выступал среди крупных поставщиков углеводородов Китаю, а с 2005 года КНР стала ведущим покупателем иранской нефти. Таким образом, налаженное ирано-китайское сотрудничество свело на нет ущерб от санкций США. С китайской стороны финансовые и экономические поступления в Иран охватывали многие области. В частности, в 2004 г. между ИРИ и КНР была заключена крупнейшая инвестиционная сделка (в отношении месторождения Ядавран) на общую сумму около 70 млрд. долл. Кроме сотрудничества в разработке и закупках иранских полезных ископаемых, Китай содействовал развитию военной промышленности Ирана, поставляя ему ракетные технологии (www.rpmonitor.ru/ru/detail_m.php, 13.11.2006, статья Е. Галкиной «Иран

бросает вызов»).

Если брать взаимоотношения между Ираном, с одной стороны, и с державами Запада в отдельности, и прежде всего с США, — с другой, то следует отметить, что между последними в первом десятилетии текущего века наблюдалась сложная политическая «игра»-противостояние, в которой цели у сторон в своей основе были различными. Поэтому и их позиции в отношении ИРИ, и их связи непосредственно с этой страной были неоднозначными.

Особенно враждебно к Ирану относился Вашингтон. Как известно, осенью 1979 года США разорвали дипломатические, военные и экономические связи с ИРИ, установили блокаду на пути какого-либо американо-иранского сотрудничества, а с 1996 г. дополнительно стали «штрафовать» иностранные компании, которые инвестировали более 20 млн. долл. в развитие нефтегазовых отраслей ИРИ, да по существу и в другие важные иранские отрасли. В первом десятилетии текущего века США наложили на Иран, а также и на другие страны «оси зла» следующие четыре санкции, исполнение которых стали требовать и от иных государств:

- Запрет на экспорт и продажу товаров, имевших отношение к вооружениям;
- Жесткий контроль над экспортом товаров двойного применения;
- Запреты на оказание экономической помощи;
- Ряд финансовых и других ограничений (например, представители США были обязаны выступать против предоставления этим странам кредитов со стороны Всемирного банка и других международных финансовых инсти-

тутов; отменили дипломатический иммунитет, связанный с тем, чтобы семьи жертв терроризма могли подавать гражданские иски в суды США и т. д.) («*Washington Profile*», 08.08.2002 (www.washprofile.com/ru)).

На обострении американо-иранских отношений оказал влияние приход к власти в ИРИ М. Ахмедиенежада, при котором заметно возросли претензии Ирана на региональное лидерство, что противоречило планам США и Израиля по переустройству Ближнего Востока по выгодному для них сценарию. Поэтому в конце десятилетия Вашингтон еще более расширил сферу своих требований к мировому сообществу в отношении Исламской Республики Иран: категорически требуя и от Тегерана, и от европейских правительств немедленно прекратить какие-либо работы в Иране, способствовавшие развращению центрифуг по обогащению урана. Белый Дом всяческими средствами намекал иранскому руководству, что не хочет прибегать к каким бы то ни было силовым методам. Однако данными дипломатическими шагами не исключалось, что США попросту занимались лишь внешним прикрытием подготовки именно силовых акций — вероятно, к тщательной проработке удачных вариантов: скорее всего к «внеконтактной» бомбардировке объектов, связанных с атомной технологией, либо силами Пентагона, либо израильской ударной авиацией при соответствующей координации действий между военными ведомствами США и Израиля. В частности, в феврале 2007 года в американской «копилке» обвинений Тегерана появился новый аргумент. Так, министр обороны США Р. Гейтс заявил, что «Иран тайно поставляет иракским шиитам наземные ракеты «земля-

воздух» и «противотанковые» ракеты, в результате применения которых было сбито 4 вертолета, уничтожено множество бронетехники, а также убито 170 и ранено 600 американских военнослужащих» («Washington Post», 11.02.2007; «Euronews», 12.02.2007). «Причем, — утверждал президент Дж. Буш, — большинство оружия, которым поражаются американские военнослужащие, — российского происхождения» («Washington Post», 15.02.2007).

Как все более и более заявляли правящие круги Запада, подстегиваемые беспокойством США и Израиля, последние достижения Ирана в области ракетных технологий и ПВО, находились на таком высоком уровне, что, в частности, ракеты серии «Шахаб-3», и находящиеся на подходе к серийному производству ракеты «Шахаб-4» и «Шахаб-5» были способны поразить не только американские базы в Турции и Саудовской Аравии, а также Израиль, но и в перспективе могли представить угрозу европейским государствам.

2. «Цена» иранского вопроса в президентской избирательной кампании США 2008 года и при президенте Б. Обаме

Иранская тема стала предметом политических спекуляций среди кандидатов в президенты США в избирательной кампании 2008 года. Так, республиканский выдвиженец Джон Маккейн стоял за военную реакцию Вашингтона в отношении не только событий в Ираке и Афганистане, но и за нанесение удара по иранским объектам, связанным с атомной промышленностью и даже шире, если Тегеран не пошел бы

на уступки требованиям НАТО. Среди кандидатов от Демократической партии, в целом придерживавшихся более прагматической позиции, предусматривавшей в перспективе вывод американских войск из Ирака, имелись некоторые расхождения в иранском вопросе. Так, Хиллари Клинтон считала, что США могут нанести массированный удар по Ирану, особенно если тот нападет на Израиль. По мнению же Барака Обамы, следовало быть осторожнее, иначе можно было скатиться к «ковбойской дипломатии» Дж. Буша в отношении Ирана, а это «политика пустых угроз, бряцания оружием и жестких заявлений».

В 2009 году, новый президент США Б. Обама и госсекретарь Х. Клинтон несколько согласовали свои позиции и стали утверждать, что будут стремиться к переговорным вариантам в отношении Теграна. Так, в интервью зарубежным журналистам Б. Обама в январе 2009 года подчеркнул, что «необходимо учитывать в ближневосточном мирном процессе не только ситуацию вокруг палестино-израильского конфликта, но и события, происходившие в Сирии или Иране, или Ливане, или Афганистане и Пакистане». Далее, глава США сообщил, что дал поручение своей администрации в течение нескольких ближайших месяцев разработать общие рамки и подход к диалогу с Теграном, а в своей инаугурационной речи сказал, что «если такие страны, как Иран, готовы разжать свой кулак, они увидят протянутую нами руку» (*«Российская газета»*, М., 28.01.2009; *«MEED»*, L., 13-19.02.2009, p. 36). Тегран, в свою очередь, заявил, что «для начала взаимных переговоров и нормализации ирано-американских отношений Вашингтону предварительно необходимо отменить ан-

тииранские санкции» («MEED», L., 13-19.02.2009, p. 36).

По мнению многих российских и зарубежных, включая и американских, экспертов, долговременное дипломатическое давление на Тегеран, когда Запад ограничивался только угрозами, не решаясь прибегать к ним, определялось тем, что США глубоко увязли в Ираке, а также в Афганистане, да еще разразился мировой финансово-экономический кризис осенью 2008 года, потрясший в первую очередь американскую экономику, и все эти факторы стояли мощным препятствием для активизации американских военных акций против Ирана. Кроме того, в Вашингтоне учитывали то, что иранский военный потенциал был намного мощнее иракского и за ИРИ стояло симпатизирующее мнение во многих странах мусульманского мира. Поэтому, как, в частности, сформулировал свое мнение начальник аналитического отдела Института политического и военного анализа (г. Москва) Александр Храмчихин: «Из всех возможных вариантов удара по Ирану «точечная бомбардировка лагерей КСИР по подготовке «террористов» будет самой бессмысленной. Теоретически любая форма атаки на Иран будет возможной только после того, как армия США уйдет из Ирака и Афганистана — то есть перестанет быть заложницей тупиковой политики Белого Дома в этом регионе» (р/с «Свобода», «Euronews», 07.05.2008).

3. Региональная политика Исламской Республики Иран

Исламская Республика Иран, избравшая трудный путь отстаивания своего суверенного цивилизационного развития и непокорности мировому империализму, под давлением США попала в определенную международную политическую изоляцию. Тегеран в своем стремлении развивать свои внешние хозяйственные и политические связи нередко встречался с обструкцией и значительными ограничениями во многих странах. Подобная ситуация наблюдалась и в отношениях с непосредственными соседями: ИРИ находилась в окружении недружественных аравийских режимов, способствовавших американскому, во многом диктующему, проникновению во внутреннюю политическую жизнь региона Персидского залива и БСВ в целом; иранскими соседями были также подвергшиеся иностранной агрессии (Ирак и Афганистан), где были поставлены у власти правительства, зависимые от США и НАТО; с НАТО и Европейским союзом была связана и Турция.

Что касается политической ситуации к северу от Ирана, то в результате распада СССР там вместо могучего Советского Союза образовался веер сравнительно менее мощных стран. Это новые государства Центральной Азии и Закавказья — Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Азербайджан, Армения и Грузия, где верховная власть по существу сохранилась в руках светских политических кругов. Таким образом, Иран превратился в единственную региональную державу, способную оказывать реальное влияние на вопросы войны и мира в Ираке и Афганистане, а также выступать

рупором антиамериканских настроений на всем мусульманском БСВ. Учитывая выгодное геостратегическое положение Ирана в центре «Большого БСВ», в целом Тегеран получил весьма выигрышные позиции, чтобы выступить в качестве самой мобильной силы БСВ.

Таким образом, внешнеполитическое положение ИРИ в мировом сообществе характеризовалось как рамками «Иран — Запад», так и спецификой межгосударственных политических отношений внутри региона Персидского залива и на БСВ.

Иран был открытым противником США и западных держав по целому кругу стратегических вопросов: он выступал против неоколониалистской и агрессивной политики указанных держав в мусульманском мире; выступал против откровенно агрессивной и захватнической деятельности США и НАТО в регионе БСВ, особенно в зоне Персидского залива и Среднего Востока; отстаивал интересы нефти и газозэкспортирующих стран в мировой торговле; противоборствовал неоколониалистскому давлению Запада в области мирохозяйственных связей.

Однако, как известно, в течение последних десятилетий весьма неоднозначные отношения сложились у ИРИ с нефтяными монархиями Залива, которые, будучи ее объективными конкурентами в политическом, экономическом и религиозном аспектах, широко сотрудничали с США и пользовались поддержкой этой супердержавы. Эти параметры межгосударственных взаимоотношений на региональном уровне сохранились и в дальнейшем.

Говоря о региональной политике ИРИ в Персидском за-

ливе в первом десятилетии XXI века, целесообразно указать на два принципиальных фактора.

1) Это специфика иранского понимания вопроса об обеспечении стабильности в этой зоне. Тегеран, заявлял о своем стремлении к созданию внутрорегионального взаимопонимания, но чтобы в Заливе отсутствовал фактор политического и силового доминирования США. В таком случае, у Ирана были бы превосходные возможности играть здесь центральную роль.

2) Аравийские же режимы Персидского залива, исходя из собственных интересов, осложненных их сравнительно (с Ираном) малыми размерами и возможностями по развитию собственных хозяйственных и военных потенциалов, объективно рассматривали себя противниками Ирана. Далее, между ИРИ и арабскими соседями существовали противоречия по использованию акватория Персидского залива, а с ОАЭ оставался нерешенным территориальный спор в отношении трех островов — Абу-Муса, Большой и Малый Томбы.

Все эти государства Аравийского полуострова долгое время были в колониальной зависимости от Запада (прежде всего от Великобритании и США), и их статус суверенных государств и территориальные границы во многом определялись и согласовывались в западных столицах, и прежде всего Лондоном и Вашингтоном. Поэтому монархии Залива по существу не порвали дружественных связей с бывшими метрополиями, которые стали основным рынком сбыта их щедрых природных богатств и поставщиками современных технологий, а также внешними политическими союзниками.

В данной связи, они предпочитали придерживаться умеренной внешней политики, прогибаться под давлением США и рассматривали прагматичным поддерживать союзнические отношения с указанной супердержавой и другими западными государствами, а также при поддержке последних и под их покровительством объединять свои военный и экономический потенциалы в рамках ССАГПЗ, чтобы противостоять иранскому внешнеполитическому курсу. Таким образом, объективно данную группу стран было целесообразно рассматривать как пособников политической линии США в регионе Персидского залива. Естественно, у каждой из призаливной монархии имелись свои особые интересы и даже некоторые противоречия и проблемы с соседями.

Аравийские нефтяные монархии продолжали оставаться как политическими оппонентами, так и конкурентами Ирана на мировом рынке энергетических ресурсов — это подразумевало не только собственно реализацию углеводородов, но и строительство газо- и нефтепроводов (в последнее время противостояли два проекта — газопроводы «Иран-Пакистан-Индия» против «Катар-Пакистан»).

Особенно принципиальные расхождения наблюдались в ирано-саудовских отношениях. Так, Саудовская Аравия оспаривала у Ирана право считаться региональным и конфессиональным лидером, гарантом «стабильности и безопасности» на БСВ.

Шиитская власть в Иране была ориентирована на соблюдение принципа социальной справедливости. В политической ситуации, сложившейся в Заливе, Иран играл как на внутриаарабских противоречиях, так и на социальных

проблемах в аравийских обществах. Благодаря огромным финансовым поступлениям от экспорта углеводородов, аравийские правящие круги и местное население имели сравнительно высокие показатели жизненного уровня на мировой арене. Однако общеизвестно, что хозяйство в призаливных монархиях, и прежде всего дорогие стройки и сервис здесь, обеспечивались за счет эксплуатации низкооплачиваемых иммигрантов — бедняков из арабских и других азиатских и африканских (преимущественно исламских) государств, обделенных нефтью и газом и с низкими национальными доходами на душу населения: Индии, Пакистана, Сирии, Афганистана, Ливана, Иордании, Палестины, Индонезии и Филиппин. В аравийских шейхствах иммигранты не обладали правовым иммунитетом, на них не распространялись законы о защите их гражданских и профессиональных прав. Они выполняли всю неквалифицированную или подсобную работу в хозяйствах этих стран (в качестве слуг в домах, рабочих на стройках, в магазинах, ресторанах, в системе обслуживания, на нефтяных вышках, танкерах и т. д.). Поэтому они, не имевшие почти никаких шансов изменить свой статус в лучшую сторону, но прекрасно осведомленные об этой ситуации, не пылали любовью и благодарностью к своим зажиточным работодателям (www.rpmonitor.ru/ru/detail_m.php, 13.11.2006, статья Е. Галкиной «Иран бросает вызов»).

Тегеран пользовался этим социальным фактором, а также недовольством простонародья засильем вестернизации, западной роскоши, в которой купались, по их мнению, верхи «нефтяных шейхств», агрессивной деятельностью США в регионе. Пропагандируя верность устоям ислама, призываю-

щего к скромности, трудолюбию, социальной справедливости в обществе, к традиционному исламскому образу жизни местных народов, призывая к непримиримой борьбе за интересы народа Палестины, Иран завоевал большой авторитет среди бедных слоев и определенные симпатии в широких народных массах арабского Востока. Особенно ощутимые плоды приносила идеологическая пропаганда в шиитской среде Ирака, ряда аравийских стран, в Ливане и т. д. Благоприятно складывалась и политическая ситуация в Ираке и Ливане, где многие посты в высших эшелонах власти заняли представители шиитской общины, а также симпатизирующие Тегерану личности. Так, на парламентских выборах в оккупированном международной коалидией Ираке победила шиитская коалиция, чей выдвигенец аль-Малики стал премьер-министром, а пост президента занял открыто симпатизировавший Ирану лидер курдского освободительного движения Дж. Талабани. Вместе с тем, в противовес ставленнику Вашингтона коллаборационисту аль-Малики, радикально настроенный шиитский лидер Муктада ас-Садр неоднократно поднимал своих сторонников на вооруженную борьбу с американцами и их западными ставленниками в Ираке. Его выступления, таким образом, откровенно продемонстрировали так называемому «большому шайтану» (т. е. США), что шииты Ирака не собираются быть проводниками планов США на своей родине. Причем Муктада ас-Садр посещал Иран, где был принят влиятельными политическими лидерами, встречался с функционерами местных спецслужб, и, конечно, заручился иранской поддержкой и обязательством по поставкам оружия иракским повстанческим

силам.

Хотя официальный Тегеран одобрил казнь коллаборационистским правительством Багдада бывшего президента Саддама Хусейна, однако, при этом, отметил, что иракский диктатор был осужден лишь за преступления против своего народа (прежде всего в отношении курдов и шиитов), но его злодеяния, совершенные в результате широкомасштабной иракской вооруженной агрессии против Ирана и развернувшейся ирано-иракской войны 1980-1988 годов, еще не получили справедливой оценки.

Несмотря на имевшееся принципиальное различие между внешнеполитическими стратегическими установками ИРИ, с одной стороны, и соседних арабских государств — с другой, в формировании общей политической ситуации в Персидском заливе на основе внутрирегионального масштаба международных отношений появился смягчающий фактор, и в том числе в позиции арабских государств в отношении Тегерана. Дело в том, что уже с середины 1980-х гг. ИРИ отказалась от политики экспорта исламской революции на БСВ, то есть перестала пытаться революционными методами навязывать свою исламскую модель государственного устройства соседним странам. Но Вашингтон, не меняя своей прежней политической линии, продолжал пугать иранским экспансионизмом арабские режимы, при этом стал более интенсивно пытаться навязать им свои ценности и представления о внутригосударственном устройстве и прибегать к силовым действиям. Таким образом, иранский «дипломатический реверс к добрососедству» на фоне американской реально нараставшей экспансивности способствовал укре-

плению потенциала доверия к ИРИ в международном сообществе БСВ в вопросе отсутствия у нее намерений совершить вооруженную агрессию против какой-либо страны.

Еще более негативно к влиянию США в регионе стало относиться местное население с началом войны в Афганистане, а затем и в Ираке. Эти войны привели к значительному ослаблению региональных центров силы, которые сами же США в недавнем прошлом более или менее эффективно использовали (и прежде всего режим Саддама Хусейна) для сдерживания региональных геополитических амбиций ИРИ. Падение светского по своему характеру и поддерживавшегося суннитами режима С. Хусейна и власти суннитского движения Талибан в Афганистане, привели к ослаблению «суннитской силы» на западных и восточных границах шиитского Ирана, а после войн 1991 и 2003 гг. вместо сплоченного антииранского фактора, в составе Ирака и аравийских монархий, появились разрушенный Ирак и усеченный ССАГПЗ со своими внутренними социальными, конфессиональными и политическими проблемами, то есть — ослабленный вариант антииранского противостояния. Между прочим, Тегеран со своей стороны предпринимал шаги к налаживанию внутрирегионального диалога: в частности, в марте 2007 года президент ИРИ Ахмадинежад совершил неожиданный визит в Эр-Рияд, где провел переговоры с Саудовским руководством по проблемам Персидского залива, двусторонним отношениям, а также о противодействии распространению религиозных противоречий в регионе Ближнего Востока за пределами Ирака. Данный факт способствовал определенному смягчению внутрирегиональной напряженности на уровне догово-

ренности государственных лидеров.

С соседней Турцией у Ирана имелся свой набор и контактов, и противоречий, так как она являлась членом НАТО и была вынуждена поддерживать основные требования этого военного альянса, в соответствии с его уставом. Поэтому Тегерану приходилось держать под политическим и военным контролем и это географическое направление (ведь нередко НАТО, и прежде всего США, использовали военно-воздушную базу Инджирлик, а также территорию Турции как промежуточный этап для переброски своих вооруженных карательных контингентов). Вместе с тем, ирано-турецкие взаимоотношения носили внешне весьма спокойный характер и возникавшие проблемы дипломатично объяснялись сторонами как случайные незначительные обстоятельства, которые разбирались и улаживались в процессе переговоров и путем обмена соответствующими документами.

Гражданская война и сравнительно острая внутренняя ситуация, длящиеся не одно десятилетие в Афганистане, вызывали в Тегеране настороженность и определенное беспокойство. Особенно враждебно иранское руководство относилось к тесному сотрудничеству администрации президента Хамида Карзая с США, к нахождению на территории Афганистана иностранных войск, и прежде всего крупного контингента вооруженных сил США. Вместе с тем Иран старался поддерживать сравнительно нормальные экономические и политические отношения с восточным соседом. После того как в 2001 г. Соединенные Штаты свергли режим талибов, которые были непримиримыми врагами Ирана, влияние Тегерана значительно возросло в Кабуле, а также в за-

падных и центральных районах Афганистана, где проживает шиитское и этнически персоязычное население (наиболее многочисленное из них — хазарейцы). Иран стал оказывать помощь партизанскому освободительному движению и ряду исламских организаций в этой стране.

Целесообразно отметить, что среди государств БСВ Исламская Республика Иран не была одиночкой в противоборстве с экспансионистскими действиями Запада. В данной связи, представляли интерес ирано-сирийские отношения. Дружественные связи ИРИ и Сирии были заложены еще с момента свершения исламской революции 1979 года, которая по своей политической направленности одновременно явилась и антиимпериалистической. Духовная и политическая близость между ними во многом осталась неизменной и в последующем, которую целесообразно рассматривать как определенный межгосударственный стратегический союз против внедрения западного экспансизма во внутренние дела БСВ. Одной из главных причин этого являлись попытки Вашингтона (не без давления со стороны Тель-Авива) изолировать Сирию на межарабской арене. При этом, как утверждали осведомленные политологи, они продолжительное время негласно поддерживались Каиром и Эр-Риядом. Таким образом, выйдя на стратегический союз с такой крупной и влиятельной арабской страной, как Сирия, Иран оказался в центре всех важнейших политических процессов как на Ближнем Востоке (сильно возросло его влияние на ход событий в Палестине, Ливане и Ираке), так и в регионе Персидского залива, и без учета его позиции вряд ли возможно было эффективно справиться с наиболее острыми конфликтами на всем

пространстве обширного БСВ.

Отмечая причины долговременной ирано-сирийской политической солидарности, вместе с тем нельзя пройти мимо одной специфической черты в данном сотрудничестве. Дело в том, что немаловажным фактором в нем выступало наличие в Сирии влиятельной шиитской общины, которая, помимо своей внутрисирийской функциональности, самостоятельно взаимодействовала с мировыми шиитскими религиозными центрами, и в том числе с иранскими (Тегераном, Кумом и др.). Получая поддержку извне, местная шиитская община стала серьезной влиятельной силой в сирийском обществе. Поэтому правительство Б. Асада, идя на политический союз с Тегераном, учитывало и этот фактор.

Мощное политическое, идеологическое и экономическое давление на Иран и Сирию, организованное Вашингтоном в международном сообществе, которое стало особенно ощутимым после американского вооруженного вторжения в Ирак в 2003 году, и явно продемонстрировавшее откровенно агрессивные планы США на БСВ, вместе с тем, не заставило эти два государства замкнуться «в глухой защите» только собственных интересов. Оно только еще более сблизило их союз для противостояния внешней агрессивной опасности. В качестве одного из примеров, можно назвать ирано-сирийскую солидарность во время голосования в МАГАТЭ о передаче «ядерного» досье Ирана в Совет безопасности ООН, где Сирия выступила одной из трех стран, высказавшихся против этого решения.

Иран являлся одним из основных торговых партнеров Сирии, причем его доля в экономике этой страны неуклонно

росла. Стороны тесно сотрудничали как в гражданской технологической области, так и в передаче друг другу военной информации и новинок военной технологии и вооружения. Среди стратегических проектов сотрудничества последних лет было предусмотрено сооружение газопровода Иран-Ирак-Сирия с выходом через Средиземное море на европейские рынки.

Далее, ИРИ оказывало поддержку шиитско-палестинским организациям «Амаль» и «Хезболла», действовавшим в Ливане. Как известно, разразившийся в 2006 году израильско-ливанский конфликт и последовавшее вторжение израильской армии в Ливан по существу закончились без достижения Тель-Авивом какого-либо положительного результата для своего международного авторитета. Война в Ливане летом 2006 г. укрепила позиции лояльных Ирану шиитских сил не только в Ливане, но и на БСВ в целом. Кроме того, успех исламского сопротивления в этой стране стимулировал дальнейшую активизацию и консолидацию движений политического ислама, а антиизраильские радикальные арабские организации поверили в результативность своих операций. В международных СМИ зазвучали необычные оценки — в Ливане впервые появились по-настоящему боеспособные арабские вооруженные силы, которые смогли остановить израильскую армию. Израильский аналитик Алек Эпштейн справедливо назвал вторую (летом 2006 года) ливанскую войну Израиля «войной, выигранной Ираном» (*«Washington Profile»*, 08.08.2002 (www.washprofile.com/ru)). Таким образом, одновременно возрос и авторитет Ирана среди населения Ближнего и Среднего Востока. Дело в том, что преимущественно Иран

в течение многих лет обеспечивал «Хезболла» и «Амаль» финансовыми средствами, оружием и материальной помощью, а бойцы «Хезболла» проходили подготовку в Иране.

Постепенно деятельность «Хезболла» не ограничилась операциями на БСВ. Ее группы стали распространяться и за пределами данного региона, что стало вызывать нараставшее беспокойство в правящих кругах Запада. По американским сведениям на начало XXI века, «Хезболла» имел несколько тысяч сторонников в разных странах мира, включая США (по данным ФБР\FBI, она имела ячейки примерно в 10-ти городах США) и Западную Европу. Ее регулярные вооруженные формирования насчитывали до 600 боевиков. Эта организация открыто занималась политической деятельностью — восемь депутатов от «Хезболлы» заседали в парламенте Ливана. Впрочем, политические лидеры Ирана и Ливана считали «Хезболлу» национально-освободительной, а не террористической организацией. Многие специалисты отмечали, что «Хезболла» действовала по схеме, ранее использованной «Аль Каидой» и Бен Ладеном — она незаметно наращивала свои силы по всему миру, чтобы внезапно активно задействовать их в определенный момент. По данным Госдепартамента США, уже продолжительное время Иран выступал в роли самого крупного спонсора терроризма, что, в частности, привело к тому, что президент США Джордж Буш отнес Иран к числу трех стран, образовавших «ось зла».

В последние годы десятилетия усилилось сотрудничество Ирана с радикальными палестинскими организациями, действовавшими в Газе и на Западном Берегу Иордана. Среди них особенно выделялись радикальные движения «Ислам-

ский джихад» и «Хамас». Победа «Хамас» на выборах в начале 2006 года была восторженно воспринята руководством Ирана. Не случайно, имея поддержку из Ирана, в 2008 году случился острый вооруженный конфликт именно между хамасовской организацией в Газе и израильским правительством, когда в результате ответного (на ракетные обстрелы израильских приграничных населенных пунктов) вторжения израильской армии имелись крупные жертвы (около 1,5 тысяч палестинцев и около 20 — израильтян). Таким образом, Иран проводил линию на радикализацию политических установок группировок, которым он оказывал действенную поддержку. Эта последовательная политика была апробирована ранее в Ливане, Сирии, Ираке (www.rpmonitor.ru/ru/detail_m.php, 13.11.2006, статья Е. Галкиной «Иран бросает вызов»).

ИРИ пользовался популярностью не только среди исламских организаций «антиимпериалистического и антиизраильского настроения», но и у целого ряда политических режимов вне исламского ареала. и движений в современном мире. Иран развернул на международной арене информационную пропаганду «иранского мирного атома» и она давала свои положительные для этой страны результаты. Многие государства стали высказываться в пользу естественного права ИРИ на развитие мирной атомной промышленности, особенно это касалось тех из них, которые также начинали или планировали создание собственной атомной энергетики.

Наибольшие симпатии к Тегерану испытывал ряд политических режимов, занимавших ведущие позиции в Движении неприсоединения, были установлены тесные политические и экономические связи с такими странами, проводившими

открыто независимую внешнюю политику, как Венесуэла, Куба, Боливия, Белоруссия и другие. Особенно тесные контакты наблюдались в ирано-венесуэльских отношениях. Между этими государствами был заключен политический и военно-стратегический союз, президент Венесуэлы Уго Чавес совершил многократные официальные визиты в Иран. В результате переговоров между сторонами были подписаны соглашения об инвестициях в народное хозяйство Венесуэлы на сумму более 10 млрд. долл. Благодаря активности Ирана и Венесуэлы, было реанимировано Движение неприсоединения, XIV Конференция которого состоялась в Гаване (11-16 сентября 2006 г.). Данный факт получил беспрецедентное для последних лет освещение в мировой прессе. В ходе этой конференции Иран был избран председателем «Группы-15» (наиболее развитых стран Движения) — уже как признанный лидер борьбы с американским империализмом. Кроме того, позиция Ирана по «мирному атому» была однозначно поддержана участниками Движения неприсоединения, принявшими на XIV конференции декларацию по ядерной программе Ирана. Позицию ИРИ, таким образом, одобрили 2/3 членов ООН, на территории которых находилось 86% мировых запасов нефти (www.rpmonitor.ru/ru/detail_m.php, 13.11.2006, статья Е. Галкиной «Иран бросает вызов»).

4. Экономические позиции ИРИ

Народное хозяйство ИРИ (в силу своей большей диверсифицированности, сравнительно с таковым большинства государств БСВ, и обладанием расширенного набора машиностроительных и металлургических промышленных произ-

водств) являлось сильным подспорьем для проведения этой страной активной и независимой внешней политики и развития внутреннего потенциала общества, включая экономику, вооруженные силы и социальную стабильность. Вместе с тем, следует отметить, что именно углеводородный фактор и весьма благоприятная конъюнктура мирового нефтегазового рынка играли важнейшую роль в поступательном увеличении национального бюджета Ирана и развитии его промышленного потенциала. Особенно это касалось первого десятилетия XXI века, когда действие этих факторов весьма возросло не только во внутренней жизни страны, но и политически в международных отношениях ИРИ, особенно в противоборстве с западным давлением.

Значение углеводородного фактора. Как известно, в течение последних десятилетий в мировой торговле наблюдалось все обострявшееся противостояние между Западом, который, как правило, выступал в качестве потребителя сырьевых ресурсов, с одной стороны, и экспортерами углеводородов, коими преимущественно являлась обширная группа развивающихся стран, среди которых большое место занимали государства Персидского залива, — с другой. Дело в том, что через Ормузский пролив проходила четверть всех поставок нефти на международный рынок (*«Коммерсант», М., «Кейхан», «Джомхуриет», Тегеран, 22.03.2007*). Целесообразно отметить, что и в области газовых месторождений земного шара существовала большая территориальная диспропорция: так, по данным экспертов, более 57% мировых запасов природного газа было сосредоточено в России, Иране и Катаре (*«Кейхан», Тегеран, 30.01.2007*). Поэтому и за поступлениями природно-

го газа на международный рынок шаг за шагом обострялась межгосударственная борьба, как известно, это особенно проявилось в Европе («Spiegel», В.; «Financial Times», L., 30.01.2007).

При этом, немалую роль в их отношениях играли международные цены на углеводороды. Борьба между двумя указанными «лагерями» — экспортерами и импортерами — велась весьма напряженно и с переменным успехом. Так, если остановиться на нефтяной сфере, то в первом пятилетии текущего века нефтяные цены на международном рынке поступательно возрастали, что увеличивало возможности бюджетов нефтеэкспортеров, и соответственно ослабляло таковые потребителей нефтепродуктов. Однако, пользуясь сравнительно мягкой зимой 2006/2007 года (вплоть до февраля месяца) в северном полушарии, Запад, сократив по возможности свое потребление топливных ресурсов, предпринял шаги, чтобы всемерно снизить мировые цены на нефть. Это ему в определенных пределах удалось — в начале января 2007 года падение указанных цен достигло уровня 56-58 долл./барр., хотя уже в феврале, в связи с наступлением морозов во всем северном полушарии Земли, цены снова повысились до уровня 59-60, а в марте — до 62-63 долл./барр. («Financial Times», L., 10-12.02., 28.03.2007).

До этого державы-импортеры нефти и газа организовали в декабре 2006 г. международный форум импортеров нефти в Пекине. Участники пекинского форума (КНР, США, Япония, Индия и Южная Корея) отметили, что «союз пяти стран позволит в значительной степени сдерживать ОПЕК». «Дело в том, — аргументировал Ма Кай, глава Госкомитета КНР по развитию и реформе, отстаивая позицию главных

государств-потребителей углеводородов, — цена на нефть на мировом рынке в то время превышала ее себестоимость в пять раз» («Независимая газета», М., 19.12.2006). А министр энергетики США Самюэль Бодмэн заявил, что «Энергобезопасность в мире обеспечит не столько владение месторождениями, сколько обеспечение для всех свободного доступа на рынки. Аналогичным образом цены должны формироваться глобальными рынками, а не устанавливаться правительствами, прибегающими к их скрытому субсидированию» («Независимая газета», М., 19.12.2006). Таким образом, можно констатировать, что Вашингтон постоянно рассматривал нефтяную сферу как одну из важнейших областей, где должны быть задействованы принципы мирового глобализма. Этим же подходом американская администрация обосновывала свое прямое вооруженное вторжение в регионе Персидского залива в 2001-2003 гг., приведшее к долговременной оккупации Ирака и Афганистана, а также право наводить свои порядки в любом регионе мира, если это вызывалось необходимостью «защитить национальную безопасность США».

В свою очередь, государства ОПЕК, будучи неудовлетворенными понижательной конъюнктурой в области цен на нефть, на своем заседании в Дохе (Катар) еще в конце октября 2006 г. приняли решение о сокращении общего нефтяного экспорта членов организации на 1,2 млн. барр./день (а в марте 2007 г. члены ОПЕК подтвердили этот шаг организации) — таким образом, производство нефти в ОПЕК весной 2007 года составило 30 млн. б/д. («Euronews», 16.03.2007). В результате, уже с конца декабря 2006 года нефтяные цены на мировом рынке снова «заколебались» (р/с «Свобода», 20.10.2006; «Евро-

ньус» б 21.12.2006). Учитывая то, что цены в морозном феврале 2007 года держались на уровне 60-61 долл./барр., можно констатировать, что на мировом нефтяном рынке установилась новая ценовая вилка в пределах 55-63 долл./барр., которая и стала ориентиром для дальнейших действий противостоявших сторон — экспортеров и потребителей углеводородов.

Именно с этого момента мировая конъюнктура на рынке углеводородов приобрела тенденцию резкого роста международных цен, с которой по существу невозможно было справиться участникам мирового торгового процесса: в течение 2007 — первой половины 2008 годов нефтяные цены взлетели на уровень 130-145 долл./барр. (Так, к примеру, 14.05.08 г. иранская сырая нефть продавалась по цене 112 долларов 86 центов за баррель).

Такая внезапно возникшая форс-мажорная тенденция весьма обострила финансовую ситуацию в международном сообществе, которая в итоге, начиная с октября 2008 года, привела к вспышке острого и довольно затяжного мирового финансово-экономического кризиса, охватившего не только страны с недифференцированной экономикой, но и практически все промышленно-развитые державы. Причем, этот кризис был спровоцирован банкротством ряда ведущих финансовых учреждений в самой развитой супердержаве мира — в США.

Таким образом, противоборство на мировом рынке углеводородов ужесточалось. Хотя с конца 2008 года международные цены на нефть упали более, чем в 3 раза — до уровня 35-45 долл./барр. и США превратились фактически в основ-

ного определителя этих цен, вместе с тем, ОПЕК еще продолжала оставаться среди главных организатором поставок нефтяных потоков на международные рынки, то есть — участником ценообразования на углеводороды в мировой торговле (так, уже в апреле-мае 2009 года мировые цены на нефть составили 52-59 долл./барр. («РБК daily», 06.05.2009; «Коммерсантъ», «Независимая газета», М., апрель-май 2009).

Благоприятная конъюнктура нефтяных цен в мире в последние годы десятилетия помогала Тегерану сравнительно успешно противостоять американскому давлению на Иран в вопросе развития своей атомной промышленности и в отстаивании своих высоких нефтедолларовых доходов. При осложнении в дальнейшем указанной ситуации, Исламская Республика Иран продолжала отстаивать свою прежнюю линию. Этому способствовали такие факторы, как смена президента в США и тупиковое во многом положение США в решении иракской и афганской проблем, в которых эта супердержава увязла.

Вместе с тем, нельзя не учитывать существовавший весьма агрессивный настрой Вашингтона в отношении Ирана. Попав в тупиковую ситуацию в Ираке и опасаясь развития антиамериканских тенденций в регионе Персидского залива и в целом на БСВ, а также пытаясь сломить образовавшееся недоверие общественности внутри США (путем «зажигания» ее ложным духом национального патриотизма), он стал искать новых «виновников» в зоне Залива. Поэтому не исключалась следующая военная акция Пентагона в Персидском заливе — на этот раз против Ирана (вероятно, бомбардировки атомных объектов этой страны). К данному выводу подтал-

кивало то обстоятельство, что США периодически в ускоренном режиме стягивали в зону Залива крупные военные силы. Уже в марте 2007 года, под предлогом проведения военноморских маневров, ВМС США сгруппировали здесь две флотилии в составе: 2 авианосцев («Д. Эйзенхауэр» и «Стэнли») со 100 ударными самолетами на бортах. Всего численность кораблей составила 40 единиц, а также 10 тысяч военнослужащих (*р/с «Свобода», ТВ «Вести», 28.03.2007*). Далее предполагалось довести численность военно-морских сил США в данном районе до 4 авианосцев, 4 крейсеров, 4 атомных подводных лодок с соответствующим морским техническим сопровождением, а также усилить авиационные и ракетные силы, расквартированные на Аравийском полуострове, в Ираке и Афганистане. Таким образом, и при новом американском президенте Бараке Обаме масштабы американского военного присутствия в регионе Персидского залива и Среднего Востока остались прежними и в полной боевой готовности к новым операциям здесь. То есть опасность американского, либо израильского (под американским прикрытием) нападения на объекты Ирана представлялась вполне очевидной...

5. Российско-Иранские отношения

В первом десятилетии XXI века двусторонние взаимоотношения между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран развивались под постоянным давлением со стороны Вашингтона, который оперативно использовал те или иные проблемы в обеих странах. США целенаправленно стремились подорвать российско-иранские связи, так как рассматривали их как идущие против американских

стратегических интересов. Поэтому эти связи целесообразно рассматривать в двух плоскостях: положительной и заторможенной.

В первом аспекте Россия, несмотря на различные формы давления извне, фактически не останавливаясь, с 1992 года строила важнейший стратегический иранский энергетический объект — Бушехрскую атомную электростанцию, а также обеспечивала с Ираном широкий взаимный технологический и другой товарооборот, который в 2007 году достиг почти 3 млрд. долл. (*ТВ РТР, «РБК daily, 13.12.2007 г.; газета «Бурс», Тегеран, 18.04.2007*). Следует отметить, что стороны пришли к согласию о создании международного консорциума для строительства железной дороги Москва — Баку — Тегеран.

Во втором аспекте Россия, испытывая многостороннее давление Запада под руководством Вашингтона, который угрожал определенными санкциями в отношении внешнего экономического сотрудничества российских компаний и организаций, и даже ухудшением политических контактов с Москвой, была вынуждена идти на ряд компромиссов с западным сообществом по иранскому вопросу. Однако до принятия соответствующих решений, Москва провела серию дипломатических переговоров как с Тегераном, так и с западными партнерами, чтобы найти взаимоприемлемое и мирное решение проблемы. Так, министр РФ по атомной энергетике Кириенко заявил, что «Иран имеет право развить гражданскую ядерную энергию. Но и мир имеет безоговорочное право потребовать гарантии соблюдения Договора о нераспространении ядерного оружия». По мнению российского правительства, ситуацию вокруг ядерной

проблемы Ирана не следует считать тупиковой и компромисс по иранской ядерной проблеме возможен (*РИА Новости, 27.05.2006*). Москва неоднократно выходила на прямые «челночные» контакты с иранским руководством. Так, в результате визита в Тегеран в мае 2006 года Российской делегации во главе с Игорем Ивановым и контактов с западными правительствами «давление в отношении Ирана прекратилось: Запад прекратил ставить ультиматумы о том, когда в СБ ООН должна была приниматься резолюция по иранской ядерной программе. Вместе с тем, министр иностранных дел РФ Лавров порекомендовал Ирану «сделать паузу в работах по обогащению урана» (*РИА Новости, 27.05.2006*).

В дальнейшем, ввиду неуступчивости Тегерана и Запада друг к другу, Россия сочла целесообразным присоединиться к санкциям против Ирана в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН N1803 от 3 марта 2008 г. и Президент РФ Владимир Путин подписал 5 мая того же года указ «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН N1803 от 3 марта 2008г» (*«Коммерсантъ», «Известия», М., 04.03. и 07.05.2008*). Стоит напомнить, что принятие резолюции Совбеза прошло фактически без проблем, поскольку за нее выступили постоянные его члены, в том числе Россия и Китай. В Москве тогда заявили, что новая резолюция станет дополнительной гарантией того, что деятельность Тегерана не создаст неприемлемой для международного сообщества опасности в сфере нераспространения ядерного оружия. При этом в России подчеркнули, что санкции не причиняют вреда иранскому населению.

В соответствии с названным указом российского прези-

дента, с 3 марта 2008 г. было запрещено транзитное перемещение через территорию РФ, вывоз с российской территории в Иран, а также передача Ирану за пределами России с использованием морских и воздушных судов под ее флагом всех предметов (материалов, оборудования, товаров и технологий), независимо от страны их происхождения, указанных в Списке оборудования и материалов двойного назначения, и соответствующих технологий, применяемых в ядерных целях, в отношении которых в РФ осуществляется экспортный контроль. То же самое касалось и всех предметов, которые могли быть использованы при создании ракетного оружия. Кроме того, в соответствии с документом, был запрещен въезд на территорию РФ или транзит через нее физических лиц, указанных в резолюции ООН, а именно: замруководителя Организации по атомной энергии Ирана (АОЭИ) по исследованиям и разработкам Мухаммада Кинади, руководителя предприятия по обогащению урана в Натанзе Дауда Ага-Джани, управляющего строительством исследовательского реактора А40 в Араке Бехмана Асгарпура, а также управляющего ядерным объектом по обогащению урана в Натанзе Сейеда Джабера Сафдари и руководителя Исфаханского центра по исследованию и производству ядерного топлива — подразделения компании по поставкам и производству ядерного топлива АОЭИ, которая была вовлечена в деятельность, связанную с обогащением урана, Амира Рахими. Также был запрещен въезд на территорию РФ или транзит через нее иных физических лиц, которые участвовали в чувствительной в плане распространения ядерной деятельности Ирана и в разработке Ираном систем

доставки ядерного оружия, которые непосредственно были связаны с этим или оказывали этому поддержку, в том числе посредством участия в закупках запрещенных предметов (материалов, оборудования, товаров и технологий). Такие действия российского правительства вызвали одобрение в США: Б. Обама заявил, что у США и России «хорошее сотрудничество» в отношении Ирана и КНДР (*«РБК daily, ИТАР-ТАСС, М., 02.07.2009»*).

В Тегеране объективно оценили вынужденный шаг России, и считая целесообразным продолжать и развивать полезные связи между двумя странами, иранская сторона сделала соответствующие заявления и предприняла шаги. Так, президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад подчеркнул: «Присоединение России к экономическим санкциям Совета Безопасности ООН в отношении Ирана не повлияет на связи между Тегераном и Москвой. Это не возымеет эффекта на отношения с Россией». Далее, иранский президент сказал: «К счастью, отношения между нашими странами носят позитивный характер, и мы не видим никаких препятствий для их развития». Напомнив о «переговорах с российскими друзьями», Ахмадинежад также указал, что знает, «какое давление на них оказывается» (*«Коммаерсантъ», «РБК daily», 06 и 08.05.2008; «Кейхан», Тегеран, 08-12.05.2008»*).

Кроме того, иранцами была продемонстрирована бдительность в отношении враждебных ирано-российским отношениям внешних сил. В частности, 14 мая 2008 года спецслужбы Ирана арестовали группу террористов, которая планировала взорвать здание консульства РФ в иранском городе Решт (прикаспийская провинция Гилян). Об этом сооб-

шил министр информации Ирана (руководитель спецслужб страны) Голям Хосейн Мохсени Эджеи. При этом он заявил: «Эта террористическая сеть, связанная с США, намеревалась осуществить взрыв в российском консульстве, чтобы внести раскол между Ираном и его соседями» (РИА «Новости», 15.05.2008).

Сложное и во многом запутанное положение ИРИ в контактах в мировом сообществе, вызванное мощной обструкцией со стороны США, Израиля и их западных союзников, наложило свой отпечаток на характер прошедших в июне 2009 года перевыборов президента Ирана.

В Вашингтоне и в других западных столицах надеялись, что их жесткое давление на иранскую общественность заставит её отступить не только в военных программах, но и в кандидатуре на пост президента. То есть к власти должна была прийти более уступчивая политическая фигура.

Однако, несмотря на скандальные моменты этих выборов и появление довольно сильной кандидатуры на смену Ахмадинежаду в качестве нового президента, каковым выступил бывший премьер-министр Мир Хосейн Мусави, победу и на этот раз одержал М. Ахмадинежад.

Как развивались события в период выборов президента ИРИ 12 июня 2009 года, а также каковы были маневры как внутренних, так и внешних оппонентов?

Несмотря на сильное противодействие извне и внутри, по подведенным итогам прошедших президентских выборов с явным преимуществом победил действующий глава государства Махмуд Ахмадинежад. Согласно официальным данным, он набрал 62,63 процента голосов. А его главный со-

перник Мир Хусейн Мосави — всего 33,75% голосов (*Российская газета*, М., 15.06.2009). Оппозиция, преимущественно сторонники М. Х. Мосави, будучи разочарованными такими итогами, вышли на массовые демонстрации, которые привели к жертвам и жестким санкциям со стороны властей.

Вот как описывались эти события:

«Российская газета» Причем, волнения в Тегеране приняли скандальный характер, задевший не только представителей местной оппозиции, но и иностранцев».

Так, та же газета писала: «На Западе принялись раздувать события, происходившие в Иране (*Российская газета*, М., 22.06.2009).

А когда временному аресту подверглись некоторые сотрудники иностранных посольств и других служб, то иностранная реакция еще более обрушилась на Иран. «Российская газета» так описывала этот факт под заголовком «Мадемуазель была неправа»:

«В Иране волна послевыборных репрессий докатилась до иностранцев. Два сотрудника посольств Британии и Франции Хусейн Рассам и Назак Афшар вместе с французским преподавателем Клотильдой Рейсс были обвинены в шпионаже, незаконном сборе информации и провоцировании беспорядков. По иранским законам эти преступления «тянут» минимум на пять лет тюрьмы. Британский МИД уже назвал обвинение в адрес Рассама, занимающего должность главы аналитического отдела английской дипмиссии в Тегеране, «грубым нарушением существующих договоренностей». Не менее жестко отреагировал на задержание французских граждан Елисейский дворец. Евросоюз же планирует ото-

звать из Ирана всех послов государств ЕС и ввести в отношении этой страны новые, более жесткие санкции» (*Российская газета*, М., 10.08.2009). Хотя французенку через два дня освободили, факт ее ареста был развернут в идеологические спекуляции за рубежом Ирана.

Иранский ответ на это еще до этого был следующим: «Усмирив с помощью сил правопорядка демонстрации протеста внутри страны, власти Ирана обратили взоры на внешних врагов, обрушившись с критикой на западные правительства и СМИ. Пресс-секретарь иранского МИДа Хасан Кашкави обвинил их в поддержке «распространения анархии и вандализма». По его словам, действия Запада по поддержке протестующих против результатов президентских выборов в Иране носят «антидемократический характер». Тем временем стали известны результаты субботнего противостояния демонстрантов с полицией. По данным СМИ, арестовано было 457 человек, около 40 полицейских получили ранения. По неофициальным сообщениям, за двое суток погибли, по меньшей мере, 19 человек».¹

[Постепенно волнения на улицах Тегерана пошли на убыль, а отдельные столкновения оппозиции с полицией уже не стали носить столь масштабного, как прежде, характера. Однако о том, что в действительности происходило в Иране, писали иностранные СМИ, можно лишь строить версии - многие западные журналисты после начала волнений были высланы из страны, а среди сотрудников оппозиционных иранских СМИ прошли аресты.²

Выждав, когда послевыборные страсти улягутся в стране, иранские власти провели инаугурацию нового президента.

Она состоялась в начале августа 2009 года.

В Тегеране при участии духовного лидера Исламской Республики аятоллы Сейеда Али Хаменеи состоялась процедура утверждения Махмуда Ахмадинежада в качестве главы государства, которому в октябре того же года исполнилось 53 года. Мало кто сомневался, что на этом в процедуре инаугурации «нового старого» лидера Ирана, несмотря на все попытки оспорить результаты выборов 12 июня, будет поставлена жирная точка. В течение двухнедельного срока после вступления в должность президент представил в парламенте новый состав правительства, который затем утвердили депутаты. А духовный лидер ИРИ Али Хаменеи призвал народ страны к единству и одобрить итоги демократически проведенных выборов президента.

США признали Ахмадинежада президентом Ирана, но отказались поздравлять его.

Зато, наряду с приветствиями из многих стран мира, особенно тепло поздравили М. Ахмадинежада с победой президенты Венесуэлы Уго Чавес и КНДР Ким Чен Ир.

Таким образом, правящие круги ИРИ сохранили свои твердые позиции по созданию мощного национального потенциала в народно-хозяйственном отношении, включая становление современной индустрии, атомной промышленности и национальных вооруженных сил, оснащенных передовыми технологиями и средствами. Однако такой иранский курс, рассматриваемый в США и Израиле как весьма опасный для реализации их геостратегических интересов, сохранил обстановку повышенной напряженности в международных отношениях Ирана.

Что касается позиции Вашингтона о том, как целесообразно строить свою политику в отношении ИРИ, то в данном аспекте в правящих кругах США наблюдаются как радикальные мнения, так и сравнительно более прагматичный подход, учитывая то, что у этой сверхдержавы в регионе БСВ в настоящее время существуют военные и политические сложности в Ираке и Афганистане. Так, реакцию в Вашингтоне, на фоне таковой в Европе и на Ближнем Востоке, можно проследить по статье «Результаты президентских выборов в Иране подогрели глобальные споры» в журнале «The Wall Street Journal», в которой сообщалось: «Некоторые активисты ближневосточных демократических движений выразили опасения, что Вашингтон, судя по его нынешней реакции, рискует легитимизировать переизбрание Ахмадинежада и тем самым подорвать крепнущее реформистское движение внутри Ирана, подстегнутое недавними избирательными кампаниями». Эти активисты и некоторые отставные американские дипломаты призвали Обаму публично оспорить факт победы Ахмадинежада, дабы продемонстрировать, что США поддерживают иранских сторонников перемен. Но вице-президент Джо Байден и другие высокопоставленные представители американской администрации подчеркнули, что «интересам национальной безопасности США лучше всего отвечает прямой диалог с иранским режимом». Авторы данной статьи отмечали, что, по предположениям источников в администрации США, все решения по ядерной программе принимает не президент, а высший духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи.

В кулуарах несколько представителей администрации

США сказали, что «переизбрание Ахмадинежада потенциально поможет Вашингтону добиться международного консенсуса по вопросу о сдерживании иранской ядерной программы». С другой стороны – на взгляд дипломатов Израиля и арабских государств, – победа умеренного политика типа Мусави могла бы оградить Хаменеи от международного давления по ядерному вопросу: в таком случае Россия и Китай предложили бы, чтобы Вашингтон дал Тегерану больше времени для ответа на дипломатические инициативы Запада. Американские и европейские дипломаты же заметили, что переизбрание Ахмадинежада проясняет намерения Ирана в ядерной сфере.

Далее, продолжая свои рассуждения, некоторые дипломаты из арабских стран утверждали, что переизбрание Ахмадинежада чревато обострением конфликта Ирана с США и их союзниками в ближайшие месяцы. По мнению некоторых представителей арабских государств, Тегеран не пойдет ни на малейшие уступки по ядерному вопросу и Вашингтону следует готовиться к принятию более жестких мер. Иран сделался главным экзаменом для внешнеполитического курса Б. Обамы»¹ Дело в том, что подавляющая часть иранского нефтяного экспорта не связана с американскими компаниями, а направляется: в Азию и Восточную Азию (КНР, Индию, Японию и т.д.) – 43,3%, Европу – 32,4% и Африку – 5,7%² Иранская же национальная нефтяная компания (ИННК) в последние годы усиленно развивает инвестиционные контакты с фирмами неамериканского сектора: с китайскими, японскими, индийскими и европейскими.

В свою очередь, Израиль начал новый тактический вари-

ант развития международной политики по БСВ. Учитывая то, что западные правительства стали требовать от Тель-Авива способствовать мирному урегулированию в Палестине путем прекращения строительства новых израильских поселений на Западном берегу Иордана, премьер-министр Н. Нетаньяху во время августовских (2009 г.) официальных визитов в столицы Западной Европы (Лондон, Париж, Берлин...) жестко поставил перед правительствами западных держав вопрос о срочном ужесточении международных санкций против Тегерана, в случае, если он не откажется от своей ядерной программы. То есть он навязал «торг»: его согласие на начало переговоров по вопросу об образовании палестинского государства обуславливается применением международных санкций в отношении Ирана. Учитывая всеисилие сионистского лобби в западных державах, позиция Тель-Авива по ИРИ, не исключено, будет немаловажной при принятии тех или иных решений западным сообществом по иранскому вопросу.

В 2010 году ирано-американское противоборство на международной арене продолжилось с неменьшим напряжением.

Важной ареной для политического диспута и обвинений явилась конференция по выполнению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), состоявшаяся в первой декаде 2010 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке (участниками ДНЯО являются все страны ООН, кроме Израиля, Индии, КНДР и Пакистана. Обзорная конференция по выполнению ДНЯО проводится каждые пять лет и должна завершаться единогласным принятием декларации. Отсут-

ствие итогового документа, как на конференции 2005 года, считается свидетельством провала форума).

Здесь состоялась «дуэль» президента Ирана Махмуда Ахмадинежада и госсекретаря США Хиллари Клинтон. Эта полемика проходила на фоне продолжающихся дискуссий о возможных новых санкциях Совета безопасности ООН против Тегерана (ранее отказ Ирана от обмена низкообогащенного урана на ядерное топливо из России и Франции, с которым изначально он согласился в октябре 2009 года, стал одним из поводов для начала разработки новой санкционной резолюции СБ ООН по инициативе США).

Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад сделал на форуме пространное критическое выступление. Поэтому представляется целесообразным несколько остановиться на его основных положениях.

Так, он заявил о согласии с идеей обмена низкообогащенного урана на ядерное топливо из России и Франции, но одновременно обрушился с резкой критикой на США за двойные стандарты в мировой ядерной безопасности, систему которой, по мнению иранского лидера, необходимо кардинально изменить. Далее, Ахмадинежад выступил с целым рядом предложений по реформированию, по его мнению, несправедливой системы ядерной безопасности. Он предложил реформировать структуру руководящих органов МАГАТЭ, в частности, приостановить членство в Совете управляющих МАГАТЭ Соединенных Штатов и других ядерных стран, «угрожающих неядерным странам применением ядерного оружия». Ахмадинежад сказал: «Как может правительство США быть членом Совета управляющих (МАГАТЭ), если оно

не только применило ядерную бомбу против Японии, но и использовало оружие с обедненным ураном в войне против Ирака?» Еще одной мерой установления справедливой, на его взгляд, системы ядерной безопасности в мире он назвал «демонтаж ядерного оружия, дислоцированного на военных базах США и их союзников в других странах, включая Германию, Италию, Японию и Нидерланды».

Ахмадинежад также призвал к немедленному выполнению решения Конференции по ДНЯО 1995 года о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, препятствием для которого является позиция Израиля. Кроме того, иранский лидер поставил вопрос о необходимости полного уничтожения ядерного оружия и трансформации ДНЯО в Договор о ядерном разоружении и нераспространении ядерного оружия, а также к созданию специальной группы по контролю за разоружением и нераспространением. «Группа должна работать с эффективным участием независимых государств, установив крайний срок для полного уничтожения всех ядерных вооружений по конкретному графику», - пояснил Ахмадинежад.

Среди обвинений в адрес США иранский президент назвал то, что Вашингтон никогда не выполнял своих обязательств по ДНЯО: «Правительство Соединенных Штатов не только применило ядерное оружие против Японии, но и продолжает угрожать применением его против других стран, включая Иран... США в последние десятилетия неоднократно начинали войны против тех, кто когда-то был их союзником... Разведывательные службы США и сионистский режим (так иранские политики называют Израиль) оказывали под-

держку крупным террористическим сетям» В свою очередь, госсекретарь Х.Клинтон в своем выступлении на конференции в штаб-квартире ООН обвинила Иран в нарушении обязательств по ДНЯО, обогащении урана свыше дозволенного уровня вопреки резолюциям СБ ООН, а резкие выпады Ахмадинежада в адрес Америки назвала «дикими обвинениями». Госсекретарь США дала понять, что Вашингтон не закрыл окончательно дверь в решении иранской ядерной проблемы иными, нежели санкции, способами. Вместе с тем, она указала на то, что за невыполнение обязательств перед МАГАТЭ Иран должен отвечать.

Выступление иранского президента на конференции ДНЯО по существу поставленных вопросов вызвало в основном одобрительный резонанс среди мировой общественности (исключая, естественно, правительств ядерных держав). Так, отражая соответствующие настроения в разных странах и в СМИ, агентство Рейтер сообщало, что «утверждение иранского президента о том, что «ядерное разоружение и нераспространение не стали реальностью и МАГАТЭ не смогло выполнить свой мандат», очень близко к истине, и поэтому. ДНЯО проваливается не только потому, что не смог помешать таким странам, как Северная Корея, Израиль, Пакистан и Индия, разработать ядерное оружие, но и потому, что он основан на ошибочной предпосылке, будто никому, кроме пяти постоянных членов Совета безопасности ООН, нельзя позволять разрабатывать, испытывать и иметь ядерное оружие». Кроме того, Сенат США, форсируя антииранские санкции, санкционировал многомиллиардную ядерную сделку с Индией, в которой не проводится никакого разграниче-

ния между гражданским и военным сегментами индийской ядерной программы.

Касаясь позиции президента ИРИ по вопросу превращения Ближнего Востока в безъядерную зону, агентство Рейтер сделало вывод: «Соединенные Штаты отказались поддержать свою собственную приверженность свободной от ядерного оружия зоне на Ближнем Востоке из-за еще большей приверженности по охране ядерного арсенала Израиля от международных проверок. Глупо думать, что мы можем сконцентрировать все свое внимание на ядерных амбициях Ирана, игнорируя другие ядерные государства в регионе – Израиль, Индию и Пакистан, – которые получают миллиарды долларов из США, несмотря на свои незаконные программы по производству ядерного оружия».

Таким образом, противоборство между ИРИ и США продолжается и пока его разрядка не определена. Иран, отстаивая свою позицию, после конференции ДНЯО подписал в Тегеране соглашение с Бразилией и Турцией о взаимных поставках необогащенного урана для нужд своих мирных атомных объектов¹ Это выступает еще одним подтверждением того, что Иран не отступит от своего права на независимое развитие своей атомной технологии.

Глава 5

Саудовская Аравия и США — партнерство с подозрениями.

В Саудовской Аравии, как и в других аравийских странах Персидского залива, в первом десятилетии XXI века наблюдались два стратегически важных противоречивых процесса, которые являлись судьбоносными для них. С одной стороны, получая фактически чрезвычайно крупные доходы от экспорта нефти и в меньшей степени от газа, правящие круги этих стран, будучи по существу наследно-феодальными, располагали весьма крупными финансовыми возможностями для решения своих внутренних и внешних проблем. Так, они оказались в состоянии поддерживать в среднем сравнительно высокий жизненный уровень своего коренного населения, осуществлять крупные капиталовложения в строительство роскошных объектов обслуживания (отелей, парков, универмагов и т. д.) («MEED», L., 27 March — 2 April 2009) и на содержание силовых органов, обеспечивая таким образом социальное спокойствие в своих обществах. С другой стороны, будучи вовлеченными в процесс определенной модернизации систем экономики, образования и технологического обслуживания вооруженных сил, а также имея в качестве активной рабочей силы и инженерно-технического персона-

ла многочисленных иммигрантов из бедных стран, а также из соседних нефтяных арабских государств, в аравийских обществах шаг за шагом назревали внутренние социальные противоречия. Дело в том, что ещё в 90-е годы Саудовская Аравия, после ряда десятилетий быстрого роста жизненного уровня местного населения, испытала экономический спад, связанный с падением цен на нефть, но при этом в стране одновременно происходил огромный прирост населения. В результате ВВП на душу населения за несколько лет упал с 25 тыс. долл. до 7-9 тыс. в год.

Саудовская Аравия, по-прежнему являясь самой крупной по территории и населению страной Аравийского полуострова, вместе с тем, в начале XXI века продолжала обладать сравнительно более выигрышными «козырями» для реализации своих экономических и политических задач.

Во-первых, в области экономики — королевство занимала 1-ое место в мире по финансовым поступлениям от нефтяного экспорта — 95% в общей сумме экспорта, 75% доходов государственного бюджета. Причем, финансовые перспективы Саудовской Аравии были также благоприятными и на долгий срок. Об этом свидетельствовали данные о сравнительных резервах нефтяных и газовых запасов королевства: а) нефтяные (в млрд. баррелей) — С. А — 262,3 (около 25% мировых запасов); Иран — 136,3; Ирак — 115,0; Кувейт — 101,5; ОАЭ — 97,8; Ливия — 41,5; Катар — 15,2; Алжир — 12,3; Оман — 5,5; Бахрейн — 0,12...; б) газовые (трлн. куб. футов) — Иран — 974,0; Катар — 910,5; С. А. — 240,0; Алжир 161,7; Ирак — 112,0, Кувейт — 55,0; Оман — 30,0; ... Бахрейн — 3,25 («MEED, Oil & Gas 2009», L., p. 6). Созданные на их основе добывающие и экспортирующие

объекты были способны обеспечивать Саудовскую Аравию по крайней мере в течение столетия. Ежегодные производство и экспорт углеводородов в Саудовской Аравии во второй половине первого десятилетия XXI века характеризовались следующим образом: нефть — 8,5 и 6,6 млн. б/д; природного газа — 2,7 и 0,0 млрд. куб. футов (*«MEED, Oil & Gas 2009», L., p. 6*).

Во-вторых, на территории Саудовской Аравии находится город Мекка, где располагается Кааба — главная святыня ислама. Таким образом, Саудовская Аравия выступает священным центром мусульманского мира.

В политическом отношении Эр-Рияд придерживалась умеренного внешнего курса, и несмотря на происходившие на БСВ различные межгосударственные коллизии, и в том числе — войны, предпочитала ориентироваться на сильные мировые державы, хотя нередко агрессивность последних обрушивалась на ее арабских соседей, и постоянно поддерживала главного врага арабов и исламского мира — Израиль. Такой внешнеполитический курс вызывал, с одной стороны, определенную поддержку у арабских консервативных режимов (и прежде всего у аравийских соседей), а с другой — критику и даже противоборство в лице радикально настроенных мусульманских стран (ИРИ, Сирии, и ранее — у саддамовского Ирака), а также со стороны мусульманских радикальных политических группировок, партий и движений.

Однако, касаясь социологической сферы, ряд зарубежных политологов пришли к выводу, что именно в Саудовской Аравии формировался мощный революционно-фундаменталистский фактор для свершения исламской революции, которая обуславливалась огромным богатством

и религиозно-политическим влиянием Саудовской Аравии в мусульманском мире. Эти эксперты считали, что проводившиеся в Саудовской Аравии ограниченные либеральные экономические реформы (а еще меньше — социальные) были не в состоянии в достаточной степени ослабить внутриобщественного напряжения. Дело в том, что современный народно-хозяйственный потенциал в стране создавался преимущественно трудом не местных арабов, а иностранцами в лице наемных рабочих и обслуживающего персонала опять же из иностранных специалистов и предпринимателей. Нормальная деятельность созданного потенциала и общества в целом в возрастающей степени зависела от этих факторов, что все более осознавалось в недрах саудо-аравийского социума. Данные обстоятельства учитывались как правящими кругами, так и противостоявшими силами. Причем, первые из них были вынуждены все более усиливать органы правопорядка и управленческое давление, а также ограничивать сосредоточенность на одних объектах и в населенных пунктах неблагонадежный и подверженный неблагоприятной агитации контингент иностранцев и трудящихся из местного населения; вторые же — искать идеологические возможности для расширения своей пропагандистской деятельности. Особенно подверженной современной социально-политической агитации являлась молодежь. Так, к примеру, многие выпускники школ, колледжей и вузов все более тянулись к оппозиционным группам и даже выступали за серьезные политические перемены в жизни общества. Немалую роль в радикализации местной молодежи играли политические воззрения в соседних странах — Египте, Ираке, Сирии,

Иордании и Иране. На Западе же, также как и в местных правящих кругах, с нарастающей тревогой наблюдали, и, естественно, соответственно готовились к возникновению внутреннего социального кризиса на Аравийском полуострове, и прежде всего в Саудовской Аравии, побудительной основой которого, скорее всего, могли стать исламский фундаментализм и радикализм. В итоге, как предполагали, эти две составляющие кризиса и создадут исламский вариант революционного переворота. Наблюдатели отмечали, что война 2003 года и оккупация Ирака подтолкнули саудовское население более открыто говорить о своих проблемах и о противоречиях в политике правящих кругов. Так, некоторые религиозные лидеры начали выпускать фетвы с критикой правящих кланов. Особенно это проявлялось в среде религиозных меньшинств и племен на востоке страны. К примеру, представители шиитского меньшинства и племени шаммара выступали с требованиями освободить ряд заключенных в местные тюрьмы религиозных деятелей, а экстремистские ваххабитские группы, со своей стороны, организовали антиамериканское движение под названием «Движение против агрессии». Причем, правительство не сделало ничего, чтобы запретить эту организацию. Однако при этом, с точки зрения свободы слова и гражданских прав местного населения, Саудовскую Аравию нельзя сравнивать ни с Европой или государствами Запада в целом, ни даже с некоторыми странами Ближнего Востока (*р/с «Свобода», 22.02.2009, передача «Саудовская Аравия: американский фактор».*

В данной связи, представляется актуальным определить политическую роль признанного лидера современного экс-

тремизма — Бен-Ладена, который в прошлом принадлежал к саудо-аравийским зажиточным кругам и здесь начинал свою политическую деятельность, одновременно обогащаясь на многие миллионы долларов. Это было еще в последние десятилетия XX века, когда набрали силу исламские банки, в Египте вновь усилилась группировка «Братья-мусульмане», а на БСВ в целом стали возникать одна за другой радикальные политические организации.

Созданная под руководством Бен-Ладена система «по революционному преобразованию мусульманского ареала и его взаимоотношений с остальным миром» обладала на рубеже веков весьма обширным диверсионно-террористическим потенциалом (а это, по его мнению, был единственный путь действий). Масштаб данного потенциала оценивался на международной арене как весьма крупный. Более того, его деятельность была особенно непримирима и враждебна в отношении к США и Израилю. Идеологическая эффективность Бен-Ладена заключалась в том, что он фактически «объявил войну Западу от имени мусульманского мира». Прежде всего важным являлось то, что Бен-Ладен начал бороться за власть в богатейшем арабском государстве и духовном центре ислама — в Саудовской Аравии. Эта борьба, по его замыслу, в итоге должна вызвать «цепную» реакцию исламской революции во всем мире. По убеждению Бен-Ладена, вызов, брошенный им США, должен постепенно привести к эскалации напряженности между революционизированными арабами, с одной стороны, и «англосаксонским» засильем в мировой политике — с другой.

Хотя в Вашингтоне и в других западных столицах весь-

ма обеспокоились деятельностью Бен-Ладена и стали предпринимать контрдействия, пока не представлялось целесообразным переоценивать результативность влияния его фактора на дестабилизацию власти правящих династий на Аравийском полуострове. По своим внутренним и внешним характеристикам Саудовская Аравия находилась в ряду самых успешных государств современного мира. Это — сравнительно высокие показатели национального дохода, материальное благополучие населения, бурное строительство хозяйственных, культурных и социальных объектов; на страже всего этого стояли как национальные силовые структуры (органы правопорядка, армия), так и многосторонняя поддержка со стороны США и их западных союзников. Согласно исследованию, проведенному крупнейшим американским специалистом по безопасности Саудовской Аравии Энтони Кордесманом (из Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне), саудовские власти сделали немало, чтобы модернизировать национальную полицию и спецслужбы. В последние десятилетия была задействована общая компьютерная база данных (с наличием более тысячи терминалов), в которой содержатся паспортные данные не только граждан страны, но и лиц, приезжающих на хадж (*р/с «Свобода», 22.02.2009, передача «Саудовская Аравия: американский фактор»*). Кроме того, в стране осуществлялась жесткая цензура как над СМИ, так и в отношении Интернета. Все это наличествовало и функционировало. Таким образом, и блистательный фасад, и стабильное (по крайней мере внешне) внутриобщественное состояние, которому присущи сохранение традиций исламской и национальной культуры, с одной сто-

роны, и успешное оснащение достижениями современной цивилизации — с другой, демонстрировали миру благополучие Саудовской Аравии в первом десятилетии XXI века.

Вместе с тем, не только представители радикальных течений на БСВ, но и ряд политологов-международников видели возраставшее стратегическое противоречие между традиционной исламской арабской культурой, статусом Саудовской Аравии в качестве «религиозно-духовной столицы» всех мусульман мира, с одной стороны, и современным цивилизационным обогащением на основе фактически даровой нефтяной ренты, сопровождаемым бурным внедрением аристократических роскошеств и прозападных стилей ведения жизни в правящих кругах страны — с другой. Окружающий мир все более и более ощущал нарастание остроты данного противоречия.

В качестве примера об осложнении идеологической ситуации в арабском мире в начале века можно остановиться на серьезных подвижках в характере саудовско-американских отношений. Дело в том, что в Саудовской Аравии стали усиливаться религиозно-радикалистские настроения. При этом, среди главных претензий исламистских радикалов было то, что квартирование американских войск оскверняло статус Саудовской Аравии как хранительницы исламских ценностей и главных мусульманских святынь. При этом, американское военное присутствие не сокращалось, а расширялось. Это — то, что во время подготовки к войне в Ираке было произведено перемещение ряда военных ресурсов из Саудовской военной базы «Принц Султан» в Катар и другие государства Персидского залива, то это была просто перегруппировка

американских сил в регионе, чтобы несколько ослабить критический настрой против саудовцев в мусульманском мире и диверсифицировать места расположения американских военных баз в регионе на случай непредвиденных политических событий в той или иной стране Залива. Соединенные Штаты просто искали страны, которые более дружелюбно относились бы к американскому присутствию в регионе, а это включало и более мелкие государства Персидского залива (*р/с «Свобода», 22.02.2009, передача «Саудовская Аравия: американский фактор»*). Точно также следует рассматривать попытки Вашингтона на развертывание своих баз в Центральной Азии (все это как раз — с целью держать под военным присмотром и Иран, и Афганистан с Пакистаном, и Китай, и тот же Аравийский полуостров). В Саудовской Аравии же Соединенные Штаты больше всего внимания обращали на политику и действия саудовского правительства и правящей элиты в отношении местного политического устройства, идеологической направленности, и прежде всего на проблему терроризма. На рубеже веков саудовское общество стало рассматриваться как один из источников террористических настроений в регионе. В США начали распространяться сведения, что ряд влиятельных саудовских функционеров финансировали некоторые довольно подозрительные организации, которые фактически являлись ширмой террористических групп, ин-

кубаторами терроризма¹. В свою очередь, Эр-Рияд, обеспокоенный ростом экстремистских настроений в стране, особенно после событий 11 сентября 2001 года, а также желая снизить недовольство Вашингтона внутренней политикой саудовского правительства, пошел на проведение ряда практических мероприятий, чтобы воспрепятствовать деятельности радикальных группировок. Так, в декабре 2002 года Саудовская Аравия поставила свои благотворительные фонды под жесткий контроль правительства; в Саудовских банках были заморожены счета лиц, которых подозревали в причастности к террористическим организациям на основании того, что они были включены в соответствующий список, опубликованный 23 сентября 2001 года американским правительством (*Е. С. Мелкумян, «Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество», М., 2008, 89*).

Одновременно руководство Саудовской Аравии постоянно официально подтверждало свою приверженность к абсолютному неприятию терроризма и высказывалось за тесное

¹ - Так, по утверждению саудовского диссидента – писателя и директора саудовского института развития, сторонника модернизации страны, но без вмешательства США, Али аль-Ахмада, «правящие круги своей внутренней политикой по существу способствуют развитию экстремистских сил в стране, так как Политика властей всегда состояла в том, чтобы использовать религию, дабы не допустить модернизацию страны. Модернизация представляет большую угрозу для правящей элиты, чем религиозный экстремизм. Последние перестановки в кабинете министров подтверждают намерение правительства сохранить все так, как есть, и по-прежнему вести страну вспять. Саудовское телевидение, например, транслирует религиозные передачи по 18 часов в день. Увеличено финансирование религиозных экстремистских групп, экстремистские группы сейчас владеют двумя телевизионными каналами и многими печатными изданиями, которые нацелены на молодежь». А уже упоминавшийся выше американский специалист по безопасности Саудовской Аравии Энтони Кордесман сообщил, что «разведслужбы НАТО обнаружили в саудовском Верховном комиссариате помощи Боснии, который находится под патронажем короля и который был создан в октябре 2001 года принцем Алманом бин Абдул-Азизом, планы взорванных американских посольств в Кении и Танзании. Сами эти теракты 98-го года готовились за ширмой Международной организации исламской помощи и Всемирной мусульманской лиги. В марте 2002 года США заблокировали счета еще одной саудовской благотворительной организации - Исламского фонда Аль-Харамейна (р/с «Свобода», 22.02.2009, передача «Саудовская Аравия: американский фактор»).

сотрудничество с международными силами и державами в деле борьбы с этим «злом» современного мира. Как отмечал посол РФ в Саудовской Аравии А. Г. Бакланов в своей статье в журнале «Международная жизнь», «руководство Саудовской Аравии, а также других членов ССАГПЗ заявляют о своем осуждении терроризма и присоединении к международным антитеррористическим усилиям» (ж. «Международная жизнь», М., № 12, 2002).

Однако складывавшаяся политическая реальность на БСВ потребовала от правящих кругов Саудовской Аравии предпринимать действия, которые вынуждали их на установление определенных контактов с радикально настроенными группировками и политическими режимами. Так, на совещании в Мекке в феврале 2007 года саудовцы способствовали сближению позиций соперничающих палестинских группировок. В результате были достигнуты соглашения о создании нового палестинского правительства национального единства и намечены общие рамки взаимодействия представителей светских и религиозных сил в процессе государственного управления (но, как известно, в дальнейшем между ФАТХ и «ХАМАС» произошел новый раскол, который временами приводил к вооруженным столкновениям). Новым в действиях Эр-Рияда стал внезапный визит иранского президента М. Ахмадинежада в Саудовскую Аравию в начале марта 2007 года, в результате которого была достигнута взаимная договоренность о противодействии распространению религиозных противоречий в регионе Ближнего Вос-

тока за пределами Ирака². В этом же русле прозвучало согласие Эр-Рияда на организацию в том же месяце на своей территории саммита Лиги арабских государств (ЛАГ), куда впервые за всю историю подобных форумов был приглашен президент Сирии. В совокупности такие шаги саудовского руководства продемонстрировали его намерение играть более активную роль в проблемах БСВ, не исключая, при этом, определенных контактов со своими основными исламскими соперниками в регионе — Сирией и Ираном.

Данные политические шаги Эр-Рияда в регионе не означали его отхода от национальных стратегических установок по сохранению своей ведущей роли и политической инициативности в мусульманском мире и на Ближнем и Среднем Востоке. При этом соответствующие «разъяснения» делались США.

В свою очередь, Вашингтон, весьма потрясенный терактами 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, когда выяснилось, что 15 из 19 угонщиков самолетов были выходцами из Саудовской Аравии, пошел на вариант несколько принизить значение американо-саудовских двусторонних отношений. Это делалось скорее для успокоения американского общественного мнения, так как и в США, и в Саудовской Аравии осознавали, что тесное сотрудничество Вашингтона и Эр-Рияда должно сохраниться, ввиду того, что Соединенные Штаты импортировали из королевства по миллиону 700 тысяч баррелей нефти в день — почти одну пятую всей добывавшейся нефти в этой стране, — а Эр-Рияд получал от продажи неф-

2 Предметом переговоров, в частности, стали имевшие место противоречия между шиитскими и суннитскими общинами в Ливане и приазаливных аравийских государствах, включая и Саудовскую Аравию.

ти в США более 45 миллиардов долларов в год. Кроме того, Саудовская Аравия занимала первое место в мире по размеру вложений в государственные ценные бумаги США. Но при этом, в Вашингтоне решили, что не будут уклоняться от давления на Саудовскую Аравию, когда в этом возникнет необходимость.

Что касается Запада в целом, здесь стали опасаться, что происходит ползучая «интервенция» огромного исламского демографического и цивилизационного потенциала в западное сообщество. Причем, по европейским оценкам, этот цивилизационный потенциал, будучи по своим трудовым и культурным показателям сравнительно отсталым, неэффективным, расточительным, вместе с тем является неассимилируемым комплексом, который сохраняется в виде своеобразных «чайнатаунов», возвращает чуждые исламские культурные и религиозные учреждения, и даже вводит практику открытия исламских банков.

Однако наиболее опасным стало считаться то, что, наряду с растущим религиозным и финансовым влиянием в исламском мире, а также и в христианских странах Европы и Америки, мировое сообщество может реально столкнуться с губительным расцветом повсеместного терроризма, который охватит и общества в указанных континентах.

Вероятно, это все находилось на уровне домыслов, хотя после нью-йоркской 11 сентября 2001 года трагедии в результате обширной террористической операции исламских экстремистов, определенная реальная основа для опасений на данный предмет появилась. Вместе с тем, по мнению тех же политологов, в ближайшем десятилетии социальный

взрыв не ожидается, а Саудовская Аравия и ее соседние «нефтяные шейхства» продолжают процесс обогащения и наращивания своих вооружений, а заодно и припеваючи жить в условиях недовольства со стороны других мусульманских стран, мифов и действий «бойцов» Бен-Ладена.

А противоборство в сфере мировых нефтяных цен продолжалось. В отличие от предыдущих десятилетий, когда хозяйство и окружающая среда еще не так испытывали вредоносное воздействие от использования нефтепродуктов, когда парк пользователей углеводородов (автотранспорт, электростанции, теплоцентрали, коммунальные хозяйства и т. д.) был более ограниченным, в начале XXI века нефтяные корпорации промышленно-развитых стран расширили сферу потребления продуктов переработки углеводородов в национальном народном хозяйстве и добивались различного рода скидок и льгот со стороны своих правительств. Одновременно государственные бюджеты и деловые круги увеличили национальные затраты на компенсационную от загрязнений деятельность. В силу действия данных факторов, энергетический базис западных держав возрос почти вдвое и составил уже 9-10% их ВВП. Да, арабский Восток оставался ведущим поставщиком углеводородов Европе и Северной Америке, так как продолжала возрастать нефтедобыча на БСВ. Однако в других географических зонах ситуация складывалась неоднозначно: в одних — добыча либо замедлялась, либо деградировала (в Мексике, Баренцевом море, в Нигерии и т. д.); в других — возрастала (Каспийский регион, США и т. д.). Поэтому доля ОПЕК на международном рынке сократилась до 28%. Учитывая общий рост (временный —

до конца 2008 года) мирового потребления, а также резкого взлета цен на это сырье, прибыли западных корпораций соответственно увеличились, а так называемая «сверхприбыль нефтеэкспортеров» едва составляла десятую часть от доходов указанных корпораций. Кроме того, западные страны, стремясь избавиться от своей зависимости от нефтеэкспортеров с «Юга», приступили к стратегическим программам по расширению потребления природного газа, особенно сжиженного, в своем народном хозяйстве (как в промышленности, так и в транспорте и коммунальных службах). Так, уже был осуществлен переход на природный газ в качестве топлива более 20% автотранспорта. Поэтому предпринимались все возможные меры по сокращению нефтяного фактора в энергетическом балансе Запада за счет возрастания долей природного газа, атомной, ветровой и других видов энергии.

В свою очередь, Саудовская Аравия, также как и ее соседи по Персидскому заливу во многом переориентировались в своем нефтеэкспорте на Китай, Индию, Африку и арабские нефтеимпортирующие страны. Однако против Саудовской Аравии назревал и другой удар — в отношении чрезвычайно крупной доли Саудовской Аравии в экспортной корзине ОПЕК. Как считают эксперты, в процессе напряженных дискуссий в 2007-2009 гг. в этой организации усиливалось противоречие между старыми и новыми принципами квотирования экспорта. Многонаселенные Иран, Индонезия и Нигерия стали требовать учета «подушевого» принципа в дополнение к действовавшим «историческому» и «запасному». А североафриканские нефтепроизводители (Ливия, Алжир), как известно, при любых условиях не упускали свою

выгодную географическую близость и соответственно более низкие затраты на транспортировку через Средиземное море, чтобы увеличить свои углеводородные поставки в Европу (www.imperative.net/imp9/feller, Виктор Феллер rostfond@nursat.kz Американская арабская стратегия).

Военный потенциал Саудовской Аравии и его роль в регионе. Несмотря на возникшие после 11 сентября 2001 года противоречия между Вашингтоном и Эр-Риядом, саудовское королевство продолжала оставаться сильнейшим местным фактором вооруженного противостояния радикальным и антиамериканским режимам в регионе Персидского залива. Саудовская Аравия также наиболее всего сотрудничала с НАТО и США в военной области. Это сотрудничество охватывало широкий круг областей: массовые закупки в США и Западной Европе вооружений, в предоставлении возможностей Западу, и прежде всего США, оперировать своими военными контингентами в Заливе. Это касалось таких сфер, как: предоставление сухопутных территорий для развертывания военных баз, а также портов и акватория Персидского залива и Красного моря; тесное взаимодействие в разведывательной деятельности и вооруженной поддержке интервенций США в Ираке и Афганистане.

Так, рассматривая каждый аспект в более подробном изложении, представляется целесообразным отметить следующие факты:

В области военно-технического сотрудничества Саудовская Аравия всегда являлась крупнейшим покупателем американского оружия. За 90-е годы на эти закупки было потрачено 39 миллиардов долларов, а в первом десятилетии XXI

— го века они не уменьшились (р/с «Свобода», 22.02.2009, передача «Саудовская Аравия: американский фактор»). Более того, учитывая значительные достижения Ирана в развитии национального военного потенциала, Эр-Рияд продолжил и во многом усилил интенсивную модернистскую сторону оснащения своей армии, закупая для нее самые новейшие виды вооружений, заключая контракты на всех международных выставках военной техники, приобретая лучшие технологические новинки за рубежом, а также постепенно наращивая базу для рационального использования всего этого внутри страны. Для этого расширялось производство современного оружия на Саудовских военных заводах, осуществлялась подготовка соответствующих контингентов высокообразованных национальных кадров со знаниями в области электроники, технологий, информации в отношении военных потенциалов в соседних странах и их международных контактов.

Однако саудовско-натовское сотрудничество не было односторонним. Эр-Рияд предоставил США широкие полномочия для развертывания военной базы в Дахране, в проведении разведывательной деятельности с территории страны по всему БСВ, а также в отношении близлежащих регионов (Индостана, Центральной Азии, Турции, Кавказа и России), на постоянное нахождение в Персидском заливе американской флотилии, а также военных кораблей других членов НАТО. Дело дошло до того, что в водах Залива стали проводиться маневры не только ВМС США, но и совместные американско-израильские маневры. Данный факт вызывал критику со стороны не только ИРИ, но и у общественности арабских стран. Оправдывая свой нейтралитет в данном

отношении, саудовское министерство обороны и авиации заявляло, что «у любого государства есть право проводить такие учения для его безопасности, которое оно считает целесообразным» (*«Аш-Шарк аль-Аусат», Л., 14.06.2007*).

Благодаря тесному сотрудничеству с Западом, и преимущественно с США, Саудовская Аравия вышла в число крупнейших военных факторов не только в зоне Залива (см. таблицу № 1 в главе 6, раздела 1).

В конкурентном противостоянии в Персидском заливе Саудовская Аравия стала обладательницей второй по численности армией после Ирана. Кроме того, ее вооруженные силы, превосходя по численности и оснащенности армии всех аравийских государств вместе взятых, составляла ведущую основу в оборонительной системе государств ССАГПЗ.

В первом десятилетии XXI века Саудовское королевство снова по существу явилось пособником агрессивного вмешательства США и их союзников по НАТО в регионе Персидского залива. Как известно, в 1991 году оно смогло привлечь на сторону т.н. многонациональных сил 14 мусульманских государств, что коренным образом изменило характер военной операции против Ирака, сняв все обвинения в том, что столкновение происходило на «межцивилизационной» основе (*Е. С. Мелкумян, «Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество», М., 2008, 89*). В 2001 г. оно отказалось от осуждения ввода американо-английских контингентов в Афганистан, а в 2003 году — осудить агрессию Вашингтона против Ирака. Однако, учитывая несколько иную природу агрессивных действий Запада в Заливе, чем это было в прошлом, Эр-Рияд предпочитал больше полагаться на свою идеологическую

риторику по оправданию поощрения иностранного вмешательства во внутреннюю политическую жизнь региона. Но при этом с его стороны оказывалось определенное содействие военным и политическим операциям США на местном военном «рынке» действий.

Саудовское руководство использовало то, что в 2003 году из страны были выведены американские войска, но многосторонние контакты и сотрудничество между военными и политическими ведомствами США и Саудовской Аравии продолжались. В качестве основного аргумента своей осторожной политики в отношении войны, развязанной Вашингтоном в Ираке, Эр-Рияд заявил о своей традиционной приверженности миру и саудовские войска не собираются вступать на иракскую территорию. При этом высказал мнение, что режим Саддама Хусейна неподобающим образом реагировал на резолюции СБ ООН, а США отказались дожидаться окончательных выводов международных инспекторов. Что касается развязанной извне войны, то она, по словам королевского руководства, должна завершиться после выполнения резолюции СБ ООН 1441 (была принята Советом Безопасности 8 ноября 2002 года), когда западные державы обнаружат и уничтожат ядерное, химическое и биологическое оружие в Ираке. Таким был язык саудовской дипломатии для внутреннего и внешнего «потребления». При его помощи правящие круги Саудовской Аравии, заинтересованные в свержении режима Саддама Хусейна, фактически оправдывали американские «поиски» в Ираке оружия массового уничтожения. Одновременно они внимательно следили за развитием ситуации в Ираке и соответственно подстраи-

вали к ней характер своих официальных высказываний, чтобы оградить себя от подозрений и критики как в арабской среде, так и в Вашингтоне.

В отношении же угрожающей политики Запада против ядерной и других промышленных программ Ирана Эр-Рияд по существу не явился препятствием для реализации любых военных действий НАТО. Естественно, во имя сохранения своего авторитета в мусульманском мире и для демонстрации своего неприятия вооруженного вмешательства Запада в жизнь региона, руководство Саудовской Аравии вело большую идеологическую и пропагандистскую работу, отстаивая необходимость умеренности и воздержанности в оценке любых коллизий в международных отношениях. В то же самое время оно высказывало опасение о наличии у Тегерана оружия массового уничтожения для арабских государств, особенно для соседей с Ираном.

Глава 6

ССАГПЗ и Запад — военная опора за нефтедоллары

Как уже упоминалось выше, в состав ССАГПЗ вошли восточно-аравийские страны с господством суннитского религиозного направления. Они во многом были идентичными, так как являлись абсолютными монархиями, и чье экономическое благополучие (причем с лихвой) обеспечивалось богатейшими запасами и разработками местных углеводородов.

В течение прошедших с момента образования в 1981 г. более чем двух десятилетий в ССАГПЗ произошли значительные перемены. Несмотря на большие усилия властей по сохранению традиционной законсервированности внутригосударственных устоев, на Аравийском полуострове происходил, хотя и заметно заторможенный, процесс модернизации общественного сознания. Это проявлялось в нескольких областях: 1) если ранее еще бытовали традиционные трения, и даже определенная враждебность, во взаимоотношениях между представителями суннитских «мазхабов» (богословско-юридических школ), которых веками придерживались разные племенные образования,

то на современном этапе они постепенно нивелировались и, наконец, исчезли; 2) внутри аравийских монархий все более усложнялись социальные проблемы, ввиду появления в них больших масс иммигрантов со своими национальными и религиозными особенностями, которые нарушили традиционную моноэтничность и монотонность местного населения (хотя в последние годы правящие элиты стали предпринимать меры по ограничению иммиграционных контингентов); 3) по-прежнему важными в повестке межгосударственных противоречий остались неурегулированные проблемы в суннитско-шиитских взаимоотношениях, а также между приверженными к религиозности аравийскими странами, с одной стороны, и светско-республиканскими режимами на БСВ — с другой. Все эти факторы негативно влияли на стабильность власти правящих кругов на Аравийском полуострове, подталкивали к оппозиционным настроениям против господствующих суннитских режимов не только шиитов, но и часть иммигрантов. Определенное политическое и социальное брожение стало проявляться и среди просвещенных слоев аравийцев местного происхождения, особенно в среде, проявлявшей интерес к современным модернистским новшествам.

Целесообразно отметить, что указанные факторы вызывались не только невозможностью богатых нефтедолларами монархий отгородиться от внешнего мира, но и тем, что они соседствовали со сравнительно населенными, а также хозяйственно и в военном отношении более сильными государствами (см. табл. 1).

Таблица 1. Численность населения и армий стран Персидского залива в первом десятилетии XXI века

Страна	Численность населения (млн. человек)	Численность армий (тыс. человек)
Ирак	25,0	162,0
Иран	70,0	520,0
Бахрейн	0,606	8,2
Катар	0,589	11,8
Кувейт	1,9	15,5
Оман	2,5	34,0
ОАЭ	2,4	65,5
Саудовская Аравия	20,9	171,5
ССАГПЗ	28,895	5 дивизий (совместные ВС)

Источники: *Manorama Yearbook 2000. — Kerala, 2000*; «Независимое военное обозрение», 20 октября 2000 г.; «The Middle East and North Africa», 2007, L. & N. Y., p. 429, 980...; Е. С. Мелкумян «Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество», М., 2008, с. 125, 127.

Поэтому в первом десятилетии XXI века, как и в предыдущие, они функционировали в условиях жесткой финансово-экономической привязанности к промышленно-развитым странам Запада, которые наиболее всесторонне удовлетворяли аравийские режимы в деле их политического и хозяйственного маневрирования («MEED, L., 1-7.05.2009, p. 34-36). Вместе с тем, будучи участниками мирового рынка углеводородов, они были вынуждены соизмерять свои интересы с таковыми западных держав, ибо последние занимали весьма солидные позиции на этом рынке, были в числе крупнейших импортеров и обладали чрезвычайно превосходящими дер-

жавными потенциалами, чтобы оказывать мощное воздействие на международную обстановку, и в том числе влиять на экономические и политические позиции государств Аравийского полуострова.

Таким образом, вкратце, основные проблемы национальной внутренней и внешней безопасности стран указанного региона в целом (то есть ССАГПЗ) в указанном десятилетии можно сформулировать следующим образом:

1. внутренняя — пока незначительная — от брожения социальных процессов со стороны мигрантов и внутренней арабской оппозиции;
2. региональная — от возможности военного столкновения с Исламской Республикой Иран, а также от радикального воздействия политической неустойчивости в Республике Ирак;
3. финансовая угроза в случае резкого падения международных цен на углеводороды, а также в результате нарушения безопасности международного мореплавания в водах Персидского залива, как основного канала доставки сырой нефти и нефтепродуктов из аравийских стран, что могло осложнить финансовую состоятельность местных бюджетов и социальную стабильность в общественной жизни;
4. необходимость обеспечения национальной безопасности путем создания и поддержания на высоком уровне достаточных вооруженных сил, чтобы противостоять потенциальному агрессору, а также сдерживать его наличием соответствующей поддержки извне.

Регион Персидского залива и государства-члены ССАГПЗ,

ввиду широкой вовлеченности в мирохозяйственные связи, благодаря тому, что экономическую безопасность не только развитых западных держав, но и государств других регионов — потребителей углеводородов — во многом обеспечивали энергоресурсы Залива, не могли быть изолированными от глобальной системы международной безопасности, а следовательно и от влияния на них внерегиональных сил.

Благодаря глубокому военному и экономическому внедрению во внутреннюю жизнь Залива, США и Великобритания все более и более реформировали систему региональной безопасности в соответствии со своими интересами. Именно американское видение военных угроз и создало необходимый для указанных держав местный баланс политических и военных сил. При этом западное военное присутствие (по большей части — американское), в условиях недостаточности внутреннего и интеграционного потенциала стран ССАГПЗ, явилось основным фактором сдерживания в них потенциальных угроз как внутреннего, так и внешнего происхождения. Немаловажным достижением американской «дипломатии» в регионе стало обеспечение фактической лояльности аравийских режимов к Израилю. Политика США способствовала созданию некоего особого политического, социального и экономического характера этих стран Залива, во многом оторванного от общеарабского курса на создание зоны самостоятельной общеарабской безопасности, а также от достижения более тесной экономической интеграции арабского ареала.

А если рассматривать значимость создавшейся в Заливе военной ситуации для мировых держав, то политика

Вашингтона, поощрявшая закупки местными режимами крупных партий вооружений и технологических разработок у американских компаний, стимулировала полноценное развитие ВПК самих США, а также частично и других членов НАТО.

При этом, Вашингтон в своей политике в зоне Персидского залива всегда учитывал наличие определенных разногласий между членами ССАГПЗ. Так, если большинство арабской «шестерки» выступало против полной интеграции альянса в военной области, то Эр-Рияд, наоборот, настаивал на форсировании процесса военной интеграции, за формирование единых вооруженных сил. США старались не вступать в решение данных вопросов, так как они для стратегии этой супердержавы носили второстепенный характер. Но в Вашингтоне тактически использовали особенности взаимоотношений внутри альянса и внимательно реагировали на перемены в нем. Так, когда Кувейт и Саудовская Аравия в некоторые годы, чувствуя достаточность насыщения своих вооруженных сил иностранной техникой, а также испытывая определенные финансовые трудности по обеспечению общих бюджетных планов, стали несколько сокращать свои военные расходы, американская дипломатия и Пентагон переносили свои основные усилия, включая и средства давления, на другие страны, и в том числе на соседние арабские режимы. В Вашингтоне учитывали опасения во многих странах Аравийского полуострова в отношении Ирана, который по параметрам своей территории, населения, численного состава вооруженных сил и мобилизационных ресурсов намного превосходил таковые всех призаливных государств.

В частности, США использовали обеспокоенность ОАЭ нерешенной проблемой с Ираном, связанной с тремя спорными островами в Персидском заливе, использовали противоречия между Катаром и Бахрейном, ОАЭ и Оманом по пограничным вопросам для того, чтобы навязывать этим странам дополнительные контракты и развертывание новых военных баз и центров управления своими войсками в Заливе.

Членам ССАГПЗ они объясняли свои действия, как необходимые для взаимных союзнических отношений и следования оптимальному варианту обеспечения стабильности общей безопасности, и призывали как к укреплению национальных вооруженных сил, так и к координации их функций в рамках ССАГПЗ. Таким образом, в значительной степени направленность коллективной системы безопасности ССАГПЗ определяли несколько главных факторов: развитие «международно-скандальных» спекуляций вокруг Ирака, Афганистана и Ирана, нефтяная конъюнктура в мире и состояние политической ситуации внутри государств Аравийского полуострова.

Благодаря всем вышеприведенным факторам, США стали фактически актором военной доктрины по обеспечению региональной безопасности, они же по существу навязали странам ССАГПЗ свою военную технологическую систему и принципы построения и подготовки вооруженных сил. В результате именно американская военная продукция преобладала в силовых структурах аравийских государств. Так, местные ВВС составляли в основном американские военные истребители и штурмовики F-15, F-16, F-18 и др., транспортные самолеты, вертолеты, ВМС — морские суда от катеров

до эсминцев и подводных лодок, бронетанковые силы — танки, включая и модель М1А1, бронетранспортеры, а также — техническое обеспечение ПРО, станции и средства электронного управления и слежения и другие современные виды оружия.

Что касается собственно доктрины ССАГПЗ по обеспечению коллективной безопасности, то, хотя основные положения по ее практическому обеспечению были изложены в отдельных официальных документах данного Совета, вместе с тем не было достигнуто единства по таким важным вопросам, как принципы финансирования контингентов объединенных вооруженных сил и соответствующего финансово-материального обеспечения утвержденных к реализации военных программ. На пути укрепления военной интеграции ССАГПЗ нередко выступало то, что каждое государство-член Совета, опираясь на свое понимание внешних угроз и источников политической и военной опасности, заботилось в первую очередь о собственной обороне своими силами, оставляя на втором плане программы коллективной безопасности. Однако и после подписания странами ССАГПЗ 31 декабря 2000 г. в Манаме (Бахрейн) общего соглашения о совместной обороне, которое имело целью укрепить собственные аравийско-коллективные вооруженные силы, независимые от внешних союзников, нельзя было говорить о существовании четко и детально сформулированных военных доктрин у каждого из членов Совета.

В итоге и в первом десятилетии XXI века военная и политическая интеграция аравийских монархий в рамках ССАГПЗ носила несовершенный характер. Поэтому, сравнительно,

в частности, с военным потенциалом Ирана, эффективность вооруженных сил организации считалась недостаточной, и, по оценкам местных и западных специалистов, в случае военной угрозы члены ССАГПЗ рассчитывали в основном на военную помощь США и блока НАТО. Как известно, западные державы в течение последних десятилетий на постоянной основе содержали в регионе Залива «дежурные» контингенты своих вооруженных сил, а во время возникновения вооруженных конфликтов концентрировали здесь крупные контингенты для ведения полномасштабных межгосударственных военных действий. Так, например, в периоды ирако-кувейтского конфликта в 1990-1991 гг. и вторжения войск международной коалиции в Ирак в 2003 году американская военная группировка здесь составляла в целом от 450 до 600 тысяч военнослужащих.

В связи с напряженной политической и военной обстановкой в регионе Персидского залива и будучи неуверенными в собственной безопасности, государства Аравийского полуострова были вынуждены использовать свои нефтедолларовые доходы во многом на содержание чрезвычайно обременительного военного потенциала, на закупки иностранной военной и другой технологии, осуществлять тесные контакты с иностранными компаниями и правительствами для поддержания высокого уровня национальных вооруженных сил. Эти расходы осуществлялись как для собственной обороны, так и в рамках ССАГПЗ и сотрудничества с США и членами НАТО. На фоне таковых других развивающихся стран они были весьма огромными (см. табл. 2 А и Б).

Таблица 2 А. Военные расходы стран Персидского залива
(млн. долл. в постоянных ценах 1996 г.)

Страна	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Бахрейн	298	292	299	334	332	345	340	468	456
Иран	2234	2502	2641	3676	5626	6225	5026	5894	6772	7035	8474
Ирак
Кувейт	3576	2726	2542	2470	2865	2815	2928	3777	4280	4300	4638
Оман	1835	1902	1706	1727	2056	2397	2477	2622	2960	2966	2986
Катар
Саудовская Аравия	12951	17588	20314	18083	19930	21227	18635	18772	20824	25206	25393
ОАЭ	366	469	451	488	581	618	782	807	753	710	844

Источники: SIPRI, yearbook 2006, Oxford University press, 2006, p.342.

Таблица 2 Б. Военные расходы стран Персидского залива

Страна	1999/млн долл.	1999/% от ВВП	2000/млн долл.	2000/% от ВВП	2001/млн долл.	2001/% от ВВП
Иран	6148	2,7	9110	3,8	11515	...
Бахрейн	332	4,9	328	4
Кувейт	2066	8,1	2598	8,2
ОАЭ	1607	3,2	1585	2,6
Оман	1620	10,4	1938	9,7	2689	...
Саудовская Аравия	20728	12,3	17904	11,6	20512	...
Катар	1468

*Источник — SIPRI Yearbook, 2002. — Stockholm: SIPRI Inst., 2003.

Как видно из данных двух приведенных таблиц 1 и 2, наиболее уязвимыми по своим показателям были Бахрейн, Катар и ОАЭ. Поэтому они проявили инициативу, поставив на повестку ССАГПЗ вопрос о срочной необходимости создания совместных сил быстрого реагирования, учитывая, что в Заливе произошли две крупные войны, между государствами региона, существовали определенные спорные проблемы и здесь же присутствовали военные группировки иностранных держав (в частности, в Заливе фактически на постоянной основе дислоцировался 5-й флот ВМС США). В результате, страны «шестерки» в рамках подписанного в 2000 г. соглашения о совместной обороне предусмотрели сформировать объединенные силы быстрого реагирования в составе одной мотопехотной и штурмовой дивизии (16 тыс. человек), а также подразделений ВВС и ВМС, вооруженных современными боевыми самолетами и кораблями с ракетными установками. Их дислокация была определена на территории Саудовской Аравии. Также было обусловлено создание единого центра связи и современной системы раннего оповещения. В октябре 2002 года члены ССАГПЗ для усиления координационной функции системы управления совместной обороны приняли решение о создании Высшего военного комитета по обеспечению коллективной безопасности и повышению обороноспособности.

Подписанные документы обязали членов ССАГПЗ неукоснительно откликаться на возникшую военную угрозу или вооруженное нападение на любую аравийскую страну со стороны внешних противников, чтобы они были обязаны сообща оперативно принять участие в совместных вооруженных

действиях. Однако к практической реализации принятого решения члены Совета относились по разному и не торопились проявлять активность, ссылаясь на собственные бюджетные затруднения. Поэтому совмещенные коллективные силы обороны ССАГПЗ так и не достигли предусмотренного контингента и технического оснащения (по крайней мере наполовину).

Следует отметить, что в составе ССАГПЗ учитывался также такой фактор, что создание самых мощных, оснащенных и универсальных национальных вооруженных сил было «по плечу» только Саудовской Аравии, и, хотя данное обстоятельство несколько настораживало ее аравийских соседей, они одновременно считали целесообразным использовать это в своих интересах. Для диверсификации размещения центров подготовки кадров при содействии американских и английских академий были организованы военные учебные заведения разных профилей (для наземных войск, ВВС и ВМС) в Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах и Кувейте.

Дело в том, что призаливные монархии считали наиболее потенциальным носителем военной опасности для них соседнюю Исламскую Республику Иран: ведь стороны не забыли, что когда случилась ирано-иракская война, буквально все аравийские режимы встали на сторону арабского Ирака. Хотя в дальнейшем Тегеран, исходя из своей дипломатической программы «Персидский залив должен быть очищен от присутствия внерегиональных вооруженных сил», был настроен на создание трехполюсной системы безопасности «Иран-Ирак-ССАГПЗ», и налаживал соответствующие друже-

ственные контакты и сотрудничество в отдельных областях, на Аравийском полуострове по-прежнему рассматривали Иран в качестве «неблагонадежного соседа». Там считали, что ИРИ стремится стать доминирующей державой не только региона Персидского залива, но и БСВ в целом.

В антииранском негативном настроении аравийцев немалую роль играла, как уже упоминалось выше, дипломатическая игра главного «гаранта безопасности в Персидском заливе» — США. Учитывая причисление Вашингтоном ИРИ к разряду государств так называемой «оси зла», это также способствовало процессу стагнации в развитии политических связей между Ираном и странами ССАГПЗ.

Другими немаловажными факторами в нагнетании антииранских настроений среди политических кругов аравийских монархий выступали: независимая в отношении США политика ИРИ и ее активное развитие национального экономического и военного потенциалов. А ведь даже совокупные людские ресурсы стран ССАГПЗ (37,5 млн. чел.) более чем вдвое уступали иранским; такое же соотношение имелось и по численности вооруженных сил и мобилизационным возможностям. В последние годы аравийские режимы особенно обеспокоились новыми военными оснащениями и разработками Ирана — это развертывание в этой стране серий ракетных комплексов среднего и малого радиусов действия (начиная с серии ракет средней дальности «Шехаб», а, по сообщениям за 2008 год, и дальнобойных образцов (Шехаб-4 — Шехаб-5 и т. д.), способных наносить многочисленные удары по любым целям на территории государств ССАГПЗ. Причем эти средства из года в год совершенствовались.

лись в электронном и другом технологическом отношениях, и их количество увеличивалось. Самым беспокоящим фактором, вслед за ракетами, стали ядерные разработки Тегерана в мирных целях, так как соседи начали усматривать в них и возможное военное предназначение.

Кроме того, Тегеран являлся носителем идеологии шиизма в ее фундаменталистской и активной форме: она выступала в качестве интернациональной идеологии защиты «мировой исламской революции». Однако при этом она относилась к числу своих противников не только США и Израиль, а также НАТО, но и так называемые «неправильные мусульманские страны». Последние рассматривались как потенциальные соучастники возможной агрессии США против Ирана.

Поэтому в арабских столицах пришли к выводу, что, учитывая то, что в ближайшее время противостояние США — Иран будет сохраняться, а также то, что США продолжают свою функцию «сторожевого пса»-гаранта безопасности в регионе, в Персидском заливе сохранится «статус-кво» баланса сил в треугольнике: США — ИРИ — ССАГПЗ.

До оккупации войсками международной коалиции в 2003 году Ирака и последовавшего фактического разобщения этой страны на три противоборствующие этноконфессиональные силы — суннитов, шиитов и курдов, в арабских столицах (особенно в Кувейте) рассматривали и Ирак государством, которое потенциально представляло угрозу странам ССАГПЗ. Однако в дальнейшем правящие режимы Аравийского полуострова стали считать, что внутреннее межконфессиональное и межнациональное противоборство в Ираке не позволит этому государству предпринимать

какие-либо наступательные военные акции в отношении своих соседей.

Вместе с тем, несколько осложнились политические отношения между главным участником ССАГПЗ — Саудовской Аравией, с одной стороны, и главным гарантом незыблемости власти местных режимов — США, — с другой. Как уже говорилось выше о деятельности террористических организаций Бен-Ладена, богатого выходца из саудовской знати, а также о причастности саудовцев к ряду террористических акций против американцев и европейцев, Вашингтон неоднократно делал предупреждения Эр-Рияду, обвиняя Саудовские власти в завуалированной, но очевидной, поддержке международного терроризма.

Однако процесс развития сотрудничества Саудовской Аравии в рамках ССАГПЗ и с внешними «гарантами» сохранился, хотя, может быть, и с некоторыми оговорками. Так, продолжилось расширение странами ССАГПЗ объединенной региональной системы ПВО «Щит мира», которая опиралась прежде всего на саудовскую противовоздушную оборону. Она состояла из сети радаров и была оснащена оптоволоконными коммуникациями для обеспечения совершенной системы предупреждения на всем пространстве Персидского залива. Опираясь на эту систему ПВО, стали проводиться совместные учения стран ССАГПЗ: «Сокол полуострова» (ВВС и ПВО), «Солидарность» (ВМС) и «Щит полуострова» (сухопутные войска), а также в совместной оборонной инициативе «Игл Резлов», проводившейся ежегодно под руководством Пентагона (с государствами Совета участвовали также Иордания и Египет).

Далее, в феврале 2001 г., начала функционировать, построенная компаниями Raytheon и Ericsson, единая система раннего радиолокационного обнаружения самолетов, а затем идентификации и слежения за самолетами, получившая название «Пояс сотрудничества». Система была способна обеспечивать одновременное отслеживание нескольких сот самолетов в регионе Персидского залива, а также на подступах к нему — на БСВ, в Афганистане и Аравийском море. Она являлась наиболее крупным совместным оборонным проектом аравийских монархий. Вместе с тем, предусматривалось модернизировать эту систему, чтобы в ее рамках гарантировать раннее предупреждение запусков баллистических ракет Ираном или другими соседними государствами.

Аравийские монархии, будучи преимущественно оснащенные американскими вооружениями, технологией и учебными центрами, а также не отказываясь от проамериканской внешней ориентации, вместе с тем, начиная еще с 80-х годов постепенно расширяли географию приобретения военной продукции, закупая ее и у других западных держав. Заинтересованность в сотрудничестве была обоюдная: с одной стороны, массы нефтедолларов, с другой — современная военная продукция на высоком технологическом уровне. Из европейских держав особенно активными в военной области были Франция и Великобритания. Что касается Германии, то ее соучастие по существу сводилось только к подготовке специалистов местных стран в области отражения атак оружием массового поражения.

Аравийские же режимы стремились, по возможности, проводить более диверсифицированную политику на Западе, то есть иметь определенную самостоятельность в области обеспечения национальной безопасности и стараться самим

выбирать партнеров и союзников. В этом отношении особенно проявили себя ОАЭ, которые единственные в ССАГПЗ отказались предоставить свою территорию для американских военных баз.

Таким образом, еще с началом ирано-иракской войны эти страны стали увеличивать военные закупки у Франции (фирма Дассо и другие), которая на местных рынках заняла свою технологическую нишу: они совместно с Ираком стали приобретать самолеты «Супер-Этандар», «Мираж» новых модификаций, ракеты «Экзоссе», а далее последовало сотрудничество и в других областях. Так, если ОАЭ и Катар закупали французские штурмовики «Mirage» (в частности, в 1998 г. ОАЭ подписала с Францией контракт на сумму 3,4 млрд. долл. на приобретение 30 новых штурмовиков «Mirage 2000-9» и модернизацию 33 «Mirage 2000 SAD-8S»), то Саудовскую Аравию французские компании оснастили оборудованием и обслуживанием для системы национальной ПВО, а также поставили ей военные корабли.

В первом десятилетии XXI в. сотрудничество стран-членов ССАГПЗ с Францией продолжилось, включая закупки вооружений, военной технологии, подготовку офицерских и технических кадров для военных сил и учреждений. В частности, это позволило развернуть на территории ряда стран Совета учебные центры, а также места дислокации складов и транзитных пунктов для французских контингентов, вовлеченных в состав сил международных коалиций, участвовавших в кампаниях в Ираке и Афганистане. Так, в мае 2009 года президент Франции Саркози открыл новую военную базу Франции в Абу-Даби во время своего визита в ОАЭ (*ТВ «Весту»; «РБК daily», М., 24.05.2009*).

Раздел II

Начало второго десятилетия XXI века (2011-2013 гг.): продолжение реализации концепции «Большого Ближнего Востока» — распространение вооруженных операций ЗАПАДА на избранные государства БСВ и Северной Африки

Ввиду того, что военные кампании НАТО, начатые в новом десятилетии XXI века продолжают, и пока не представляется возможным сделать окончательные выводы об их результативности, автор данной монографии может оценивать агрессивные действия Запада на БСВ только по некоторым кампаниям, о ходе которых уже проявились определенно серьезные выводы. Поэтому освещению подверглись самые злободневные вопросы и ограниченное число стран региона, в которых наиболее трагично сложились политические обстоятельства. Однако автор информирует, что работа над темой, указанной в заголовке монографии, будет иметь продолжение (в частности, такие по таким вопросам, как «Продолжение процесса формирования ядерного потенциала Ирана и спекуляции Запада»; «Вынашивание Ва-

шингтоном и НАТО планов по дальнейшему продвижению на Восток» и др.

Глава 1

НАТО и трагическая гибель режима Ливийской Джамахирии

(первый вариант статьи был опубликован в научно-аналитическом журнале «Обозреватель» («Observer»), Москва, № 9, 2012 г.)

В начале 2011 г. на мусульманском Ближнем Востоке возник процесс серьезных внутриобщественных социальных брожений, который заинтересованные круги Запада и Востока сразу же провозгласили «арабской весной». Под данным лозунгом ставилась цель стимулировать разрастание внутренних противоречий в арабских странах, как это ранее уже было продемонстрировано на примерах Ирака и Афганистана. Западные державы получили прекрасную возможность открыто развернуть свое вмешательство в дела Ближнего Востока в целом под прикрытием уже своей геополитической «игры» — концепции о «цивилизационном» праве поддержки демократических устоев в современном мировом обществе.

Таким образом, в этот международный политический «воодоворот» оперативно была вовлечена и Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия, так как данная страна оказалась наиболее удобной (то есть «созрела») для реализации планов по силовой смене неугодного Западу пра-

вящего режима. Так, в отношениях между двумя основными провинциями Ливии — Триполи и Киренаика — сложились серьезные идеологические и политические противоречия, которые привели к формированию оппозиционной группировки, выступившей против правления Муаммара Каддафи. Конечно, при этом нельзя утверждать, что в ливийском обществе в целом повсеместно наблюдались значительные социальные расхождения между местными и центральными интересами. Но констатировалось, что «застоявшийся» диктаторский и клановый характер центральной власти порождал определенные критические настроения в стране, особенно они вызывались чрезмерной жестокостью наказаний и высочайшим уровнем цензуры со стороны руководства.

Что касается претензий Запада, то они во многом были связаны с тем, что подавляющая часть ливийских углеводородных богатств была сосредоточена в государственном секторе Ливии. Эти неприватизированные углеводороды являлись объектом интересов европейских стран, которые сильно зависели от импортных поставок нефти и газа. Не раз они пытались установить решающий контроль над нефтяными компаниями, разрабатывавших месторождения на территории Ливии, но полковник Каддафи являлся этому серьезной преградой, которая мешала европейским инвесторам заполнить желаемое для дальнейших продвижений своих амбиций (<http://ru.wikipedia.org/wiki, note 70>). Целесообразно отметить, что ливийское руководство в первом десятилетии текущего века, испытывавшее сильное политическое давление со стороны западных правительств и корпораций, предпринимало серьезные шаги по налаживанию экономи-

ческого, а также в определенных пределах и политического, сотрудничества с правящими кругами западных держав. В частности, были установлены тесные контакты с Италией, Францией, в страну были приглашены американские советники для организации процесса развития частного сектора. В энергетической (углеводородной) 80% всех контрактов были заключены с компаниями западных держав (преимущественно с американскими и «Бритиш Петролеум»), которые по условиям раздела продукции получили в среднем от 20 до 50%. Причем, сравнительно, российские компании «Газпром» и «Татнефть» по соглашениям с Национальной нефтяной корпорацией Ливии удовольствовались только 10,5% (радио «Комсомольская правда», 04.03.2011 г., информация К.А. Теренкова). Что касается преимуществ западных компаний в составе совместных предприятий в других отраслях, то здесь их доли достигали 65%. Кроме того, для иностранных инвесторов в целом были предусмотрены льготы на пять и более лет. Имели место и другие послабления: сняты таможенные пошлины с более чем 3,5 тысяч видов товаров и услуг. (А.З. Егорин «Свержение Муаммара Каддафи. Ливийский дневник 2011-2012 гг.», М. 2012, с 24).

Однако, несмотря на это, западные стратеги продолжали свою негативную политическую линию в отношении Ливийской Джамахирии (ЦРУ США, отказавшееся было от существовавшей в 1980-е годы идеи устранить М. Каддафи от власти, с началом серьезных социальных брожений в арабских странах под названием «арабской весны», оперативно вернулось к реализации своего прежнего плана) (РИА Новости, 09.03.2013).

Дело в том, что полковник М. Каддафи во внешнеполитическом аспекте во многом солидаризировался с Сирией и Ираном, а главные игроки враждебного «закулисья» в составе западных держав и консервативных аравийских монархий уже долгое время испытывали недоброжелательные чувства в отношении указанных политических режимов БСВ, ИРИ, Сирия и Ливийская Джамахирия, несмотря на некоторое различие их идеологических и политических устройств, тем не менее, были носителями антиимпериалистических настроений, и представляли этим угрозой стабильности в соседних прозападных аравийских консервативных монархиях.

Данное тем более становилось опасным в связи с тем, что в Ливии нарастали требования о полной национализации иностранных нефтяных компаний. Причем руководство страны и окружение М. Каддафи все более и более склонялось к такому повороту в судьбе национальной нефтедобывающей отрасли.

Более того, западные корпорации не устраивал и другой аспект, связанный с высокими доходами Ливии от экспорта углеводородов. Дело в том, что режим М. Каддафи тесно сотрудничал с Россией в военно-технической области, приобретая новейшие вооружения. Так, только на рубеже перехода во второе десятилетие стороны заключили (или были готовы заключить) контракты на 2-3 млрд. долл. на приобретение Ливией крупных партий авиатехники и средств ПВО (12 истребителей СУ-35, 10 вертолетов Ка-52, два дивизиона зенитно-ракетной системы С-300ПМУ2 «Фаворит» и т. д.) (*«Известия», М., 28.02.2011*). То-есть ливийские доходы от нефти

в значительных объемах исчезали из сферы западных интересов и укрепляли военную промышленность конкурента НАТО в лице России.

Таким образом, режим М. Каддафи по ряду стратегических факторов своей деятельности не устраивал правящие круги Запада. Поэтому против него продолжились поиски альтернативы.

В начале второго десятилетия XXI века Запад нашел искомое «взрывчатое вещество» для организации совместной силовой кампании по свержению власти полковника Муаммара Каддафи. Им оказались оппозиционные круги, бывшие (отставные) высокопоставленные чиновники в каддафийской администрации, сформировавшие в центре провинции Киренаика городе Бенгази ядро повстанцев, а также оппозиционеры Миссураты (считавших себя представителями племенной составляющей Ливии, оппозиционной существовавшему господству в стране выходцам из соседнего Сирта). Данные факторы стали весьма важными для дальнейшего развития трагической политической и военной ситуации в Ливии.

Дело в том, что в Киренаике сосредоточено подавляющее большинство углеводородных месторождений Ливии. В европейских спецслужбах, естественно, осознавали, что сравнительно с мощным государственно-организационным и военным потенциалом каддафийского режима указанные региональные оппозиционные силы были весьма слабыми, чтобы самостоятельно преуспеть в каких-либо своих попытках противостоять правительству. Однако для внешних врагов Ливийской Джамахирии «заявочное» выступление

горстки местной оппозиции было необходимо в качестве «запала» для вступления вооруженных сил Запада в непосредственную масштабную войну с М. Каддафи. Причем, извне «внутриливийское подполье» готовили постепенно — по возможности, укрепляли его финансово, идеологически, вооружениями и военной подготовкой.

С середины февраля 2011 г. в Бенгази начались массовые демонстрации с требованием безусловной отставки правящего страной более 40 лет Муаммара Каддафи. Эти демонстрации весьма быстро переросли в вооруженную форму противоборства с центральной властью страны.

«Застрельщиками», то есть прямыми провокаторами обострения вооруженного конфликта, выступили как специально подготовленные иностранными спецслужбами лица из ливийцев, так и заранее десантировавшиеся на территории Ливии силы специальных операций (ССО) США, Англии, Франции, Италии, ОАЭ и Катара (то есть преимущественно боевые подразделения западных спецслужб: ЦРУ, МИ-6 и другие) (*«Daily Mail», L., 22, 23.04. 2011*).

Первые — снайперы-террористы — в нужные моменты, с целью дестабилизировать обстановку, открывали огонь по гражданским лицам без разбора (в этом просматривался типичный метод провоцирования конфликтов ЦРУ); вторые — ССО — начали действовать в этой стране намного раньше того момента, как страны международной коалиции приступили к авиаударам по позициям каддафистов (то есть до 20.03.2011 г.). Для выполнения специальных задач их забрасывали в тыл ливийских войск и вне главных населенных пунктов. Причем, одновременно использовались и методы

«маскировки под журналистов». Таким образом, совместные провокационные действия указанных групп привели к появлению «оппозиционных сил», готовых к мщениям, то есть к началу открытых вооруженных столкновений с властями.

Кто прав, в целом, в разгоравшемся внутреннем конфликте?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, сначала представляется нелишним отметить, что Ливийская Джамахирия при правлении Муаммара Каддафи, опираясь на высокие доходы от экспорта углеводородов, достигла сравнительно неплохих показателей среднего жизненного уровня местного населения. Нищеты и голодных проявлений не наблюдалось как у собственно ливийцев, так и среди иммигрантов (см. обобщенные макропоказатели по Ливии ³).

С начала же боевых действий между оппозицией и сто-

³ - Общая площадь Ливии (кв. км) — 1 759 540, в т.ч.: сельхозугодия (кв. км) — 22 000, леса (кв. км) — 8 000.

Численность населения (чел.) — 5 368 585.

Столица — Триполи (1 822 400).

Плотность населения (чел/кв.км) — 3,1.

Доля городского населения (%) — 87.

Коэффициент рождаемости (чел/1000 чел) — 28.

Коэффициент смертности (чел/1000 чел) — 4.

Средняя продолжительность жизни (лет) — 76 (в т.ч. мужчин – 82,4)

Уровень грамотного взрослого населения (%) — 76.

Питание (в день калорий на душу населения) — 3308.

Годовое потребление топлива (кг. на душу населения) — 2163.

ВВП (\$ США на душу населения) — 7600.

Языки – арабский (официальный), берберский, итальянский.

Этнические группы: арабы и берберы (83%), итальянцы, греки, иностранные рабочие и их семьи.

Религиозный состав населения: мусульмане-сунниты (97%), христиане (католики, англиканцы, копты - 2,5%), иудаисты (0,5%) Интернет. Ливия – Википедия. Однако в том же источнике были приведены и другие данные: накануне волнений (2010 г.) Ливия по экономическим и социальным параметрам была одной из наиболее благополучных стран Африки: ВВП на душу населения — \$14,878, уровень грамотности населения составлял 87 %, однако в стране был высокий уровень безработицы, составлявший, по данным на 2009 год, 20,7 %

(http://ru.wikipedia.org/wiki/note_74-75).

ронниками М. Каддафи стала все более разрушаться государственная и народно-хозяйственная деятельность в главных городах, а также система общественной безопасности в стране в целом. В результате, по сведениям иностранных информационных агентств, уже к апрелю 2011 года поток беженцев из Ливии составил 550 тысяч человек (что составляло не менее 15% населения северных районов страны, в которых происходили боевые действия сторон). Конечно, весь цифровой и персональный материал о беженцах по-разному оценивался ими, исходя из своих соображений, — так как это была уже политическая плоскость их интересов.

В связи с широкомасштабным соучастием в борьбе за власть в Ливии иностранного фактора, будет целесообразным затронуть вопрос о том, какой потенциал внешних сил был задействован для разрушения Ливийской Джамахирии.

Уже 17 марта 2011 года, по инициативе западных держав, СБ ООН принял резолюцию № 1973, предусматривавшую «введение бесполетной зоны над Ливией». Таким образом была открыта ограниченная возможность для иностранного военного вмешательства в события внутри этой североафриканской страны. По сути своего содержания указанная резолюция Совета Безопасности была односторонней: направлена только против правительственных сил, так как на начальном этапе внутрививийского вооруженного противоборства правительство обладало полным административным и военным превосходством над противниками не только на суше, но и в воздушном и морском пространствах. Причем, военно-технологический потенциал Ливийской Джамахирии был более современным и оснащенным,

чем в Ираке и Афганистане накануне иностранных вторжений в эти страны. Данное обстоятельство было учтено державами НАТО и соответственно просчитано для облегчения результативности своих военных операций.

По своему реальному назначению резолюция Совета Безопасности № 1973 (принятая срочно вслед за № 1970) нужна была только в качестве формальной зацепки — прикрытием для внешних сил, чтобы они «под мандатом» ООН и для «защиты гражданского населения Ливии» развернули в расширенном масштабе свои агрессивные акции против режима Муаммара Каддафи.

В начавшейся 19 марта 2011 г. операции «Рассвет Одиссеи», которая в последствие под условным наименованием «Объединенный защитник» превратилась в долговременную антикаддафийскую военную кампанию НАТО, активное участие приняли США, Франция, Италия, Великобритания, а определенную поддержку им осуществляли Канада, Бельгия, Испания, Дания, Норвегия и др. (*«Daily Mail», L., 22, 23.04. 2011*).

Как подробно освещалось в мировых СМИ, и, в частности, в специализированных военных изданиях: «GUNMAN, ВОЕННЫЕ НОВОСТИ» и «Авиация НАТО в операции против Ливии», к началу «Рассвета Одиссеи», для «работы» над решением «ливийской внутренней проблемы», в относительной близости от ливийских берегов была создана крупная группировка ВВС и ВМФ западных союзников: двадцать пять боевых кораблей и подводных лодок, в том числе два крейсера и три подводные лодки ВМС США с ракетами «Томагавк» на борту, и вспомогательных судов 2-го и 6-го флотов США, включая авианосец «Энтерпрайз», десантные вер-

толетоносцы «Керсадж» и «Понсе», флагманский (штабной) корабль «Маунт Уитни». Была сформирована мощная авиационная группировка разведывательной авиации и радиоэлектронной борьбы (<http://gunman.oragie.com> «GUNMAN, ВОЕННЫЕ НОВОСТИ», 11.04. и 20.06.2012, и «Авиация НАТО в операции против Ливии», 11.04. и 20.06.2012).

Интенсивные ракетно-авиационные удары по намеченным объектам на территории Ливии наносились как в ночное, так и в дневное время. На первых порах главными целями союзников стали ракетные системы С-200, способные поражать цели на расстоянии до 300 километров, и около 50 ракет типа «Куб», которыми, как известно, сербы еще в 1995 году сбили американский F-16. Ливийская интегрированная система противовоздушной обороны, так же как и в Ираке, имела около 30 установок «земля-воздух», связанных с 15 радарными системами раннего оповещения на побережье Средиземного моря. По данным Пентагона, они представляли собой серьезную угрозу для иностранных военных самолетов, совершавших полеты в воздушном пространстве Ливии или рядом с ним (<http://gunman.oragie.com> «GUNMAN, ВОЕННЫЕ НОВОСТИ», 11.04. и 20.06.2012, и «Авиация НАТО в операции против Ливии», 11.04. и 20.06.2012).

Далее, с 31 марта, в отличие от войн в Ираке и Афганистане (где интервенционистские действия извне инициировались Пентагоном), руководство иностранными вооруженными операциями в Ливии полностью перешло к представителям командования НАТО (по существу инициативу взяли на себя представители всё тех же США и ведущих европейских держав). Как провозглашалось в мировых СМИ на основе заявле-

ний НАТО, «целью военной кампании Североатлантического альянса являлось обеспечение эмбарго на поставки оружия, бесполетной зоны и мер по защите гражданского населения. Однако военные действия НАТО практически сразу же вышли далеко за пределы предоставленных ООН полномочий» (*«Figaro»*, P. 20.05.2011; *«Independent»*, L., 20.05. 2011).

Фактически Ливия превратилась в полигон для боевого испытания многих новых видов вооружений НАТО. Так, уже 19 марта корабли ВМС США и Великобритании выпустили 112 КР «Томагавк», уничтожив, как было заявлено, 20 из 22 подвергшихся ударам целей (в последующем пуски новых крылатых ракет стали производиться в значительно меньшем количестве). Одновременно самолеты В-2 («Стелс») наносили удары 2000-фунтовыми управляемыми бомбами GBU-31B/JDAM. В качестве целей для поражения были выбраны правительственные пункты управления войсками, резиденция Муаммара Каддафи, штаб ВВС Ливии в Матейге к востоку от Триполи, база ВВС Аль-Гардабия (где размещался основной контингент истребителей и бомбардировщиков ливийских ВВС), узлы связи и базы ВМС, радары ливийской системы ПВО и объекты связи, места дислокации и позиции войск, лояльных Каддафи, мобильные батареи противокорабельных ракет (<http://gunman.oragie.com> «GUNMAN, ВОЕННЫЕ НОВОСТИ», 11.04. и 20.06.2012, и «Авиация НАТО в операции против Ливии», 11.04. и 20.06.2012).

Список всех нападений вооруженных сил западных держав на Ливию был весьма обширным, так как бомбардировки объектов на её территории и другие военные акции проводились интенсивно. Более того, боевые корабли НАТО, включая

авианосцы и другие крупные корабли США, Франции, Италии и Англии, постоянно патрулировали вблизи ливийского побережья Средиземного моря и, наряду с обеспечением атак на ливийские правительственные цели, полностью поставили под свой контроль морские коммуникации, порты и побережье Ливийской Джамахирии. К примеру, с момента начала операции «Рассвет Одиссеи» в течение только одного месяца военнослужащие альянса остановили для проверки 982 судна, направлявшихся в подконтрольные Каддафи порты; большинство из них, по настоянию военных, изменяли курс своего следования.

Что касается воздушных атак на ливийской территории, то только за период первого месяца активного иностранного вовлечения в войну, то есть с 31 марта по 26 апреля 2011 г., согласно официальному сообщению пресс-службы НАТО, авиацией альянса было проведено 1658 боевых вылетов (*р/с «Голос Америки», информация корреспондента Алекса Григорьева, Вашингтон, 27.04. 2011*).

Плотность налетов натовской авиации и обстрелов Ливии сохранилась вплоть до окончания военной кампании Североатлантического альянса в этой стране. К примеру, радиостанция «Голос Америки» сообщила, что в мае того же года авиаудары НАТО только за один из дней поразили восемь боевых кораблей, использовавшихся силами ливийского лидера Муаммара Каддафи. Согласно заявлению альянса, удар по судам производился в портах Сирта, Аль-Хумса и Триполи. Заместитель командующего операциями в Ливии, контр-адмирал Рассел Хардинг, камуфлируя, отметил, что силы НАТО нанесли удар после того, как сторонники Каддафи

разместили мины и начали расширять использование ВМС (р/с «Голос Америки», из статьи Виктора Васильева «Саммит НАТО в Чикаго: взгляд из Москвы», 20.05, 2011).

Непосредственно в Триполи воздушным атакам подверглись: здание центра связи и правительственный комплекс, здание парламента, военной разведки, гостелерадио и информгентства, укрепленный комплекс Баб-эль-Азизия, аэродромы, радарная система аэропорта Триполи, радиолокационная станция близ города Эль-Брега, системы энергоснабжения. Причем, видимо, не случайно был нанесен бомбовый удар и по зданию посольства КНДР (<http://gunman.oragie.com> «GUNMAN, ВОЕННЫЕ НОВОСТИ», 11.04. и 20.06.2012, и «Авиация НАТО в операции против Ливии», 11.04. и 20.06.2012).

При этом, НАТО осуществляло постоянную координацию действий своих служб с отрядами оппозиции, чтобы своевременно нейтрализовать какие-либо возможности правительственных войск сопротивляться последним.

Кстати, именно ССО британцев и французов разрабатывали план штурма Триполи и координировали действия повстанческих отрядов. Они также обеспечивали «наводку» натовских ВВС для нанесения ударов по правительственным целям и проводили разведывательные операции внутри Триполи. Так, штурм правительственного комплекса «Баб аль-Азизия» (в конце августа 2011 г.) ливийскими повстанцами возглавляли военнослужащие спецназа ОАЭ и Катара, и далее, разведывательные подразделения НАТО постоянно следили за перемещениями Каддафи и навели авиацию на его кортеж. Поэтому применение подразделения сил специальных операций (ССО) позволило НАТО «сэкономить»

на больших боевых бригадах, которые могли бы «увязнуть» в проведении наземных боевых действий (<http://gunman.oragie.com> «GUNMAN, ВОЕННЫЕ НОВОСТИ», 11.04. и 20.06.2012, и «Авиация НАТО в операции против Ливии», 11.04. и 20.06.2012).

Таким образом, с самого начала реализации резолюции ООН её обозначенные рамки были полностью нарушены и в военном аспекте направлены против ливийской авиации, морского военного и торгового флотов, и даже против правительственных сухопутных сил. Параллельно, западные державы ввели эмбарго на зарубежные активы семьи М. Каддафи и его правительства и стали всемерно финансировать оппозицию, предоставляя кредиты и помощь в счет конфискованных вложений Каддафи и ливийского правительства в американские и западноевропейские банки и компании. Так, к примеру, президент США Барак Обама подписал распоряжение, предусматривавшее выделение ливийским повстанцам 25 миллионов долларов «для защиты гражданских лиц и гражданских объектов, находящихся под угрозой атак в Ливии» (р/с «Голос Америки», 27.04.2011).

Чтобы оправдать свое «персональное» вмешательство во внутренние дела стран БСВ Вашингтон по существу выдвинул ультимативные условия. Президент США заявил о необходимости проведения радикальных реформ в регионе: «Мы должны использовать все наше влияние для того, чтобы поддержать реформы в регионе. Наше послание (властям этих государств) просто: если вы примете на себя риск проведения реформ, вы приобретете полную поддержку США». Вслед за Вашингтоном глава МИД Франции Ален Жюппе сообщил, что его страна также готова предоставить оппози-

ционному Переходному национальному совету (ПНС) Ливии 290 млн. евро. «Это будут льготные кредиты, мы разморозим некоторые активы Центробанка Ливии, которые находятся в банках Франции», — сказал он (<http://www.rosbalt.ru/main/2011/06/29/864074.html>).

Всемерная поддержка ливийской оппозиции исходила также от аравийских монархий Персидского залива: кроме заранее и скрытно задействованных спецподразделений в начале вооруженного конфликта в Ливии, они и в дальнейшем открыто и масштабно вмешивались во внутренние коллизии в этой стране на стороне оппозиционного Переходного Национального Совета (ПНС). Вслед за Катаром Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия признали режим главы Ливии Муаммара Каддафи утратившим легитимность. Более того, по заявлению главы Переходного Национального совета Ливии Мустафы Абдель Джалиля, «Кувейт объявил о намерении оказать финансовую помощь ливийским повстанцам в размере 177 млн. долл.». По его словам, «силам оппозиции сейчас (то есть уже в начале конфликта) просто необходима финансовая поддержка, которая позволит платить зарплату солдатам армии повстанцев». Сами власти Кувейта, камуфлируя, утверждали, что эти средства являются срочной гуманитарной помощью жителям государства, где идет гражданская война. В свою очередь, Катар практически сразу же с момента начала противостояния между Бенгази и Триполи стал выступать посредником в продаже ливийскими повстанцами нефти на мировые рынки, а телеканалы «Аль-Джазира» (Катар) и «Аль-Аравия» (Саудовская Аравия) изначально занялись резкой критики режима полковни-

ка Каддафи (*yandex.ru, abc.ru>news? ABC, AZ, 25.04.2011*). Более того, по сообщениям мировых информационных агентств, Катар направил в североафриканский регион 15 своих военных самолетов, а также, совместно с другими арабийскими странами, стал оказывать помощь ливийской оппозиции вооружениями и военными специалистами.

Нельзя не отметить привлечение в помощь антикаддафийских сил контингента наемников. Так, в составе Переходного Национального Совета (ПНС) участвовали три группы компаний военных услуг наёмников. Первые — настоящие частные армии — непосредственно планировали и проводили боевые операции в интересах клиента; вторые — как консалтинговые компании — обучали войска и консультировали ПНС; третьи — как логистические компании — осуществляли тыловую поддержку, строительство и обслуживание сложных систем вооружений (*http://www.arms-expo.ru*).

Причем, бывших военнослужащих из западных армий и других военных образований, после «якобы увольнения», нанимали на работу в частные военные компании в Ливии. Они также принимали участие в боевых действиях в этой стране. В частности, «наёмники» из частных военных компаний, совместно с натовскими спецподразделениями, занимались выявлением в Триполи Муаммара Каддафи и членов его семьи и их ликвидацией (*http://www.arms-expo.ru*).

Бомбардировки западными державами, а также секретные операции их спецподразделений в Ливии, не прекращались и после физического уничтожения М. Каддафи вплоть до полного разгрома правительственных сил и подавления других очагов сопротивления.

Что касается количества жертв военной кампании в Ливийской Джамахирии в 2011-2012 гг., то, даже по признанию министра здравоохранения в ПНС Ливии, в ходе гражданской войны с обеих сторон погибли не менее 30 тысяч человек (по другим оценкам, 50 тысяч), свыше 50 тысяч человек было ранено, около 4 тысяч считаются пропавшими без вести. Все эти цифры весьма приблизительные (скорее приуменьшенные) и будут корректироваться, разумеется, в сторону увеличения (<http://gunman.oragie.com> «GUNMAN, ВОЕННЫЕ НОВОСТИ», 11.04. и 20.06.2012, и «Авиация НАТО в операции против Ливии», 11.04. и 20.06.2012).

Однако, реальные жертвы и другие формы трагедии Ливии были многократно обширнее. В частности, председатель российского комитета солидарности с народами Ливии и Сирии Сергей Бабурин отмечал после посещения этой страны: «В условиях войны, постоянных бомбардировок мирное население было лишено возможности перемещаться, иногда для того, чтобы спастись. При этом прекрасно известно, что танки и самолеты правительственных войск не заправлялись бензином. Восточная часть Ливии бензином снабжается бесперебойно. В больницах мне показывали пустые полки — не хватает антибиотиков, даже перевязочных материалов. Очереди за хлебом — мука есть, нет газа, чтобы его испечь. Не хватает детского питания. Все это последствия морской блокады. Все это — и бензин, и медикаменты, что не подпадает под запрет ООН. Но в резолюции стоит формулировка «экономические ресурсы». И под это можно подогнать что угодно. В результате нечем заправить «Скорую помощь» или пожарную машину, которая должна

тушить пожар на месте бомбежки. А в госпитале иногда могут только посочувствовать и смазать рану зеленкой... Мы должны оказать гуманитарную помощь страдающему населению. Но и любое слово правды может помочь» (*Агентства «Vranac», Пуо Новости, 29.06.2011; http://ruskline.ru/news_rl/2011/06/29/video_sergej_baburin_livijiskij_nar...*).

Таким образом, главную роль в развязывании войны в Ливийской Джамахирии, свержении правившего в ней режима, а также в «самосудном» изуверском физическом устранении Муаммара Каддафи, ряда членов его семьи, его ближайшего окружения сыграли западные державы. Именно западные державы своим активным вооруженным вмешательством создали условия неотвратимости уничтожения Муаммара Каддафи — этой значимой и знаковой политической фигуры на Ближнем Востоке, которая, хотя и противоречиво, проводила самостоятельный арабский националистический антиимпериалистический курс.

Что касается политической линии Москвы в отношении трагических событий в Ливии на фоне роли Запада в достижении результативности в своих интересах, то следует отметить ее определенную противоречивость на начальном этапе. Так, по существу принципиальным упущением было согласиться с принятыми резолюциями СБ ООН № 1970 и № 1973, не оговорив их точные рамки, допустимые для практической реализации. Западноевропейские державы, памятуя агрессию Вашингтона в Афганистане и Ираке без какого-либо согласования с членами СБ ООН, также посчитали для себя возможным не считаться с какими-либо ограничениями в своих военных операциях в Ливии. Россий-

ское руководство несколько запоздало вступило в дипломатическую полемику с Западом, осудив его нарушения международного права в Ливии. Так, премьер-министр России Владимир Путин раскритиковал действия НАТО в Ливии. Во время пресс-конференции в Дании он заявил (цитируется по тексту стенограммы, размещенной на официальном сайте председателя правительства России): «Почему нужно со стороны вмешиваться в этот вооружённый конфликт? А что, разве мало у нас кривых всяких режимов в мире? Мы что, везде будем вмешиваться во внутренние конфликты? ... Надо дать людям самим разобраться». «Говорили о закрытии неба, — продолжил Путин. — Но где же закрытие неба, если бьют каждую ночь по дворцам, где проживает Каддафи? Говорят, нет, мы не хотим его уничтожать. А зачем по дворцам бить? Там что, мышей таким образом выводят, что ли? Наверняка при этих ударах гибнут люди... Каддафи там нет, он уже давно смылся и сидит где-то в убежище, а мирные граждане гибнут. Говорили: «Не хотим убить Каддафи», теперь некоторые официальные лица уже говорят: «Да, стремимся уничтожить Каддафи»» (*yandex.ru, Архив сайта Председателя Правительства РФ, 2008-2012, 26.04.2011, совместная пресс-конференция Председателя Правительства РФ В. В. Путина и Премьер-министра Дании Л. Лекке; р/с «Голос Америки», Вашингтон, корр. А. Григорьев, 27.04.2011*).

Как известно, ливийское государственное информагентство JANA сообщало, что правительство Каддафи официально обращалось к России с призывом провести экстренное заседание Совета Безопасности для того, чтобы «обсудить колониальную и крестоносную агрессию против гражданских объектов Ливии и попытки атаковать лидера Муаммара

Каддафи». Однако, предпринятые было попытки Москвы обсудить сложившуюся ситуацию в Ливии в СБ ООН, по существу остались безрезультатными.

Целесообразно отметить, что западные державы не замедлили оформить признание новой власти Ливии на уровне международного сообщества: по их инициативе Генеральная ассамблея ООН 16 сентября 2011 г. подавляющим большинством голосов приняла решение о том, что Переходная совет считается легитимным представителем Ливии в этой организации. Против выступили лишь представители ряда стран Латинской Америки, прежде всего Венесуэла. Причем, некоторые страны Африки требовали отложить это решение, чтобы «внимательнее присмотреться к деятельности ПНС» (*yandex.ru*, <http://poslezavtra.ua>, «Послезавтра», интернет газета, 18.09.2011).

Западные СМИ с удовлетворением подвели итог по Ливии, что «НАТО, свергнув режим Каддафи, выиграла первый раунд по свержению неугодных режимов на Ближнем Востоке, теперь следующими на очереди остались Сирия и Иран» (*Рейтер*, *p/c «Свобода»*, «*Financial times*», *L.*, ноябрь-декабрь 2011 г.).

В данной связи, характерно утверждение президента Б. Обамы о политической позиции США в отношении начавшихся коллизий на БСВ в 2011 году. Он заявил: «После десятилетия напряженности и разделения, наступил момент, когда у жителей региона и американских политиков появилась возможность «перевернуть страницу» и двинуться к более светлому и обнадеживающему будущему».

Хотя в Триполи была провозглашена и утвердилась новая власть, всячески поддерживаемая Западом и аравийскими

режимами, перспективы стабилизации политической ситуации в Ливии остаются пока весьма спорными. Да, Ливийская Джамахирия и диктаторский режим Муаммара Каддафи пали, но новая власть пока еще не утвердилась уверенно в рамках всей страны и не освоила полностью сферы государственного социального, экономического и политического управления ливийским обществом. Уже начали поступать сведения о вспыхивающих временами недовольствах и вооруженных столкновениях в некоторых районах страны, причем о боях между сторонниками бывшего и настоящего режимов. Так, среди прочего, вызывает настороженность среди ливийцев тенденция «региональных националистов» по автономизации Киренаики с её углеводородными богатствами (Как известно, 6 марта 2012 года старейшины племён и командиры «борцов с тиранией» провозгласили эту провинцию «автономным государством»). Это вызывает противоречия, в том числе, и в рамках правящего Переходного Национального Совета (ПНС) (<http://top.rbc.ru/politics/06/03/2012/>).

В заключение представляется возможным сказать, что в 2011-2012 гг. администрациями держав НАТО был сделан новый шаг по политическому геостратегическому наступлению на мусульманском Востоке: как путем сокращения количества неугодных местных режимов, так и посредством ослабления более или менее серьезных позиций своих геостратегических противников. Теперь северная Африка попала в значительную зависимость от связей с Западом, а вооруженные силы, а также специальные и дипломатические службы западных держав получили возможность перенести свою экспансионистскую активность на азиатскую часть

БСВ. Это в настоящее время наблюдается на примере кризисных событий в Сирии и нагнетания международной напряженности вокруг ИРИ. Если рассматривать международную обстановку образно, как «геостратегическую шахматную партию на БСВ», то «западные партнеры», использовав «начальную» пассивность их «восточных партнеров» (РФ и КНР), оперативно очистили от каких-либо угрожающих «заделов» последних северо-африканскую часть исламского ареала, и таким образом перевели игру указанной «партии» на азиатское «поле» БСВ, которое расположено территориально весьма близко к рубежам «восточных» и удалены от таковых Запада.

Об откровенном цинизме западных правительственных представителей можно приводить множество аргументов. Так, в частности, давая международную правовую оценку «поведению» западных держав в отношении Ливии, российский международник-политолог А. И. Вавилов отметил: «Особенно настораживало то, что в натовских кругах просматривалось явное стремление взять Ливийский сценарий» за образец для аналогичных разрушительных действий по навязыванию воли Запада другим «непокорным режимам» и прежде всего сирийскому. Такое намерение соответствовало духу и букве стратегической доктрины альянса, согласно которой он самовольно присвоил себе право надзирать за безопасностью во всех уголках планеты, превратившись в мирового жандарма (А. И. Вавилов «США и Большой Ближний Восток. Время Б. Обамы», М., 2012, с. 265).

Более того, ряд из руководящих персон Запада открыто демонстрировали свою полную вседозволенность и безот-

ветственность — к примеру, Хилари Клинтон, получив известие о варварском убийстве Муаммара Каддафи, открыто театрально с удовлетворением воскликнула как опереточная героиня. Подобный жест в оперетте с соответствующим весёлым содержанием жанра, возможно, был бы понятен и угоден публике, однако в политике с большими неоправданными жертвами и жестокими самосудами такая «театрально публичная реакция» Госсекретаря США выглядела откровенным цинизмом на уровне агрессивного нацизма.

Москва сделала серьезные выводы из «ливийской трагедии». Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров твердо заявил: «После произошедшей в Ливии драмы, унесшей десятки тысяч жизней под раздающиеся лозунги о защите гражданского населения, мы крайне обеспокоены тем, что некоторые руководители коалиционных сил (из западных держав), а позже и генеральный секретарь НАТО назвали ливийскую операцию некоей «моделью» на будущее. Что касается России, то мы не допустим, чтобы что-либо подобное впредь повторилось» (*www.mid.ru 02.11.2011; А. И. Вавилов «США и Большой Ближний Восток. Время Б. Обамы», М., 2012, с. 265).*

Глава 2

Внутренняя и внешняя битва за Сирию

(предварительный вариант статьи был опубликован в научно-аналитическом журнале «Обозреватель» («Observer»), Москва, № 10, 2012 г.)

ДОЛГОВРЕМЕННАЯ КРОВАВАЯ БИТВА НА АКТИВНО ВСКРЫТОЙ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ, МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ ВНУТРЕННЕЙ АРЕНЕ СИРИИ И РОЛЬ ЗАКУЛИСНОЙ МЕЖДЕРЖАВНОЙ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДУЭЛИ» — СТАВКИ СТРАТЕГИЧЕСКИ ВЕСЬМА БОЛЬШИЕ И ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ.

Антиправительственные выступления, спорадически вспыхивавшие в ряде сирийских городов и районов в последние три года, с марта 2011 г. стали серьезным образом превращать их в опорные пункты оппозиции для организации вооруженной борьбы с центральной властью Сирии. Шаг за шагом они привели страну к кровавому противоборству между Дамаском и разношерстной оппозицией. Лидеры повстанцев требовали безусловной отставки президента Башара Асада и правительства, а также демократизации политической системы.

В свою очередь, центральные власти, пытаясь ослабить давление оппозиции и разрядить конфликтную ситуацию,

стали предлагать постепенное реформирование государственной структуры управления в качестве единственного варианта разрешения внутривластного социального кризиса — парламентские выборы в стране должны пройти в феврале 2012 года. При этом были сделаны определенные практические уступки: 29 марта 2011 года *правительство* Сирии ушло в отставку, на смену которому 14 апреля было сформировано новое, а его премьер-министром был назначен Адель Сафар. Далее, 20 апреля, президент официально подтвердил отмену режима чрезвычайного положения, действовавшего в стране 48 лет.

Однако оппозиция заявила, что это — «запоздалые меры», и продолжила свои вооруженные акции.

В ответ, президент и правительство стали проявлять неуступчивость в дальнейшем переговорном процессе с оппозицией. Данное объясняется тем, что в правящих кругах Сирии пришли к выводу, что за внутрисирийскими коллизиями стоят внешние заинтересованные силы. И это было небезосновательным, что нетрудно просматривается всей логикой дальнейшего развития событий в сирийском обществе и внешней реакцией на них. Подразделения сирийской армии поочередно стали вводиться в города Деръа, Дума, Банияс, Хама, Хомс, Алеппо, Талкалах, Идлиб, Растан, Джиср аш-Шугур, Дейр-эз-Зор, Забадани, Латакия и в ряд других, в которых наблюдались антиправительственные вооруженные акты.

С лета 2011 года лидеры повстанцев и перебежчики из национальной армии приступили к формированию более крупных боевых отрядов, которые начали вооружённую

кампанию против сирийских регулярных подразделений. В результате ожесточенные столкновения вспыхнули на севере, юге и востоке страны, которые усилились к концу года. На этом этапе ряд повстанческих вооруженных подразделений пошли на взаимное объединение, провозгласив образование Свободной армии Сирии, и таким образом стали демонстрировать всё более организованный характер своих боевых операций. В конце 2011 г. повстанцы установили контроль над некоторыми городами и деревнями в провинции Идлиб, а также захватили город Забадани в провинции Риф Дамаск и расположенный недалеко от Дамаска город Дума.

Практически с самого начала вооруженного выступления сирийской оппозиции, особенно с мая 2011 г., США и другие страны, заявляя о жестоком подавлении правительственными силовыми органами протестов и выступлений оппозиции, начали оказывать на сирийского президента Башара Асада нарастающее давление.

Прежде чем определять роль США и других западных держав во внутрисирийском политическом конфликте, небезинтересным представляется представить материалы о двойных стандартах их подхода к событиям в указанной стране. Так, в монографии российских исследователей М. Мусина и Эль-Мюрида «Сирия, Ливия далее везде! Что будет далее с нами» было отмечено, что «США и Турция на нефтедоллары Катара и Саудовской Аравии активно дестабилизируют ситуацию в Сирии. В то время как Хилари Клинтон убеждает мировое сообщество в необходимости военной интервенции в Сирию, ЦРУ активно поддерживает и тренирует боевиков. США и их союзники по НАТО вербовали главарей террористиче-

ских организаций и обычных уголовников из разных стран мира в качестве наемников, а затем готовили их в специальных лагерях на турецкой и ливанской территориях» ... «границу с Сирией перешло до 10 тысяч профессиональных наемников, боевиков и террористов, имеющих на вооружении 50 танков и БМП, десятки ПЗРК. А президент США Б. Обама подписал секретный указ о разведывательном и коммуникационном обеспечении военных операций ССА (т.н. «Сирийская Свободная Армия») (М. Мусин и Эль-Мюрид ««Сирия, Ливия далее везде! Что будет далее с нами», М., 2013, сс. 126-127, 150).

Такой подход со стороны внешних сил предопределил массовые потери среди сирийского населения. По утверждению иностранных корреспондентов, уже к концу 2011 года количество жертв по вине противоборствующих в Сирии сторон (правительственных войск и повстанцев) составило около 5 тысяч человек (а на июль 2012 г., по данным ООН, — уже 16 тыс. чел.). В мировых СМИ появились многочисленные иллюстрации разрушений многих военных и хозяйственных объектов, а также жилых построек в различных регионах Сирии. Ситуация острого внутривосточного кризиса приняла затяжной характер.

На этом основании президент США Б. Обама подписал указ о замораживании активов Б. Асада и еще шестерых высших сирийских чиновников в американских финансовых учреждениях. В руководстве НАТО принялись обсуждать вопрос о вооруженном вмешательстве сил альянса в Сирии (естественно, для свержения существующего в стране режима). Особенно, инициативу в данном отношении проявлял президент Франции Н. Саркози, который усердно призы-

вал Б. Асада уйти в отставку, а иначе встанет вопрос в НАТО о направлении «миротворческих» вооруженных сил в Сирию (*агентство Франс Пресс. РИА «Новости», 03.01.12*).

Лига рабских стран (ЛАГ), со своей стороны, после ряда совещаний, в которых ощущалась инициативность представителей арабийских монархий, отправила в Дамаск группу наблюдателей, чтобы «разобраться» в сложившейся кризисной ситуации в Сирии. Естественно, настрой в Лиге принял скорее антиправительственный характер. Так, в ноябре 2011 г ЛАГ приостановила участие Сирии в заседаниях этой организации. Как заявил по итогам внеочередного совещания комитета глав МИД Лиги по Сирии премьер-министр и МИД Катара шейх Хамад бен Джасем Аль Тани, «членство Дамаска не будет восстановлено, пока сирийское руководство не выполнит все пункты межарабского плана по нормализации обстановки в стране. Иначе, решение о приостановке членства Сирии в ЛАГ вступит в силу уже 16 ноября». Кроме того, Лига призвала арабские правительства отозвать послов из Дамаска. Она также обратилась с призывом к сирийской армии остановить насилие против демонстрантов, а к оппозиции как внутри страны, так и за рубежом, — собраться в течение трех дней в Каире под патронажем Лиги. От имени данной организации было рекомендовано ввести экономические и политические санкции против официального Дамаска, если тот не начнет выполнять взятые им в рамках межарабской инициативы обязательства. В то же время они указали на необходимость решения внутрисирийского кризиса исключительно силами ЛАГ, без иностранного вмешательства (*ITAR-TASS, 12.11.2011*).

В ответ Дамаск заявил, что решения ЛАГ в свой адрес означают, что эта организация отказывается от возможности объективно содействовать урегулированию ситуации в Сирии.

Агентство Франс Пресс сообщило, что США и Европейский союз (ЕС) поддержали решение Лиги арабских государств (ЛАГ) приостановить членство Сирии в этой организации. В частности, Президент Соединенных Штатов Барак Обама заявил, что «поддерживает инициативу ЛАГ завершить политический кризис (в Сирии) и возложить ответственность (за него) на сирийское правительство». Далее Обама отметил: «Мы продолжим работать с нашими друзьями и союзниками над тем, чтобы оказывать давление на режим Башара Асада и поддержать народ Сирии в тот момент, когда он требует уважения (к себе) и демократической передачи власти». Кроме того, в поддержку решения приостановить членство Сирии в ЛАГ высказались глава МИД Франции Ален Жюппе и министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг (РИА «Новости», 12.11.2011).

Москва же сочла необъективными решения Лиги арабских государств по сирийскому вопросу. Глава МИД РФ Сергей Лавров сказал: «Мы считаем неправильным приостановку членства Сирии в ЛАГ. Те, кто это решение принимал, утратили очень важную возможность перевести ситуацию в более транспарентное, то есть в более прозрачное русло».

Принципиальная «битва иностранных гигантов за Сирию» в лице мировых держав приняла активные формы и затяжной характер в стенах ООН, и в том числе в Совете Безопасности ООН. Как известно, Москва и Пекин дистанцировались от по-

зиции, занятой западными державами. 29.04.2011 г. по инициативе США на специальной сессии Совета ООН по правам человека была принята антиасадовская резолюция, за которую проголосовало немногим более половины членского состава этого органа. Россия, Китай и еще 7 государств голосовали против, 11 стран воздержались или не участвовали в голосовании (А. И. Вавилов «США и Большой Ближний Восток. Время Б. Обамы», М., 2012, с. 225).

Говоря о действиях западных оппонентов в СБ ООН по сирийскому вопросу, российская делегация утверждала, что для Запада важнее отвлечь внимание от деятельности незаконных вооруженных групп, получающих оружие и советы и другие виды содействия из-за рубежа — ведь позиция Запада настроена на осложнение политической ситуации в мусульманском ареале БСВ и на устранение антиимпериалистических правительств. «Им (то есть США и их европейским партнерам) это важнее, чем достичь консенсуса в Совете Безопасности», — сказал Лавров. <...> Он же напомнил: «Что касается таких на грани истерики обвинений в том, что Россия и Китай блокируют западные варианты резолюций, которые открывали светлый путь к урегулированию, то целесообразно сказать только то, что право вето предусмотрено уставом ООН. Его использование является неотъемлемой частью мироустройства, основанного на уставе ООН. Не случайно отцы-основатели этой международной организации настояли, чтобы любое решение могло быть принято только, если совпадают голоса пяти постоянных членов СБ ООН» (РИА «Новости», 06.02.2012).

Оценивая российскую и китайскую позиции в целом,

можно сказать, что в Москве и Пекине опасаются повторения в Сирии «сценария» Ливии, где при санкционированной СБ ООН поддержке ограниченных действий войск НАТО, которая на практике приняла весьма большие масштабы, местная оппозиция смогла свергнуть режим Муамара Каддафи, но стабильность в ливийском обществе восстановить так и не удалось. Следует сказать, что многие страны «третьего мира» разделяют такую точку зрения, и выражают поддержку выступлениям «восточных» мировых держав в СБ ООН, Так, в частности, активный партнер Дамаска Иран считает верным решение РФ и КНР о вето на санкции ООН по Сирии.

Однако, остается фактом то, что значительные массы местного населения (прежде всего молодежи и подростков) в Сирии уже выведены на улицы городов, экзальтированы и вооружены. В результате растет число жертв среди сирийцев — это делает политическую ситуацию малоуправляемой и подверженной влиянию местных экстремистских и внешних сил: то есть расширяются возможности и пути «по раскручиванию» социально-политического кризиса в стране. Причем, и ЛАГ признала безрезультатность попыток остановить этот процесс (*WSJ: «Газета».Ru, 03.01.12*).

Развитие внутрисирийского социально-политического кризиса происходило в условиях грубого прямого иностранного вмешательства западных держав во внутренние дела страны. Не случайно, премьер-министр республики Адель Сафар на встрече с патриархом Московским и Всея Руси Кириллом заявил, что, Сирия подвергается беспрецедентному давлению извне. По словам А. Сафара: «Сирия может гор-

даться мирным сосуществованием последователей разных религий. Однако, к сожалению, сейчас мы переживаем этап, когда наша страна подвергается беспрецедентному нажиму с целью разрушить это единство» (BBC, Россия, 12.11.2011).

В результате многостороннего давления и шантажа со стороны внутренних и внешних сил, в начале 2012 года Башар Асад, президент Сирии, выступил с обращением к согражданам о принципиальных перестановках при формировании правительства страны: он объявил о возможности вхождения оппозиционных сил в состав кабинета министров. Причем, это происходило на довольно противоречивом и напряженном фоне: присутствия наблюдателей из Лиги арабских государств в Сирии и существенного ожесточения боев между повстанцами из так называемой «Свободной армии Сирии» и войсками правительства. Хотя указанные наблюдатели пока воздерживались от окончательных выводов, данное развитие политического диалога вызвало неприятие у оппозиционеров, которые полагали, что те замалчивают факты применения оружия против митингующих. Более того, проявляя определенную гибкость, сирийское правительство выпустило из мест заключения более пятисот политических заключенных (*RLN. FM, 03.01.2012*).

В пользу гибкости политической линии Дамаска в конфликте с оппозицией говорит и тот факт, что 26 февраля 2012 года в Сирии был проведен референдум по проекту новой конституции. В обнародованных итогах этого события было сообщено, что в референдуме приняли участие почти восемь с половиной миллионов граждан Сирии, достигших 18 лет, что составляло 57,4% от списка избирателей. Явка

избирателей различалась, в зависимости от района: так в Латакии она была зарегистрирована на уровне 72%, в Тартусе — около 80%, зато в Хомсе и Идлибе референдум можно считать несостоявшимся, так как, боевики, контролировавшие эти города, не дали проголосовать мирным гражданам. <...> Новый Основной закон Сирии упразднил главенствующее положение правящей политической партии «Баас», провозгласив равные возможности в выборах в парламент и исполнительные органы для всех политических партий. К участию в референдуме были допущены более 14 миллионов граждан Сирии. Министр внутренних дел Мохаммед аль-Шаар заявил, что 89,4% участвовавших в референдуме избирателей одобрили представленный проект конституции. Правительство Башара Асада расценило конституционный референдум, как шаг на пути реформ. Таким образом, руководство республики рассчитывало, что принятие новой Конституции поможет вывести страну из политического тупика. Оппозиция, в свою очередь, посчитала референдум «политической игрой» и призывала население к его бойкоту.

США расценили прошедший референдум как попытку удержаться у власти. «Мы отклоняем результаты референдума, как абсолютно циничные. По сути, он (Башар Асад) поставил кусок бумаги, который он контролирует, на голосование, чтобы он мог попытаться сохранить контроль», — заявила пресс-секретарь Госдепартамента США Виктория Нуланд. Совет Европейского союза же, как сообщила пресс-секретарь Совета Сюзан Кифер, согласился на введение новых санкций в отношении Сирии после того, как его министры иностранных дел встретились в Брюсселе. По ее словам, счета семи

сирийских министров в ЕС будут заморожены, и им будет запрещен въезд на территорию стран Союза. Наряду с этим были также заморожены активы сирийского Центробанка в ЕС. В дальнейшем санкции Запада в отношении Дамаска еще более ужесточились (*www.scan-interfax.ru, 24.05.2011; SalamNews, NEWSru.com, 24.11.2011*).

Таким образом, «битва за Дамаск» внутри и во вне приняла довольно затяжной и ожесточающийся характер, так как по существу от её исхода решалась судьба существования исторически сложившегося и сравнительно активно функционировавшего «фронта» антиимпериалистически настроенных государств на БСВ. — Такова принципиальная геостратегическая «операция» Запада.

Ввиду нараставшей угрозы высадки иностранных военных контингентов на территории Сирии, Москва еще в 2011 г. предприняла меры, чтобы не допустить использование сирийских портов для осуществления этих операций. Поэтому 19 ноября 2011 г. в трехмесячный поход в Средиземное море и Атлантику была отправлена авианосная группа кораблей в составе авианосца «Адмирал Кузнецов», с авиакрылом из 8 истребителей Су-33, нескольких МиГ-29К, двух вертолетов ПЛО (противолодочной обороны) Ка-27, а также в сопровождении большого противолодочного корабля «Адмирал Чебаненко». В течение некоторого времени эта группа проводила учения вблизи порта Траблус (Тартус, сирийская провинция Латакия) («Независимая газета», «Коммерсант». ИТАР ТАСС, 20.11.2011).

Данное решение, как и общая настороженность Москвы в отношении планов Запада в отношении Сирии, имели

под собой серьезное основание. Так, частности, 4 января 2012 г. администрация Обамы создала специальный секретный комитет для подготовки «вариантов» помощи сирийской оппозиции. Сформированную для этого немногочисленную группу чиновников Госдепартамента, Пентагона, министерства финансов и других госучреждений возглавил Стив Саймон из Совета национальной безопасности. Она действует в обход обычных процедур взаимодействия между правительственными учреждениями. Один из членов группы, Фред Хоф из Госдепартамента, в декабре назвал сирийское правительство «ходячим покойником» (журнал «Foreign Policy», Wash., 28.12.2011).

Между прочим, представляется целесообразным для выявления практической деятельности внешних сил, заинтересованных в смене политического руководства в Сирийской Республике, остановиться на некоторой более конкретной информации, прошедшей на страницах известных изданий западных СМИ.

В частности, один из вариантов, разрабатывавшихся в этом направлении, предполагал помощь Сирийскому национальному совету (SNC) — организации оппозиции, базировавшейся в Лондоне, и призывавшей к международной военной интервенции в Сирию. В данной связи, один из функционеров SNC, исполнительный директор лондонского Стратегического исследовательского и коммуникационного центра Осамы Монаджед опубликовал статью «Безопасная зона для Сирии». В ней он практически слово в слово повторил «Интервенцию в Сирию», опубликованную 20 декабря 2011 г. лондонским Обществом Генри Джексона (как известно, эта

организация проводит в жизнь старую имперскую традицию британского Круглого стола, программу вечной войны и уничтожения национального государства). Видные члены Общества Джексона — это представители высших кругов и спецслужб Великобритании, такие, как сэр Ричард Дирлав, в 1999-2004 гг. возглавлявший английскую МИ-6 при Тони Блэре. Это общество являлось английским консультантом американских неоконсерваторов, формировавших политику при Джордже Буше-старшем, выступало советником таких политических авторитетов, как Джеймс Вулси, Ричард Перл, Вильям Кристол и Джош Муравчик и др.

Сценарий военного нападения на Сирию (в статье «Интервенция в Сирию») разработал Майкл Вайс, возглавлявший службу коммуникаций Общества Джексона. Инструкция начиналась с рекомендаций по созданию «предлога» для иностранной вооруженной интервенции. Если бы такой предлог не предоставил Совет Безопасности ООН, то было возможным использовать любые обвинения режима Башара Асада. Кроме того, Генеральная Ассамблея ООН могла прибегнуть к принятию исключительной резолюции (конечно, антиасадовской). Далее в сценарии писалось: «Военная интервенция может начаться превентивными воздушными ударами английских, французских, турецких и американских соединений, после чего последует наземная операция для создания «сирийской зоны безопасности» — сирийского «Бенгази», оперативной базы мятежников». Причем, Вайс повторил аргументацию, использовавшуюся в свое время перед вторжением в Ирак: «Сирия слаба в военном отношении и не сможет оказать серьезного сопротивления. Хезболла ничего не смо-

жет сделать. Россия не вмешается, что бы ни говорили в Москве» (*larouchepub.com*, 05.01.2012).

Осама Монаджед принял концептуальный проект М. Вайса с незначительными поправками.

Входящий в SNC Сирийский наблюдательный совет по правам человека (при лондонском Стратегическом исследовательском и коммуникационном центре) является по существу единственным источником информации для мировых СМИ о количестве жертв в Сирии; их данными пользуется даже Комиссия по правам человека ООН. По отзывам Фила Джиральди, бывшего сотрудника ЦРУ, аналитики ЦРУ скептически относятся к этой информации, равно как и к информации о массовом дезертирстве из сирийской армии и ожесточенных столкновениях между дезертирами и войсками, лояльными правительству. Они также знают, что мятежников вооружают, обучают и финансируют иностранные правительства (*larouchepub.com*, 05.01.2012; «*Figaro*», 23.01.2012; «*Financial times*», 04.02.2012).

В этом аспекте различные СМИ признавали, что оборонительное и наступательное вооружение поставляется в Сирию в том числе и из западных стран, хотя поставки и не санкционируются напрямую их правительствами. Поэтому оппозиция не испытывает проблем с получением вооружения из-за рубежа (*РБК*, 24.02.12). Причем, информантами из среды сирийской оппозиции отмечалось, что иностранные державы попустительствуют закупкам оружия через сирийских эмигрантов, которые провозят контрабандой легкое оружие, средства связи и очковые приборы ночного видения для повстанцев внутри Сирии (*Переводика*, 25.02.12).

Реакция Москвы в отношении сведений о вооружении сирийской оппозиции из-за рубежа была следующей: МИД подчеркнул: «Призывы к вооружению сирийской оппозиции, в числе которой есть «Аль-Каида», идут вразрез с международным правом» (*Русская Служба Новостей*, 28.02.2012). Официальный представитель МИД России Александр Лукашевич выступил с обращением к Совбезу ООН, осуждающим заявления представителей ряда стран о возможном вооружении сирийской оппозиции. В частности, дипломат напомнил о том, что ряд участников недавней встречи так называемой группы «друзей Сирии» в Тунисе, включая Саудовскую Аравию и Катар, призвали поставлять оружие сирийским оппозиционерам (*«Коммерсантъ-Online»*, 28.02.2012).

Далее, Москва объявила о своем решении обратиться в контртеррористические структуры ООН с требованием прояснить намерения официальных лиц ряда государств, которые выступают за вооружение боевых отрядов сирийской оппозиции, связанной с «Аль-Каидой» (*РИА Новости*, 28.02.2012).

Таким образом «борьба за Сирию» на «внешнем фронте» в течение 2011-2012 гг. продолжала идти противоположными курсами без каких-либо признаков сближения позиций между западными и восточными державами.

Сближение сторон в сирийском конфликте осложняет то, что по своим масштабам он вылился в гражданскую войну. Об этом объявили как Международный Комитет Красного Креста, так и ООН. Противники режима Б. Асада, при этом, стали говорить, что теперь и к Сирии вполне применимы положения международного права о военных преступлениях, а Грегори Стэнтон — руководитель организации Genocide

Watch и экс-президент Международной ассоциации исследователей геноцида, заявил, что режим Башара Асада проводит в стране политику геноцида (*р/с «Голос Америки», 17.07.2012*).

Внешнее давление на правящий режим в Сирии приобрело крупномасштабное международное звучание. 17 февраля 2012 г. Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию, выражавшую осуждение режима Башара Асада и полную поддержку требований ЛАГ. За резолюцию проголосовали 137 государств, 17 государств воздержались. Против проголосовали 12 государств: Россия, Китай, Иран, Венесуэла, КНДР, Боливия, Белоруссия, Зимбабве, Куба, Никарагуа, Эквадор, Сирия (*«Известия», «Коммерсант», «Независимая газета», М., 18.02.2012*).

Хотя в поддержку центрального правительства Сирии в ООН выступил только ограниченный круг государств, однако гораздо большее число стран заявили о неприемлемости варианта внешнего вооруженного вмешательства в этой стране. В частности, 7 июня 2012 г. страны-участницы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) приняли декларацию, в которой предостерегли Запад от военных операций в Сирии и Иране (*«Женьминжибао» (КНР), «Казахстанская правда», «Российская газета», «Комсомольская правда», 08.06.2012*).

Западные и восточные державы вплоть до сегодняшнего дня отстаивают свои противоположные друг другу позиции и проводят соответствующие мероприятия для поддержки своих подходов к сирийской проблеме. Так, в Женеве 30 июня 2012 г. состоялась международная встреча по Сирии. В ней приняли участие главы ООН и Лиги арабских государств, министры иностранных дел России, США, Великобритании, Китая, Франции, Турции, Ирака, Кувейта, Катара

и руководитель дипломатии ЕС. На этой встрече и позже Москва, отстаивая свою принципиальную позицию, предложила провести конференцию по Сирии, чтобы в ней, кроме первоначального списка участников (кто был в Женеве 30 июня), «фигурировали еще и все влиятельные внешние партнеры, и в том числе Саудовская Аравия, Иран и Организация исламской Конференции ОИК) (*РИА Новости*, 16 июля 2012).

МИД РФ Лавров при этом постоянно подчеркивал, что ныне сложившийся диалог «не является деловым подходом» и не помогает делу. «Все понятно, что и с Ираном, и с Саудовской Аравией нужно разговаривать, что Кофи Аннан и делает, но было бы гораздо полезнее, чем просто привлекать их потом на разовой основе через Кофи Аннана, пригласить их, чтобы они сидели за тем же столом переговоров и помогали выработать дееспособные решения» (*РИА Новости*, 16 июля 2012).

Выступая далее по сирийскому вопросу, глава МИД Сергей Лавров высказал точку зрения, что последние события показывают, что некоторые западные партнеры Москвы «недоговороспособны». При этом Запад уже открыто шантажирует Россию своим проектом резолюции, разрешающим вооруженное вторжение в страну <...> Однако, Москва все еще рассчитывает договориться с коллегами по Совбезу ООН о выработке единой позиции по Сирии (*ИТАР ТАСС*, 17.7.2012).

Неуступчивость Запада в его жестком давлении на оппонентов по сирийской ситуации особенно проявлялась во время, когда военная ситуация в Сирии обострялась. Так, в июле 2012 года вооруженные отряды оппозиции установили контроль над пограничными пунктами на иракской гра-

нице, а также на двух заставах на турецкой, а в результате взрывов и покушений погибли десять высокопоставленных силовиков сирийского правительства, включая МО и руководителей разведки. Кроме того, ее вооруженные группы появились на окраинах Дамаска. В данной связи, сирийские повстанцы объявили о начале тотальной наступательной операции против правительственных сил под названием «Вулкан в Дамаске — землетрясение в Сирии» (*Франс Пресс, «РИА Новости», 17.07. 2012*).

Этим то и пытались воспользоваться западные державы в СБ ООН, поставившие на голосование английский проект резолюции, предусматривавший ввод иностранных военных контингентов в Сирию, но и на этот раз РФ и КНР наложили вето на данный проект и предложили продление на 45 дней мандата комиссии наблюдателей ООН во главе с Кофи Аннаном. То есть разность подхода к сирийскому вопросу со стороны Запада, с одной стороны, и России и КНР — с другой, сохранилась и даже ожесточилась, так как Палата представителей Конгресса США приняла поправку, запрещающую Пентагону сотрудничать с российской госкомпанией «Рособронэкспорт» в связи с тем, что она осуществляла поставки вооружений правительству Сирии. В поддержку этого решения, которое было оформлено как один из пунктов проекта военного бюджета Соединенных Штатов на 2013 финансовый год, высказались 407 законодателей, против — пять. Причем, американские законодатели продемонстрировали свою решимость наказывать всех своих оппонентов, если они выступают против позиции Вашингтона. Как раз полемика по сирийскому вопросу и послужила таким поводом

для санкций: голосование в нижней палате Конгресса США состоялось спустя несколько часов после того, как Россия и Китай наложили вето в Совете Безопасности ООН на проект резолюции по Сирии, подготовленный западными странами. Также жестко в Вашингтоне и западно-европейских столицах прореагировали на сообщения из Дамаска о возможности использования химического оружия, если страна подвергнется внешней вооруженной агрессии (р/с «Голос Америки», 13.07.2012). Однако, при этом, в ходе голосования 20 июля 2012 г. Совет безопасности ООН единогласно продлил миссию наблюдателей ООН в Сирии на 30 дней, но, как заявила постоянный представитель США при ООН Сюзан Райс, только с тем, чтобы подготовить ее вывод из страны. Она сказала: «Мы надеемся, что при этом вывод приоритет будет отдан сотрудникам ООН, занимающимся вопросами безопасности. <...> США рассчитывали, что Совет безопасности ООН примет проект резолюции, предусматривавший санкции против Сирии, что, по ее словам, помогло бы обеспечить успех миссии» (р/с «Голос Америки», 20.07.2012).

В 2013 году ожесточенное внутреннее противоборство в Сирии продолжилось. Вплоть до мая военные действия между правительственными войсками, с одной стороны, и подразделениями разношерстной оппозиции — с другой, происходили практически во всех провинциях страны. Это ещё более разрушала Сирию экономически и как единое многонациональное сообщество. Спекулируя на этом, внешние оппоненты режима Башара Асада усиливали давление на Дамаск, чтобы вырвать власть из рук правящего режима и передать её оппозиционерам, связанным с проамери-

канскими режимами Катара и Саудовской Аравии и членом НАТО — Турцией. Активно в травлю правительства Асада включился Вашингтон, угрожавший расширить поставки вооружений и предоставление финансовой помощи сирийским оппозиционерам. Москва, предприняв защитные меры, послав в восточное Средиземноморье группу военных кораблей и продолжая поставки вооружений Дамаску по прежде заключенным контрактам, настаивала на проведение переговоров между противоборствующими сторонами для политического разрешения внутреннего сирийского конфликта. Таким образом раскачивались дипломатические качели внешних оппонентов Сирии.

И вот в конце мая 2013 года правительственные войска предприняли обширные наступательные операции против вооруженной позиции в различных провинциях страны. Крупномасштабное наступление развернуто было сразу на четырех фронтах: в Эль-Кусейре (провинция Хомс), в провинции Хама, в районе Барзе в провинции Дамаск и в Дераа на юге страны рядом с Иорданией (*www.km.ru, 20.05.2013*).

Но главным из наступательных направлений оказался город Эль-Кусейр, где проживают около 25 тысяч человек. Он около года находился в руках вооружённой оппозиции. Город расположен вблизи границы с Ливаном и имеет важное стратегическое значение. Через этот регион на сирийскую территорию для оппозиционных вооруженных формирований перебрасывалось до 60% оружия и боевиков (после того, как сирийская армия с тяжелыми боями несколько ослабила каналы переброски вооружений через турецко-сирийскую границу в район Алеппо, а также через сирийско-иорданский

пограничный участок). Сирийско-ливанский пограничный регион фактически стал главным в проникновении оружия извне. Занятый оппозиционерами регион Аль-Кусейра по существу отсекал Дамаск от побережья. Более того, согласно оценке Тель-Авива и Вашингтона, до 80% тяжелых видов вооружения, переданных в Ливан Ираном и Сирией враждебной Израилю шиитской военизированной организации «Хезболла», шли через Аль-Кусейр.

Осада Эль-Кусейра правительственными войсками длилась несколько недель. Сирийская армия сражалась с тысячами боевиков организации «Джабхат аль-Нусра», которая является ячейкой «Аль-Каиды» в Сирии. Следует отметить, что в этой операции снова проявилась конфессиональная конфронтация между воюющими сторонами. В боях за Эль-Кусейр на стороне сирийской армии воевали подразделения ливанской шиитской организации «Хезболла». Глава «Хезболлы», шейх Насралла, открыто признал участие его сподвижников в этих боях ради защиты проживающих в окрестностях города меньшинств, прежде всего, шиитов. По данным ООН, в ходе операции были убиты и ранены более 1,5 тыс. человек. Город был полностью очищен от террористов (*NEWSLAND, 05.06.2013*). Правительственные войска стали перебрасываться к Алеппо, Хомсу, а также в восточные районы страны.

Используя тот факт, что сирийская армия перешла в наступление в Эль-Кусейре, т. н. «национальная коалиция оппозиционных и революционных сил Сирии», заявила о своем отказе от участия в конференции «Женева-2». Инициаторами мирных переговоров в Швейцарии выступали Россия и США.

Изначально говорилось о том, что встреча может быть успешной только в том случае, если стороны сядут за стол переговоров без каких-либо предварительных условий (*russian.rt.com., NEWSLAND, 05.06.2013*).

Чтобы определить причины выступлений и согласия на примирение сирийской оппозиции следует учесть её большую зависимость от аравийских спонсоров, особенно от Катара, который, как сообщило агентство «anna-news.info», уже вложило в указанную оппозицию более 3 млрд. долл, а с апреля 2012 по март 2013 гг. осуществило 70 грузовых авиарейсов с оружием и боеприпасами через Турцию для вооружённых группировок. (Иван Гладиллин, *km.ru, NEWSLAND, 05.06.2013*).

Тель-Авив, удовлетворенный происходящими в соседней Сирии трагическими событиями, разрушающими её, не приминул воспользоваться таким удобным обстоятельством: в начале мая 2013 г. нанес ракетный удар по ряду военных объектов Сирии. Дамаск заявил, что оставляет за собой право на ответ, а президент Сирии Башар Асад пригрозил Израилю в случае повторения ракетного удара по сирийской территории полномасштабной войной. британский еженедельник «Санди Таймс» сообщил, что сирийская армия нацелила на Израиль ракеты класса земля-земля «Тишрин». Ракетным войскам Сирии был отдан приказ о нанесении удара по Тель-Авиву в случае, если израильская армия вновь атакует объекты на сирийской территории (*The Sunday Times, 10, 18,05.2013*).

Ещё большее беспокойство у Израиля. США, Британии и Турции вызвали поставки Сирии новейших противокорабельных ракет «Яхонт» и других более совершенных кры-

латых ракет, оснащенных сверхсовременным радаром, который увеличивает их эффективность, а Москва усилила свою группировку ВМС у берегов Сирии. Кроме того, были согласованы поставки до конца 2013 года боевых самолетов МиГ-29ММ2 (по контракту, заключенному еще в 2007 году (*NEWSLAND, 31.05., 01.06.2013*)).

Далее, стали широко распространяться слухи о возможном появлении у Дамаска российских систем противовоздушной обороны С-300 (согласно информации, предоставленной Израилем, речь идет о шести пусковых установках и 144 ракетах, контракт на поставку которых оценивается в 900 млн долларов, *«Wall Street Journal», USA, 09.05.2013*). Таким образом, Сирия была гарантирована от вооруженного вмешательства извне (*NEWSLAND, 17.05.2013*).

Реакция Запада была следующей: на встречах МИД РФ и США, а затем 13 мая в Сочи Путина и премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона российская сторона изложила свою известную позицию, что поставки вооружений Сирии могут осуществляться только по прежде заключенным контрактам и в случае, если не прекратятся поставки вооружений извне повстанцам; а МИД РФ Сергей Лавров подчеркнул, что Россия выполняет давно подписанные контракты на поставку лишь оборонительного вооружения, чтобы Сирия могла защитить себя от ударов с воздуха (*«Российская газета» – www.rg.ru, 08, 21.05.2013*).

Ввиду того, что 22 мая 2013 года западные державы отменили эмбарго на поставки вооружений в Сирии, а руководители этих государств приложили усилия для принятия однобокой антисирийской резолюции на Генассамблее ООН,

а также не дали согласия на проведение примирительной конференции по Сирии (в развитие женеvской конференции, которая состоялась в июне 2012 года) с участием Ирана, российская сторона заняла противостоящую позицию на стороне сирийского законного правительства. Поэтому проведение новой примирительной конференции было перенесено пока на июль 2013 года (*NEWS.ru: 29 мая 2013 г.; РИА Новости, 05.08.06.2013*). Однако, не исключено, что такая конференция сможет состояться только где-то в неопределенном будущем.

В качестве предварительного вывода о затянувшихся внутреннем конфликте в Сирии и дипломатической дуэли между державами представляется целесообразным сказать следующее: как видно из двухлетнего противоборства сторон в Сирии и вокруг нее, страна разрушена, рассечена трещинами на множество социальных слоев, а также по национально-религиозным и территориальным сегментам. Причем, внешний фактор в лице мировых держав и ряда заинтересованных международных организаций по-прежнему активно влияет на развитие политической ситуации в Сирии. Иностранная помощь воюющим сторонам не прекращается. Местное население страны, в зависимости от религиозной, этнической и политической принадлежности, находится под прессом шантажа: возможных актов физических расправ и изгнания из родных мест. Воспользовавшись сложившейся трагической ситуацией в Сирии, иностранные идеологи вещают о продолжении плохой судьбы этой страны и на перспективу. Так, мировые СМИ и политологи-эксперты утверждают, что это — «тупик». Вместе с тем, в вооруженной борьбе за власть в Сирии произошел перелом — правительственные войска одержали победу в принципиальном сражении за контроль над сильно укрепленным регионом на сирийско-ливанской

границе, который был основным в снабжении оппозиции вооружениями и кадрами из-за рубежа. Как определили международные эксперты, данный факт значительно облегчает задачу режиму президента Башара Асада подавить сопротивление вооруженной сирийской оппозиции на остальной территории страны.

Если оценивать итоги гражданской войны в Сирии с точки зрения реализации американской концепции «Большого Ближнего Востока», представляется целесообразным констатировать, что определенные результаты Вашингтоном достигнуты: Сирия, хотя и сохранила свою целостность, вместе с тем еще много лет будет залечивать нанесенные ей раны, будет заниматься нейтрализацией сильно обострившегося внутри страны этноконфессионального и социального антагонизма, а также восстановлением своих позиций в международной сфере. То есть Сирия, также как и Афганистан, Ирак и Ливия, оказывается отброшенным на несколько десятилетий назад в своем естественном развитии, находится под прессом угрозы начала процесса территориального распада. При этом не следует упускать из виду, что серьезные потери для своей стабильности и развития претерпевают и другие страны БСВ — Египет, Иран и т.д. Инициатива в формировании общего политического климата в регионе все более стала принадлежать аравийским монархиям, а, следовательно, прозападным режимам.

Глава 3

Исламская Республика Иран и действие экспансионистского фактора американских интересов на БСВ

В течение последних десятилетий Исламская Республика Иран и державы Запада представляют собой феномен международных отношений. Между ними задействован комплекс принципиальных стратегических противоречий по ряду важных направлений: в идеологическом — противоборство шиитско-исламского мировоззрения внедрению империалистического фактора Запада в мусульманский ближневосточный ареал; в экономическом — борьба за контроль над энергетическими ресурсами как над национальными, так и в области мировых цен на них; в ядерно-технологическом — борьба за право создавать собственную атомную промышленность.

В рамках данной главы рассматриваются только две составляющие из названных противоречий: энергетическая, точнее углеводородная — как расходятся позиции Ирана и Запада по условиям поставок нефти и газа на мировой рынок и ценообразованию на них; ядерно-технологическая.

1. Иранские углеводороды и противоборство на мировом рынке

Как известно, США и Великобритания в течение большей части XX века являлись ведущими определителями условий реализации углеводородов на мировом рынке — жестко привязали цены на нефть к американскому доллару и во многом контролировали этот процесс через свои монопольные биржи в Нью-Йорке и Лондоне через установленные стандарты: техасская «Light Sweet» и английская «Brent» — условно «легкая» и «тяжелая» нефть. Таким образом, осуществлялась прямая взаимосвязь интересов нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих транснациональных корпораций с политическими кругами западных держав (<http://www.energospace.ru>, 14.03.2008).

Однако, начиная уже со второй половины прошлого столетия, крупные поставщики нефти на международные рынки, сначала через ОПЕК, а затем дополнительно через российскую «Ural», стали постепенно теснить в мировой торговле монополию указанных империалистических корпораций в области реализации и ценообразования нефти.

В данной связи, представляется целесообразным рассмотреть эту проблему с точки зрения роли Исламской Республики Иран в указанном процессе.

а) ведущие потребители углеводородов

Как известно, современное мировое сообщество в энергетической сфере делится на две большие группы государств: на страны, обладающие запасами углеводородов, превышающими их внутреннее потребности, и экспортирующими

данные природные богатства; на страны, ввозящие в больших объемах углеводороды из-за рубежа. Крупнейшими импортерами этой категории продукции выступают державы Запада, а также Китай и Индия.

Так, в США до 2012 года 90% из потребляемой американцами энергии приходилось на углеводороды (41% — нефть, 26% — газ, 23% — уголь). Причем, только по углю национальная экономика полностью опирается на внутренние источники. По поступающей информации от международных агентств, уже в 2012 году США, благодаря интенсивно развивающимся разработкам по добыче сланцевой нефти, стали сдерживать рост импорта данной продукции.

Штат Северная Дакота является вторым по величине производителем нефти в США, уступая лишь Техасу. В последние два года, добыча нефти в Северной Дакоте выросла более чем в два раза, и в пять раз по сравнению с 2006 годом. По добыче нефти Северная Дакота сейчас обгоняет Аляску, она удовлетворяет три процента потребления нефти в США. Она также добывает десять процентов всей нефти Соединенных Штатов. Баккен является крупнейшим нефтяным пластом, открытым за последние сорок лет. Предполагаемый объем нефти в месторождении в целом составляет, возможно, 900 миллиардов баррелей, что больше, чем во всем Персидском заливе (747 млрд. баррелей). По данным Геологической службы США, это нефтяное образование расположено в бассейне Williston, крупнейшем бассейне «непрерывного типа», простирающимся от Канады до Северной Дакоты и Монтаны. В мае 2013 г. американский импорт сырой нефти вырос до 8,909 миллионов баррелей в день, что, по данным *Управле-*

ния по энергетической информации (EIA), является самым большим количеством с октября 2011, и это несмотря на вклад Северной Дакоты. По итогам 2012 г. импорт нефти составлял 8,492 млн барр. в сутки (по данным управления по энергетической информации. (Energy Information Administration — EIA) минэнерго США) (Вашингтон. 28 февраля. OilCapital.ru.; Проблемы сланцевой нефти в Америке — Svargatan Опубликовано Svargatan Янв 5, 2013 в Международные дела).

США пока остаются мировым лидером по импорту нефти, около 25%, и природного газа — 16% от мирового импорта. Канада является крупнейшим поставщиком нефти по состоянию на май (2.378 миллиона баррелей в день), Саудовская Аравия, занимает второе место (1.465 млн. б/д), Мексика третья (956000 млн. б/д). (Вашингтон. 28 февраля. OilCapital.ru).

Если говорить о перспективах наращивания производства углеводородного сырья в США, то следует иметь ввиду, что рентабельность сланцевой добычи (во всяком случае в Баккене, Северная Дакота) делает возможной только относительно высокая цена на нефть, ибо себестоимость её добычи находится в лучшем случае не менее 8-90 долл./барр. В то же время себестоимость нефтедобычи в Саудовской Аравии составляет \$7, в российской Западной Сибири — \$18-22. Данные так же показали, что пока рано говорить о взрывном росте добычи нефти в Северной Америке. Так, добыча сланцевой нефти (или газа) гораздо более рискованна технически, экологически и экономически чем традиционная. Текущая же прибыльность может обернуться убытками уже довольно скоро (из-за неустойчивости скальных пород, а также неравномерности наличия в них неф-

ти, из-за возможных землетрясений. а также из-за неотрегулированности транспортной инфраструктуры. Однако, по прогнозу правительства США, к 2020 году страна сократит поставки нефти из Ближнего Востока, Африки и Западной Европы до 2,5 миллиона баррелей в сутки с нынешних четырёх миллионов. Импорт нефти из стран Персидского залива снизится почти в два раза с нынешних 1,6 миллиона баррелей. С этими прогнозами согласны и руководители крупнейших нефтяных компаний. Глава Conoco Philips Райан Ланс заявил, выступая на недавней сессии ОПЕК в Вене, что «благодаря новейшей технологии добычи нефти из сланцевых пород и нефтеносных песков США и Канада способны к 2025 году стать самодостаточными в производстве нефти и, возможно, из импортёров превратиться в её экспортёров» (<http://www.ecolog-alfa-nafta.angr.ru/page36.html>; <http://www.ftinvest.ru/?id=316&fldAction=article&fldPage=3>; <http://www.ftinvest.ru/?id=348&fldAction=article&fldPage=0>).

Углеродородная проблема по-прежнему выступает одной из главнейших как во внутренней, так и во внешней политике Вашингтона и американских корпораций.

В еще большей зависимости от импорта углеводородов находятся государства Западной Европы (кроме Норвегии, а уровнем самообеспеченности ТЭР выше среднего за счет собственных разработок обладают лишь Великобритания и Нидерланды). В Евросоюзе находится менее 2% мировых доказанных запасов нефти и 3,5% газа. Причем, нефтегазовые разработки Европы эксплуатируются намного интенсивнее, чем в остальном мире, что весьма быстро истощает её месторождения. Крупнейшими импортерами энергоносителей в данном регионе выступают такие державы, как Италия,

Германия, Франция, а также остальные западноевропейские страны, как Испания и другие. Целесообразно отметить, что проблемы собственной добычи углеводородного сырья усугубляются существенно, ввиду сравнительно ограниченных (по экологическим требованиям) возможностей увеличения потребления угля и ядерной энергии. Негативно в этом отношении сказываются и такие факторы, как высокая плотность народонаселения, внутренние недостаточные ресурсы полезных ископаемых и территориальная узость многих европейских государств.

Ныне доля Западной Европы в мировом потреблении нефти составляет 22%. По оценкам, в перспективе для ЕС основной проблемой станет рост зависимости от импорта энергоносителей: к 2030 г. она будет составлять 70%, в то время как импорт нефти в ЕС может вырасти с 76% до 90%, импорт газа — с 40% до 70%, угля — с 50% до более чем 70%. Уже в настоящее время Германия является вторым импортером газа в мире после США — (14%).

В последние десятилетия КНР, благодаря бурному развитию своего экономического потенциала, и прежде всего промышленности, транспорта и энергетики, встала в ряды крупнейших пользователей углеводородов. Потребление нефти в Китае за последние 40 лет увеличилось более чем в 25 раз и составляет 8,55% от общемирового уровня. Причем, именно Китай имел в первом десятилетии XXI века наибольший рост темпов потребления углеводородного сырья. Так, к примеру, только в 2004 г. он обеспечил 31% роста использования нефти в мире. В 2011 г. Китай увеличил собственную добычу нефти только на 0,3% до 203,6 млн. т, добычу газа — на 6,9%

до 102,53 млрд. куб. м. Импорт сырой нефти за прошлый год вырос на 6% — до 253,8 млн. (<http://subscribe.ru>, из-во «Гелион», декабрь 2012). А в марте 2013 года КНР стала крупнейшим в мире импортером этого сырья.

Китай, имея ввиду свои текущие и будущие потребности в энергии, и прежде всего в углеводородах, а также неустойчивое состояние геостратегической ситуации в современном мире, включая и богатые энергетическими ресурсами регионы, внимательно следит за политической ситуацией на БСВ, Каспии, в ЮВА. В данной связи, проводится соответствующая внешняя политика как в рамках международного сообщества, так и в отношениях с великими державами и соседними странами, а также с государствами, от ресурсов которых в той или иной степени зависят успехи развития национальной экономики.

Особое беспокойство в последние годы у Пекина вызывает военно-политический кризис на БСВ, связанный с активным вовлечением западных держав во внутригосударственные дела местных режимов. В Пекине понимают, что происходящие политические перемены в этом регионе способствуют усилению диктата Запада, в том числе и в области поставок углеводородов на мировой рынок. Данное обстоятельство непосредственно затрагивает интересы Китая, Индии и иных крупных восточных импортеров. Естественно, Китай, как и другие азиатские страны, постепенно осваивает различные регионы мира для приобретения углеводородов. Однако БСВ по-прежнему остается ведущим поставщиком этих ресурсов в КНР. Поэтому Пекин объективно выступает оппонентом экспансионистской политики США и европей-

ских держав здесь, и придерживается курса поддержания независимых двусторонних связей с местными режимами. Таким образом, в целом сформировалась своя «восточная» конфигурация межгосударственных отношений, условий и маршрутов доставки энергоносителей в Китай.

б) основные производители и экспортеры углеводородов

Прежде всего — 61% мировых запасов нефти (*В эти расчеты не включены данные по сланцевой нефти, так как они пока что уточняются. По отдельным сведениям, самыми крупными запасами таких залежей обладают Россия, США, Китай и ряд других стран. Однако обобщенные данные пока не опубликованы*) и 40,1% запасов газа сосредоточены в странах Ближнего и Среднего Востока, что, в частности, обуславливает геостратегическую значимость этого региона с точки зрения выстраивания крупнейшими потребителями (Европы, Азии и Америки) своих национальных энергетических стратегий.

По запасам углеводородов среди стран Ближневосточного региона первенство принадлежит Саудовской Аравии (22% мировых доказанных запасов нефти, 13,5% мирового производства нефти). Затем следуют: Иран (14,9% мировых доказанных запасов газа и 11,5% — нефти); Ирак (9,6% мировых доказанных запасов нефти); Катар (14,3% мировых доказанных запасов газа) (<http://subscribe.ru>, из-во «Гелион», декабрь 2012).

В последние годы среди экономистов стали появляться некоторые другие оценки, которые несколько меняют ситуацию в области размещения мировых запасов углеводородов. Не исключено, что появление новых оценок вызывается интересами главных участников мирового рынка углево-

дородов, с целью влияния на конъюнктуру цен на указанное сырье и давления как на экспортеров, так и импортеров углеводородов.

В данной связи, в западных источниках стали активно рекламироваться сведения о новых открытиях богатейших залежей сланцевых нефти и газа, добыча которых будто должна резко сократить зависимость США, а также Европы от России и БСВ в области углеводородов и даже приведет к падению мировых цен на них чуть ли не вдвое. Следует сказать, что пока к данной информации целесообразно подходить осторожно по нескольким позициям: сравнительно высокой себестоимости производства и транспортировки такой продукции на мировой рынок; финансовой неспособности многих стран-потребителей перенастроить в течение ближайших лет свои уже действующие системы производственных мощностей и сбытовых сетей.

По некоторым данным западных корпораций, открытые в Ираке новые месторождения нефти выводят эту страну на первое место в мире по запасам указанного сырья. Вероятно, такие оценки также имеют политический подтекст, чтобы напугать Иран, другие страны региона и Китай более высокими возможностями поставок нефти на мировой рынок и новой конфигурацией ведущих источников углеводородов на БСВ, которая будет подконтрольной преимущественно Западу и подчиненным его диктату местным политическим режимам.

В свою очередь, и по Ирану появились новые оценки запасов, и, следовательно, возможностей добычи углеводородов. Так, журнал «The Economist» опубликовал график

доказанных запасов нефти и газа по мировым нефтяным компаниям. По и издания, у Иранской национальной нефтяной компании (ИННК) наиболее выигрышные показатели — это более 300 млрд. баррелей, а у Саудовской Аравии — чуть меньше. Далее следует Венесуэла — обладает примерно 220-230 млрд. баррелей (*Федор Чайка, iran.ru; World Policy and Resources Research (www.wprrr.ru) — аналитические материалы, 01 Ноября 2012*).

Что касается Саудовской Аравии, то по её резервам публикуются даже более скромные оценки, причем в серьезных документах: в докладе «The Future of Saudi Arabian Oil Production», направленного в американский Сенат Комитетом по международной экономической политике, а также в «World Policy and Resources Research». В них запасы нефти в Саудовской Аравии составляют всего лишь около 85 млрд. баррелей, а не объявленные 260 млрд. баррелей (*www.wprrr.ru — World Policy and Resources Research аналитические материалы, 01 Ноября 2012*).

Более подробно останавливаясь на Исламской Республике Иран, представляется целесообразным пока опираться на официально утвержденные в мировом сообществе данные по этой стране: 132 млрд. баррелей доказанных запасов нефти (около 10% от мировых); добыча 4,2 млн. баррелей в сутки, в т. ч. экспорт около 2,7 млн. баррелей (66% всех поставок на внешние рынки приходится на азиатские страны). В течение первого десятилетия XXI века Иран выступал четвертым поставщиком нефти на мировой рынок и вторым в ОПЕК. Иранская национальная нефтяная компания (ИННК) является монополистом в этой стране и среди нефтяных компаний мира по уровню суточной добычи вплоть до 2013 года

занимала второе место: у АРАМКО (Саудовская Аравия) — 12.5 млн. барр. (*журнал «Форбс», № 12, 2012*).

Начавшееся освоение Ираном шельфовых нефтяных залежей в Южном Каспии и выгодное географическое положение Ирана (близость к среднеазиатским и кавказским странам и выход в Индийский океан) позволяет ему воспользоваться транзитными возможностями и другими средствами для увеличения своих доходов в углеводородной сфере: путем поставок через межгосударственные трубопроводные коммуникации переработанных на иранских же НПЗ казахстанской, азербайджанской и туркменской нефти как в Южную и Восточную Азию (а также странам аравийского полуострова), так и в Европу (через Турцию).

Доказанные запасы газа в стране, по данным «British Petroleum», составили на начало 2012 года 33,1 триллиона кубических метров. Т. о. Иран обладает 16% мировых запасов природного газа. По данным ВР, добыча газа в Иране в 2011 году составила 151,8 миллиарда кубических метров (*Vesti. az, 16.09, 04.11.2012*). Основные месторождения расположены на шельфе Персидского залива и на юго-западе страны (провинции Фарс, Хузистан), значительно меньше в Серахсе. По запасам природного газа Иран находится на 2-ом месте после России. Три крупнейших обладателя газа в мире — Россия, Иран и Катар, по мнению некоторых экспертов, ищут пути, чтобы сформировать свой «газовый картель», наподобие нефтяного ОПЕК.

Иран поставлял газ в Турцию, Армению, а через газопровод от месторождения Южный Парс транспортирует природный газ до завода по его сжижению на острове Киш в Персидском

заливе. Также ведутся работы по развитию крупных поставок через газопровод Иран — Пакистан — Индия. Полная расконсервация и дальнейшее развитие возможностей газопровода в Армению может позволить Ирану экспортировать газ через Украину в ЕС. В качестве альтернативы рассматривается расширение действующего газопровода из Ирана в Турцию до Греции.

Согласно пятилетнему плану развития Иран должен экспортировать около 200 миллионов кубических метров газа в Кувейт, Оман, Бахрейн и ОАЭ. Иран уже подписал контракты на поставку своего топлива в Сирию, Ливан и Ирак. Однако из-за санкций США и держав Запада есть угроза их распространения и на газовую сферу, хотя, вероятно, на данном этапе для этого мало признаков, свидетельствующих о намерении ввести санкции в отношении Ирана и в газовой сфере. Но такая вероятность существует (*Vesti. az, 16.09, 04.11.2012*).

Исламская Республика Иран — промышленно-развитое государство на БСВ. Иран является второй после Турции крупнейшей экономикой БСВ. По имеющимся данным, в 2007 г. ВВП ИРИ составил 852 млрд., а в 2008920 млрд. долл. Причем, 45% доходов бюджета поступает от экспорта нефти и газа, а 31% — от налогов и сборов.

Иран — страна с развитыми промышленными отраслями по добыче нефти, угля, газа, медных, железных, марганцевых и свинцово-цинковых руд; нефтеперерабатывающими, нефтехимическими предприятиями; машиностроением и металлообработкой, а также пищевой и текстильной промышленностью. Развито многоотраслевое кустарное производство. В стране орошается 7,5 млн. га земель. Важнейшими

сельскохозяйственными культурами являются: пшеница, ячмень, рис, бобовые, хлопчатник, сахарная свекла, сахарный тростник, табак, чай, орехи, фисташки. Животноводство основано на разведении овец, коз, верблюдов, крупного рогатого скота.

Иран — наследник древнейшей национальной и профессиональной цивилизации. Иранское население, будучи сравнительно многочисленным в рамках региона БСВ (около 80 млн. чел.), в национально-психологическом отношении является носителем диверсифицированного мышления, располагает многими сравнительно крупными городами и промышленными центрами, в международных отношениях рассматривает себя в качестве весьма значимого субъекта мирового сообщества. Стабильное развитие и характер национальной экономики, масштабы просвещения, включая и высшее образование, а также уровень национального искусства (кино, живопись, литература и т. д.) подтверждают такой общий настрой иранской общественности.

Иран — активный противник вмешательства мировых держав во внутренние дела БСВ. В начале XXI века борьба на мировом рынке углеводородов перешла на новую более опасную для Запада стадию: стал подниматься вопрос о ликвидации монополии доллара при определении нефтяных цен. Так, в феврале 2008 года Иран открыл собственную нефтяную биржу и объявил о намерении продавать нефть за границей вне долларовых расчетов. Об этом стали заявлять и другие заинтересованные партнеры по нефтяным сделкам: как продавцы, так и покупатели углеводородов, в том числе Венесуэла, Китай и др.

Постепенная утрата контроля над мировым углеводород-

ным рынком (уже значительная) весьма насторожила Запад, и прежде всего Вашингтон. Хотя их борьба за свои интересы в данной сфере продолжает носить комплексный характер, с вовлечением всего экономического и внешнеполитического инструментария, в последние два десятилетия наблюдаются непосредственные военные кампании Запада в регионах крупных углеводородных ресурсов, и прежде всего на БСВ и в Северной Африке.

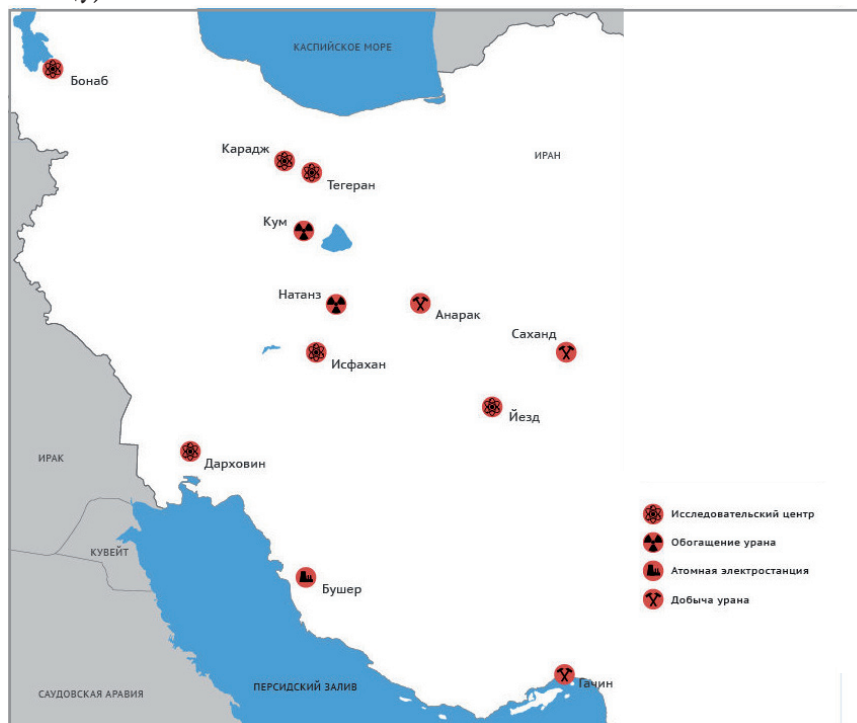
Как известно, уже в период ирано-иракской войны (1980-1989 гг.) Запад сбросил международные цены на нефть с 35-40 долл./баррель до уровня 8-11 долл., и таким методом жестко снизил национально-хозяйственные потенциалы Ирана и Ирака. Затем, уже в первом десятилетии XXI века, посредством оккупации Ирака и Афганистана, западные державы создали межгосударственную напряженность на БСВ, стимулировали «местную» гонку вооружений. Таким образом, обеспечив высокие прибыли американско-английским военным корпорациям, во многом компенсировали Западу в целом потери от произошедшего роста мировых цен на нефть до уровня 90-115 долл./барр.

При этом, Вашингтон и западно-европейские правительства отказывали Ирану, Ливии, Сирии и другим политическим оппонентам в «третьем мире» в отношении свободного приобретения ими современного технологического обеспечения на внешних рынках, и, наконец, перешли к развязыванию новых военных компаний на БСВ в целом: в 2011-2012 гг. в Ливии и Сирии, с угрозой еще более масштабной военной кампании против Ирана.

2. Продолжение драматической реализации иранской ядерной программы.

Предварительно представляется целесообразным отметить, что для обоснования перехода Запада к ужесточению экономических и политических санкций, а затем, возможно, и к развязыванию военной кампании против Тегерана наилучшей «козырной картой» продолжал выступать ядерный вопрос.

Как известно, ИРИ уже не одно десятилетие наращивает свой потенциал в области ядерной технологии. При этом он занимается повышением обогащения урана и имеет уже немало объектов, занимающихся данным процессом (см. таблицу):

(www.Iran.ru, 07/06/2013, статья Икрам Нура Шабири для Иран. ру. Ст. для ж. «Современный Иран, № 20, май 2013, с. 33-35)

Как показывает таблица, данное обстоятельство, несмотря на заявления Тегерана, что он преследует только мирные цели в своей ядерной программе, беспокоит США, Израиль и Запад в целом в политическом, военном и экономическом отношениях. Причем, не в последнюю очередь это касается и борьбы за мировые углеводородные ресурсы. Поэтому их антииранские санкции к настоящему времени достигли уровня, в соответствии с которым американские и европейские компании отказались от закупок иранских углеводородов и какого-либо сотрудничества в технологических областях (как известно, в июне 2012 года Соединенные Штаты в одностороннем порядке ввели нефтяное эмбарго на поставки из Ирана, а 1 июля нефтяной бойкот ИРИ объявили страны Европейского Союза). Но вопрос о дальнейшем усилении давления на Тегеран и сегодня не снят а, наоборот, ещё более заостряется.

Так, в СМИ Запада и Израиля всё чаще стали звучать комментарии, а в их правительственных кругах осуществляться «утечка» информации, что «вопрос войны с Ираном уже решен», и что «вот-вот США нанесут удар по его ядерным объектам». При этом премьер-министр Израиля Нетаньяху заявил: «Первое и первостепенное — это остановка иранской ядерной программы, и время для этого уходит. Это для меня, как для премьера, главная задача» *(Интерфакс-Азербайджан, 26.12.2012).*

Даже секретарь Совета Безопасности России Николай Патрушев назвал вполне реальной опасность военного удара

по Ирану. По его словам, «существует вероятность военной эскалации конфликта, к которой американцев подталкивает Израиль».

В свою очередь, Иран пригрозил перекрыть Ормузский пролив, через который перевозится около 20 процентов нефти мировой торговли, добываемой странами Персидского залива. В ответ бывший глава Пентагона Леон Панетта (в предыдущей администрации президента Б. Обама) предупредил, что США будут вынуждены принять все необходимые меры для открытия пролива (эту позицию подтвердил и нынешний министр обороны США Чак Хейгел). А прежний министр иностранных дел Израиля Авигдор Либерман заявил, что Тегеран пытается диктовать условия не только другим поставщикам нефти в Персидском заливе — Саудовской Аравии и Ираку, но и всему миру (*World Policy and Resources Research* (www.wprrr.ru, 01.11. 2012).

Вместе с тем, пока диалог между Тегераном и Западом проходит без наличия военного аспекта. Дело в том, что на международной арене возникли осложнения: в США на рубеже 2012-2013 гг. прошла новая выборная президентская кампания и формирование обновленной правительственной администрации, а перед Вашингтоном серьезно встала проблема грандиозного финансового внутреннего долга (достигшего уровня 16 триллионов долларов); на Ближнем Востоке продолжается ожесточенная гражданская война в Сирии и периодически палестино-израильские вооруженные столкновения; наблюдается неустойчивое политическое положение в странах, попавших в водоворот так называемой «арабской весны» и в связи с активизацией «Аль-Каиды» в регионе.

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и ряд других важных обстоятельств: 1) Китай и несколько других азиатских стран до 2013 года являлись крупнейшими импортерами иранской нефти — Китай — 22%, Япония — 14%, Индия — 13%, Южная Корея — 10%, Турция — 7%; 2) хотя со стороны Запада действует бойкот на закупки нефти из Ирана, однако, при этом, 10 европейских стран-импортеров — Бельгия, Британия, Чехия, Франция, Германия, Греция, Италия, Нидерланды, Польша и Испания — были признаны исключением (то есть были освобождены от соблюдения бойкота в отношении Ирана), ввиду экономических проблем в этих государствах и их зависимости от иранской нефти.

Маловероятно, что Иран, имея доступ к разным рынкам мира, особенно азиатским, а также принимая во внимание то, что Китай в настоящее время является крупнейшим импортером иранской нефти, и имеются сравнительно крупные контракты с Японией и Индией, столкнется с чрезвычайными трудностями в сфере продажи и экспорта своих углеводородов.

Сохранение высокого спроса мирового рынка на «черное золото» Ирана после введения односторонних санкций США и ЕС говорит о том, что этим странам не удастся добиться поставленных целей. Как признался посол Италии в Иране Альберто Бранданини, они лишили сами себя важного иранского рынка.

Более того, 10 европейских стран, которым позволили не соблюдать нефтяные ограничения против Исламской Республики Иран, сталкиваются с разными экономическими проблемами у себя внутри. Чуть ли не каждая из этих стран

становится заложницей акций протеста и массовых шествий местного населения, которое выступает против экономической политики своего правительства. Эти факты свидетельствуют о том, что государства, бойкотировавшие иранскую нефть, не столько поставили в затруднительное положение Иран, сколько сами оказались в сложном экономическом положении.

Причем, западные державы, которые страдают от серьезного экономического кризиса, в котором энергетическая составляющая играет не последнюю роль, несомненно, поставили себя ситуацию ожидания появления новых трудностей.

Однако в области углеводородных ресурсов США и их союзники пытаются ввести новые районы добычи нефти и газа: в США и Канаде (как уже говорилось выше, так называемые сланцевые залежи), Средиземноморье, Арктике, Атлантике и т.д., а также провести новые межгосударственные трубопроводы в обход Ирана и России. Дело в том, что, с помощью ли войны с Ираном или другими средствами, они не только стремятся задавить антиимпериалистические (антизападные) тенденции в регионе БСВ, но и пытаются получить возможность оказывать новое качественное политическое воздействие на Россию, Китай и Индию. Причем, по их мнению, высокие международные цены на нефть могут затормозить экономический рост тех стран, которые не имеют собственной нефтедобычи. Под это, как раз, подпадают европейские державы, а также США, экономическому росту которых будет продолжаться наноситься мощный удар, и этим будет обусловлено возникновение нового мирового эконо-

мического кризиса.

Что касается ИРИ, то можно предположить, что введенные Западом санкции, безусловно, негативно сказываются на экспортных доходах страны. Сюда относятся не только отказ европейских стран от нефтяных контрактов с Ираном (что привело к сокращению поступлений в Иран на 40 млрд. долл.), но и вынужденное сокращение индийских закупок иранской нефти (а это нанесло ущерб Ирану еще на 12 млрд. долл.). По физическому объему экспорт нефти Ираном в конце 2012 года сократился почти в два раза по сравнению с показателем в 2,2 млн. баррелей в соответствующий период 2011 г. В результате иранская национальная валюта начала снижаться: так, за 2010-2012 гг. девальвация денежной единицы «тумана» составила 3,6 раза (с 1 тыс. до 3,6 тыс. тум./долл.). Кроме того, осложнились социальные проблемы местного населения: согласно данным иранского статистического центра, уровень безработицы среди молодежи от 15 до 24 лет возрос до 23,8%. Показатели безработицы среди молодых женщин оказались еще выше — 36,7%.

Однако европейские санкции не смогут во многом лишить Иран возможности реализовать свою нефть на мировом рынке. Особенно это касается Китая, который, хотя и проводит поиски новых источников углеводородного сырья в Африке и Латинской Америке, в акватории Индийского и Тихого океанов, а также в России, вместе с тем сохраняет свой импорт иранской нефти в прежних объемах. Поэтому финансовая ситуация в ИРИ, даже в условиях значительных потерь в результате срыва многих важных контрактов и значительной девальвации национальной валюты, пока остает-

ся достаточно стабильной и позволяет обеспечивать более или менее достаточные капиталовложения в развитие наукоемких производств. Если учесть тот факт, что в настоящее время внешний долг ИРИ находится на уровне 18 млрд. долл., а ежегодные валютные поступления в результате санкций оцениваются на уровне 70-80 млрд. долл., то можно считать внешние санкции пока не чрезвычайно обременительной нагрузкой на Исламскую Республику Иран.

Причем, хотя наукоемкие производства в Иране носят скорее военный характер, они вместе с тем продолжают стимулировать финансирование и развитие предприятий в других секторах национальной экономики и таким образом решать стратегическую задачу развития независимой промышленной базы страны на основе рыночных условий.

По данным Таможенной администрации ИРИ, в 2012 г. объем внешней торговли Ирана находился на уровне 80-90 млрд. долл. (оценочные данные агентства ИРНА, декабрь 2012). При этом на долю ненефтяного сектора приходилось более 40% от всего национального экспорта (основные статьи экспорта: сырая нефть и продукты переработки нефти, далее – руды металлов, фрукты и орехи, ковры, промышленные товары и т.д.). Основными покупателями иранской продукции в целом (то есть, включая и углеводороды) выступают Китай, Ирак, ОАЭ, Афганистан и Индия. Что касается импорта, то преимущественно товары ввозятся из таких стран, как ОАЭ, Китай, Германия, Южная Корея, Италия, Турция, Россия (*Iran News; iran.ru (www.iran.ru), 27.09.12*).

Основными импортными статьями являются: продукция тяжёлого машиностроения и химической промышленности,

автомобили, железо, сталь, минеральное сырьё, продовольствие, потребительские товары, текстиль, бумага.

Выборы нового президента ИРИ и перспективы внешнеполитического курса страны. Накануне запланированных на июнь 2013 года очередных выборов президента ИРИ на следующий четырехлетний срок над страной нависла угроза применения со стороны США и их западных партнеров новых ещё более суровых санкций, которые по существу должны были означать тотальную блокаду Ирана в экономическом и политическом отношениях. По признанию западных СМИ, это означало, что новый пакет санкций затрагивает практически все отрасли, в которых Ирану удалось достичь роста экономических показателей за последние годы. Они были сформулированы следующим образом:

1. Санкции в энергетической сфере охватывают всю деятельность иранских фирм и сотрудничающих с ними иностранных компаний, так или иначе связанных с разведкой, освоением месторождений, добычей природного газа и работам по его сжижению.

2. Санкции для морского грузооборота затрагивают перевозку грузов судами, ходящими под флагом Исламской Республики Иран. Фактически, будет заблокирована деятельность таких государственных компаний как «Иранская национальная компания танкерного флота» и «Судоходные линии Ирана».

3. Санкции для судостроительной промышленности накладывают запрет на мероприятия по строительству и ремонту судов, поставку Ирану турбин и силовых установок для гражданского морского флота, предоставления техниче-

ской помощи и услуг по обучению персонала, техническому обслуживанию или переоборудованию иранских судов.

4. Санкции на поставку в Иран цветных металлов, сплавов алюминия, меди, вольфрама, никеля и так далее (всего 87 наименований).

5. Санкции на любые операции с Ираном, связанные с серебром, золотом и драгоценными камнями.

6. Санкции на поставку в Иран программного обеспечения.

7. Санкции в сфере страхования. (*www.Iran.ru, 07/06/2013, статья Икрам Нура Шабири для Iran.ru и для журнала «Современный Иран», №20, май 2013, с.33-35*).

О серьезности осложнения политической и военной ситуации вокруг ИРИ говорят и проведенные с 6 по 30 мая 2013 года масштабные учения США в Персидском заливе. В этих учениях приняли участие 35 боевых и вспомогательных военных кораблей, 18 беспилотных подводных аппаратов и более 100 дайверов-саперов. На «борьбу с минами» Вашингтон направил сразу три авианосца в сопровождении ракетных крейсеров, фрегатов, эсминцев, тральщиков и десантных кораблей с более чем тысячей морских пехотинцев на борту. По мнению ряда представителей западной прессы, данные учения США и их союзников можно рассматривать как последнюю стадию подготовки к военной операции Израиля и США против Исламской Республики Иран. Не верят в мирный характер учений и самые преданные союзники США — британцы. Так, буквально накануне, издание «Санди телеграф» привело данные своих источников, согласно которым участники предстоящих учений, «вылавливая мины», в действительности ждут превентивного удара Израиля по

иранским ядерным объектам. Иранский журнал «Современный Иран», в свою очередь, в статье «Новая масштабная провокация США в Персидском заливе» отметил, что следует также учитывать, что очередная «демонстрация военной силы» и «бряцание оружием» со стороны США и их союзников проходят в условиях общего обострения ситуации в регионе Ближнего Востока. Таким образом, дальнейшая милитаризация региона Ближнего Востока и масштабные военные учения США, НАТО и их региональных союзников в Персидском заливе значительно усиливают опасность новых вооруженных столкновений и провокаций в этом стратегически важном и взрывоопасном регионе (*www.iran.ru, статья Икрам Нура Шабири для Iran.ru и журнала «Современный Иран», №20, май 2013, с. 27-29*).

Такие действия США и Запада, как осуществленные, так и предполагаемые, по существу означали жесткий шантаж иранского руководства на перспективу, а также призыв к принципиальным уступкам западным державам в ядерной сфере. Несомненно, что в определенной степени это наложило отпечаток на ходе состоявшихся в Иране выборов.

14 июня 2013 года в первом же туре новым президентом ИРИ был избран представитель реформаторского блока политической элиты Ирана Хасан Роухани. В голосовании из более чем 50 миллионов избирателей приняли участие почти 37 миллионов человек, обеспечив явку в 72,7%. По результатам окончательных подсчетов Х. Роухани набрал 18,613 миллиона голосов (то есть более необходимых 50% к общему итогу) (Кейхан, Эттелаат, 15.06.2013). Нового президента Ирана некоторые зарубежные эксперты даже назвали «анти-Ахмадинежадом». Вашингтон сразу же заявил о желательности

сти контактов с Х. Роухани с целью помощи урегулирования принципиальных разногласий между Ираном и западным сообществом.

17 июня 2013 года Хасан Роухани провел свою первую пресс-конференцию, в которой были по существу провозглашены его принципы в управлении страной.

Основными темами, которые затронул на пресс-конференции новоизбранный президент, были: внутренняя политика, ядерная программа Ирана, отношения с Западом, в том числе с Вашингтоном, ситуация в Сирии (*Кейхан, 18.06.2013*).

В своей внутренней политике Х. Роухани сказал, что «будет стремиться к умеренности и взвешенности, избегая экстремизма».

Уже не первое десятилетие западные державы и Израиль подозревают Иран в тайной разработке ядерного оружия под прикрытием программы мирного атома. Тегеран, в свою очередь, не отрицает, что обогащает уран до 20%, однако заявляет, что целью работ является создание достаточного запаса топлива для Тегеранского медицинского реактора. В вопросе о своей позиции по развитию национальной атомной промышленности Х. Роухани подтвердил, что республика не откажется от обогащения урана, чего требует международное сообщество. На прошедшей первой пресс-конференции он подчеркнул, что считает международные санкции в отношении Ирана несправедливыми и необоснованными. В то же время, по его словам, Тегеран готов к большей открытости в данной сфере.

Кроме того, Х. Роухани, не исключил прямого диалога с Ва-

шингтоном, который регулярно вводит против Тегерана все новые и новые экономические санкции. Однако, уточнил он, такие переговоры возможны только на основе выполнения американской стороной соответствующих условий, которые могут способствовать созданию взаимного доверия между двумя странами: в первую очередь — это невмешательство во внутренние дела Исламской республики Иран; второе — это признание Соединенными Штатами права Тегерана на обладание мирным атомом.

Тегеран намерен также активизировать переговорный процесс с «шестеркой» по ядерной программе. Роухани заявил: «Что касается урегулирования иранской ядерной программы и переговоров с «шестеркой», то могу сказать, что переговорный процесс лишь претерпит изменения в лучшую сторону, а именно, станет более динамичным».

Как известно, последний раунд переговоров Ирана с «шестеркой» международных посредников (США, Китай, Россия, Великобритания, Франция и Германия) состоялся в апреле 2013 года в г. Алмата (Казахстан). В начале июня Иран подтвердил готовность принять участие в полноформатной встрече «шестерки» международных посредников, как только она будет согласована.

Говоря о ситуации в Сирии, избранный президент Ирана высказался против внешнего вмешательства в сирийский конфликт. Он заявил: «Кризис в Сирии должен быть разрешен голосами самих сирийцев. Мы озабочены возможной гражданской войной и иностранным вмешательством. Другие страны должны с уважением относиться к правительству президента Башара Асада до следующих президентских

выборов в 2014 году, когда свое мнение выскажет сам народ Сирии», — заявил Х. Роухани. При этом, как сообщили иранские и зарубежные СМИ, в Сирию отправляются четыре тысячи военнослужащих из Корпуса стражей Исламской революции (КСИР), которые считаются элитными соединениями вооруженных сил ИРИ. Военнослужащие будут оказывать поддержку силам президента Башара Асада. Причем, как сообщается, решение об отправке военных было принято руководством Ирана еще до последних президентских выборов (*«Российская газета»*, 16.06.2013 - www.rg.ru).

Международные эксперты, оценивая перспективы деятельности Ирана при новом президенте, высказали предварительное обобщенное мнение, что новая внешнеполитическая стратегия Тегерана при Х. Роухани сохранит преемственность внешнеполитического курса Ирана, в том числе, в сфере переговоров по иранской ядерной программе. Как известно, в конечном итоге все вопросы, связанные с развитием ядерного потенциала страны, решает Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи. Поэтому правительственный курс Х. Роухани будет примерно такой же, как и при Махмуде Ахмадинежаде, однако его стиль будет более благообразным (*РИАНовосту* <http://ria.ru/world/20130617/943928978.html#ixzz2WeGPR9EV>).

Заключение

Смысл перехода западных держав, и прежде всего США, к активной военной стадии своей «дипломатии» на БСВ на рубеже XX-XXI вв. сводился к силовому демонтажу государственно-политических структур в неугодных местных странах, сформировавшихся в результате эволюции правящих кругов независимых стран ближневосточного региона и происходивших в период «холодной войны» между супердержавами.

С первого десятилетия XXI века со стороны Запада, и в первую очередь — США, ведется «отстрел», то есть физическое уничтожение, и в крайнем случае — устранение, знаковых фигур в мусульманском мире. Этим преследуется цель, чтобы в оставшейся трудно управляемой и полной противоречий среде мусульманского населения диктовать местным правительствам правила их внутреннего и международного поведения. Таким образом Западу будет значительно легче добиваться доступа к богатым углеводородным ресурсам, другим полезным ископаемым региона, влиять на ценообразование на них на международных рынках и т. д. Уже убиты Саддам Хусейн, лидер «Аль-Каиды», Муамар Каддафи, добивают либо угрожают расправой другим бывшим лидерам арабских стран: Бен Али, Мубарраку, президенту Йемена, Башару Асаду. Не исключено, в случае успеха, будут

предприняты жестокие санкции против ИРИ и других государств БСВ.

Если рассмотреть особенности результативности по отдельным государствам, то ситуация выглядит следующим образом:

Ирак — страна фактически расколота на три части по этнически-конфессиональному принципу, которые во многом враждебны друг другу и находятся в состоянии регулярно повторяющихся кровавых столкновений. В данной связи, они в отдельности или в совокупности не представляют собой какой-либо значимости в качестве значимых государственных субъектов для окружающих стран, а тем более для Запада, так как находятся по существу в состоянии внутренней гражданской войны в «ползучем состоянии».

После предполагаемого вывода американских войск из Афганистана (В июне 2011 года президент США Б. Обама объявил о плане постепенной эвакуации американских войск из Афганистана до конца 2014 года) американцы резервировали за собой сохранение контроля над 9 военными базами в этой стране (РБК, 09.05.2013). Следовательно, США фактически не уходят из Афганистана и в любой момент оперативно десантируют свои военные подразделения в любом районе страны и подавят неудобные интересам Вашингтона выступления местного населения и враждебных к нему формирований.*(в качестве примера можно назвать участие американского спецназа в подавлении нападения талибов на президентский дворец и министерство обороны в Кабуле в конце июня 2013 года).*

Ныне же, когда военные операции НАТО вышли на новые

масштабы и новые страны региона БСВ, целесообразно сказать, что это — уже не завершающиеся (условно) операции, как данное произошло (большой частью на словах руководителей держав НАТО) и предполагается в Ираке и Афганистане, а развертывание либо начало новых военных кампаний в других государствах БСВ.

Ввиду того, что указанные кампании продолжаются, пока не представляется возможным сделать окончательные выводы об их результативности. Поэтому, представляется возможным оценивать агрессивные действия Запада на БСВ только по некоторым кампаниям, о ходе которых уже проявились определенно серьезные выводы (в Ливии и Сирии).

Однако в целом уже можно сказать, что, помимо преследуемых политических и экономических целей, Вашингтон цинично использует мусульманские страны в качестве «живых — то есть с населением и некоторыми вооруженными силами» военных полигонов. Это рассчитано для поддержания американских воинских частей в практически подготовленном «полевом» состоянии для немедленного ведения полномасштабных военных операций в перспективно возможных крупных вооруженных столкновениях и войнах с другими державами. Данное также направлено на технологическое и научное совершенствование американских вооружений, проверяя их эффективность практически в новых боевых условиях. Кроме того, командный состав постоянно находится в состоянии ведения военных операций и таким образом не теряет практические навыки планирования разномасштабных военных планов.

Таким образом, ни в Вашингтоне, ни в НАТО не считаются

с огромными жертвами мусульманского населения, ни с отбрасыванием стран, в которых державы осуществляют свои боевые «эксперименты», на десятилетия назад. Они фактически открыто пренебрегают объективными потребностями мусульманских государств в поступательном хозяйственном развитии, чтобы соответственно обеспечивать растущую численность местного населения более или менее удовлетворительными жизненными условиями, пренебрегают благосостоянием народов БСВ.

Данное в совокупности можно назвать фактически практикуемыми профашистскими действиями в интересах Запада, и в первую очередь США, за счет силового подавления общественности других стран, в первую очередь — мусульманских.

Наблюдая массовые волнения первой половины 2011 года в арабских странах под присвоенным названием «Арабская весна», приходишь к выводу, что причинами обострения политического кризиса в арабском регионе, наряду с застойностью местных правителей, их медлительностью с решением острых социальных проблем, и с политическим расколом между интересами различных социальных групп и национально-политических деятелей, выступали также весьма активные и развернутые действия иностранной агентуры. Не исключено, что при этом применялись большие финансовые средства и даже психотропные препараты Запада для воздействия на определенные личности, и может быть, группы населения, особенно — на молодежь.

Однако, в силу ряда причин, реализовать ее американцы пока так и не смогли. Во-первых, все попытки Вашингтона

«демократизировать» регион БСВ вели только к усилению там процессов нестабильности, религиозного фундаментализма и терроризма. Во-вторых, США не смогли создать в Ираке проамериканский режим: фактически к власти в Багдаде пришли представители шиитского большинства, что привело к существенному развитию ирано-иракских отношений. В-третьих, американская концепция «ББВ» не была поддержана ни правительствами, ни народами стран Арабского Востока, а также Ирана и Турции. Единственная страна, которая не только поддерживает эту концепцию, но и постоянно «подталкивает» США к ее реализации — это Израиль, который считает себя «островком прозападной демократии среди автократического арабского моря». В-четвертых, в реформировании нуждался не столько Ближний и Средний Восток, сколько отношения между расположенными там странами, с одной стороны, и США и Западом в целом — с другой. Чем больше США вмешивались в дела БСВ, использовали политику двойных стандартов и выступали гарантом некоторых проамериканских режимов, тем сильнее росли в регионе антиамериканские настроения. В-пятых, в странах на бывшем постсоветском пространстве реализацию новой концепции внешней политики США восприняли как продолжение американской политики «цветных» революций и создания «управляемого хаоса». Последнее, в частности, предполагает ослабление государств за счет их дробления с целью создания полностью контролируемых режимов.

Приложения

1. По Афганистану

А. Резолюция 1368 (2001), принятая Советом Безопасности ООН на его 4370-м заседании, 12 сентября 2001 года

Совет Безопасности,

Подтверждая цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций,

будучи преисполнен решимости всеми средствами бороться с угрозами для международного мира и безопасности, вызываемыми террористическими актами,

признавая неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии с Уставом,

1. безоговорочно осуждает самым решительным образом ужасные террористические нападения, которые были совершены 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, Вашингтоне (округ Колумбия) и Пенсильвании, и считает такие действия, как и любой акт международного терроризма, угрозой для международного мира и безопасности;

2. выражает свое глубочайшее сочувствие и соболезнования жертвам и их семьям, а также народу и правительству Соединенных Штатов Америки;

3. призывает все государства срочно предпринять совместные усилия для того, чтобы предать правосудию исполнителей, организаторов и спонсоров этих террористических

нападений, и подчеркивает, что те, кто оказывал помощь исполнителям, организаторам и спонсорам этих актов, поддерживал или укрывал их, понесут ответственность за это;

4. *призывает* также международное сообщество удвоить свои усилия по предотвращению и пресечению террористических актов, в том числе путем расширения сотрудничества и обеспечения полного осуществления соответствующих международных антитеррористических конвенций и резолюций Совета Безопасности, в частности резолюции 1269 (1999) от 19 октября 1999 года;

5. *выражает* свою готовность предпринять все необходимые шаги, с тем чтобы отреагировать на террористические нападения, совершенные 11 сентября 2001 года, и вести борьбу со всеми формами терроризма в соответствии со своими обязанностями по Уставу Организации Объединенных Наций;

6. *постановляет* продолжать заниматься этим вопросом.

Б. Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности ООН на его 4385-м заседании, 28 сентября 2001 года
Совет Безопасности ООН.

подтверждая свои резолюции 1269 (1999) от 19 октября 1999 года и 1368 (2001) от 12 сентября 2001 года,

подтверждая также свое безоговорочное осуждение террористических нападений, которые были совершены 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, Вашингтоне (округ Колумбия) и Пенсильвании, и заявляя о своей решимости предотвращать все подобные акты,

подтверждая далее, что такие действия, как и любой акт

международного терроризма, представляют собой угрозу для международного мира и безопасности,

подтверждая неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону, признанное в Уставе Организации Объединенных Наций и подтвержденное в резолюции 1368 (2001),

подтверждая необходимость бороться всеми средствами, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, с угрозами для международного мира и безопасности, создаваемыми террористическими актами,

будучи глубоко озабочен увеличением в различных регионах мира числа актов терроризма, мотивами которых являются нетерпимость или экстремизм,

призывая государства срочно предпринять совместные усилия с целью предотвращения и пресечения террористических актов, в том числе путем расширения сотрудничества и обеспечения полного осуществления соответствующих международных конвенций, касающихся терроризма,

признавая необходимость того, чтобы государства в дополнение к международному сотрудничеству принимали дополнительные меры с целью предотвращения и пресечения на своей территории, с использованием всех законных средств, финансирования и подготовки любых актов терроризма,

вновь подтверждая провозглашенный Генеральной Ассамблеей в ее декларации от октября 1970 года (2625 (XXV)) и подтвержденный Советом Безопасности в его резолюции 1189 (1998) от 13 августа 1998 года принцип, заключающийся, в частности, в том, что каждое государство-член обязано

воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах своей территории, направленной на совершение таких актов,

действуя на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций,

1. *постановляет*, что все государства должны:

a) *предотвращать и пресекать* финансирование террористических актов;

b) *ввести* уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств, любыми методами, прямо или косвенно, их гражданами или на их территории с намерением, чтобы такие средства использовались — или при осознании того, что они будут использованы, — для совершения террористических актов;

c) *безотлагательно* заблокировать средства и другие финансовые активы или экономические ресурсы лиц, которые совершают или пытаются совершить террористические акты, или участвуют в совершении террористических актов, или содействуют их совершению; организаций, прямо или косвенно находящихся в собственности или под контролем таких лиц, а также и лиц, и организаций, действующих от имени или по указанию таких лиц и организаций, включая средства, полученные или приобретенные с помощью собственности, прямо или косвенно находящейся во владении или под контролем таких лиц и связанных с ними лиц и организаций;

d) *запретить* своим гражданам или любым лицам и ор-

ганизациям на своей территории предоставление любых средств, финансовых активов или экономических ресурсов, или финансовых или иных соответствующих услуг, прямо или косвенно, для использования в интересах лиц, которые совершают или пытаются совершить террористические акты, или содействуют или участвуют в их совершении, организаций, прямо или косвенно находящихся в собственности или под контролем таких лиц, а также лиц и организаций, действующих от имени или по указанию таких лиц;

2. *постановляет* также, что все государства должны:

а) *воздерживаться* от предоставления в любой форме поддержки — активной или пассивной — организациям или лицам, замешанным в террористических актах, в том числе путем пресечения вербовки членов террористических групп и ликвидации каналов поставок оружия террористам;

б) *принять необходимые меры* в целях предотвращения совершения террористических актов, в том числе путем раннего предупреждения других государств с помощью обмена информацией;

с) *отказываться* в убежище тем, кто финансирует, планирует, поддерживает или совершает террористические акты, или предоставляет убежище;

д) *не допускать*, чтобы те, кто финансирует, планирует, оказывает содействие или совершает террористические акты, использовали свою территорию в этих целях против других государств или их граждан;

е) *обеспечивать*, чтобы любое лицо, принимающее участие в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов или в поддержке террори-

стических актов, привлекалось к судебной ответственности, и обеспечить, чтобы, помимо любых других мер в отношении этих лиц, такие террористические акты квалифицировались как серьезные уголовные правонарушения во внутригосударственных законах и положениях и чтобы наказание должным образом отражало серьезность таких террористических актов;

f) *оказывать* друг другу всемерное содействие в связи с уголовными расследованиями или уголовным преследованием, которые имеют отношение к финансированию или поддержке террористических актов, включая содействие в получении имеющихся у них доказательств, необходимых для такого преследования;

g) *предотвращать* передвижение террористов или террористических групп с помощью эффективного пограничного контроля и контроля за выдачей документов, удостоверяющих личность, и проездных документов, а также с помощью мер предупреждения фальсификации, подделки или незаконного использования документов, удостоверяющих личность, и проездных документов;

3. *призывает* все государства:

a) *найти возможности* активизации и ускорения обмена оперативной информацией, особенно о действиях или передвижениях террористов или террористических сетей; подделанных или фальсифицированных проездных документах; торговле оружием, взрывчатыми веществами или материалами двойного назначения; использовании террористическими группами коммуникационных технологий; и угрозе, которую представляет владение террористическими груп-

пами оружием массового уничтожения;

б) *обмениваться* информацией в соответствии с международным правом и внутригосударственным законодательством и сотрудничать в административных и судебных вопросах в целях предотвращения совершения террористических актов;

в) *сотрудничать*, особенно в рамках двусторонних и многосторонних механизмов и соглашений, в целях предотвращения и пресечения террористических нападений и принимать меры против виновных в совершении таких актов;

г) *стать* как можно скорее участниками соответствующих международных конвенций и протоколов о борьбе с терроризмом, включая Конвенцию о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года;

д) *полностью осуществить* соответствующие международные конвенции и протоколы, касающиеся терроризма, и резолюции 1269 (1999) и 1368 (2001) Совета Безопасности и расширить сотрудничество в этой области;

е) *принимать*, до предоставления статуса беженца, надлежащие меры согласно соответствующим положениям внутригосударственного законодательства и международного права, включая международные стандарты в области прав человека, с целью удостовериться в том, что лица, ищущие убежище, не планировали террористических актов, не содействовали им и не участвовали в их совершении;

ж) *обеспечить*, чтобы в соответствии с международным правом исполнители и организаторы террористических актов или их пособники не злоупотребляли статусом беженца и чтобы ссылки на политические мотивы не признавались

в качестве основания для отклонения просьб о выдаче подозреваемых в причастности к терроризму лиц;

4. *с озабоченностью отмечает* тесную связь между международным терроризмом и транснациональной организованной преступностью, незаконными наркотиками, отмыванием денег, незаконным оборотом оружия и незаконными перевозками ядерных, химических, биологических и других потенциально смертоносных материалов и в этой связи подчеркивает необходимость улучшения координации усилий на национальном, субрегиональном, региональном и международном уровнях с целью усиления всемирной реакции на этот серьезный вызов и угрозу международной безопасности;

5. *заявляет*, что акты, методы и практика терроризма противоречат целям и принципам Организации Объединенных Наций и что сознательное финансирование и планирование террористических актов и подстрекательство к ним также противоречат целям и принципам Организации Объединенных Наций;

6. *постановляет* учредить, в соответствии с правилом 28 своих временных правил процедуры, комитет Совета Безопасности, состоящий из всех членов Совета, для контроля за осуществлением настоящей резолюции, с использованием необходимых экспертов, и призывает все государства представить этому комитету не позднее чем через 90 дней после даты принятия настоящей резолюции доклад, а в дальнейшем представлять, согласно графику, который будет предложен комитетом, доклады о шагах, предпринятых ими для осуществления настоящей резолюции;

7. *порукает* этому комитету организовать свою работу, определить свои задачи, представить программу работы в течение 30 дней после принятия настоящей резолюции и рассмотреть вопрос о необходимой ему поддержке в консультации с Генеральным секретарем;

8. *выражает* свою решимость предпринять все необходимые шаги с целью обеспечить полное осуществление настоящей резолюции в соответствии со своими обязанностями по Уставу;

9. *постановляет* продолжать заниматься этим вопросом.

В. Резолюция 1378 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4415-м заседании, 14 ноября 2001 года

Совет Безопасности,

вновь подтверждая свои предыдущие резолюции по Афганистану, в частности резолюции 1267 (1999) от 15 октября 1999 года, 1333 (2000) от 19 декабря 2000 года и 1363 (2001) от 30 июля 2001 года,

поддерживая международные усилия по искоренению терроризма в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и вновь подтверждая также свои резолюции 1368 (2001) от 12 сентября 2001 года и 1373 (2001) от 28 сентября 2001 года,

признавая чрезвычайный характер положения в области безопасности и политической ситуации в Афганистане в свете самых последних событий, в частности в Кабуле,

осуждая движение «Талибан» за то, что оно позволило использовать Афганистан в качестве базы для совершения террористических актов за рубежом сетью «Аль-Каида» и други-

ми террористическими группами и предоставило убежище Усаме бен Ладену, «Аль-Каиде» и тем, кто связан с ними, и в этом контексте поддерживая усилия, прилагаемые афганским народом с целью заменить режим «Талибана»,

приветствуя намерение Специального представителя Генерального секретаря созвать срочное совещание различных афганских процессов в соответствующем месте и призывая Объединенный фронт и всех афганцев, представленных в этих процессах, принять приглашение для участия в этом совещании безотлагательно, добросовестно и без выдвижения каких-либо условий,

приветствуя Декларацию о ситуации в Афганистане, опубликованную министрами иностранных дел и другими старшими представителями группы «шесть плюс два» 12 ноября 2001 года, а также поддержку, оказываемую другими международными группами,

принимая к сведению мнения, выраженные на заседании Совета Безопасности по ситуации в Афганистане 13 ноября 2001 года,

одобряя подход, изложенный Специальным представителем Генерального секретаря на заседании Совета Безопасности 13 ноября 2001 года,

вновь подтверждая свою твердую приверженность суверенитету, независимости, территориальной целостности и национальному единству Афганистана,

будучи глубоко обеспокоен тяжелой гуманитарной ситуацией и продолжающимися серьезными нарушениями «Талибаном» прав человека и международного гуманитарного права,

1. *выражает* свою решительную поддержку усилиям афганского народа по созданию новой переходной администрации, ведущей к формированию правительства, которые оба:

— *должны* иметь широкую основу, быть многоэтническими и полностью представлять весь афганский народ и быть приверженными миру в их отношениях с соседями Афганистана,

— *должны* уважать права человека всех афганцев, независимо от пола, этнического происхождения или религии,

— *должны* уважать международные обязательства Афганистана, включая всестороннее сотрудничество в международных усилиях по борьбе с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков внутри и из Афганистана, и — *должны* облегчать срочную доставку гуманитарной помощи и организованное возвращение беженцев и внутренних перемещенных лиц, когда это позволит ситуация;

2. *призывает* все афганские силы воздерживаться от актов мести, строго придерживаться своих обязательств в области прав человека и международного гуманитарного права и обеспечить охрану, безопасность и свободу передвижения персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала, а также персонала гуманитарных организаций;

3. *подтверждает*, что Организация Объединенных Наций должна играть ведущую роль в поддержке усилий афганского народа по созданию в срочном порядке такой новой переходной администрации, ведущей к формированию нового правительства, и выражает свою полную поддержку

деятельности Специального представителя Генерального секретаря по выполнению его мандата и призывает афганцев, как в Афганистане, так и среди афганской диаспоры, и государства-члены сотрудничать с ним;

4. *призывает* государства-члены оказать:

— *поддержку* такой администрации и такому правительству, в том числе путем осуществления проектов быстрой отдачи,

— *срочную гуманитарную помощь* с целью облегчить страдания афганского народа как в Афганистане, так и среди афганских беженцев, включая разминирование, и — *долгосрочную помощь* на цели социально-экономической реконструкции и восстановления Афганистана и приветствует инициативы в этом направлении;

5. *рекомендует* государствам-членам поддерживать усилия по обеспечению охраны и безопасности в районах Афганистана, более не находящихся под контролем «Талибана», и в частности по обеспечению уважения Кабула как столицы для всего афганского народа, и особенно по защите гражданских лиц, органов переходной власти, персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала, а также персонала гуманитарных организаций;

6. *постановляет* продолжать активно заниматься этим вопросом.

Силы ООН останутся в Афганистане еще на один год — резолюция Совбеза ООН

Силы ООН останутся в Афганистане еще на один год, говорится в принятой в 2013г. резолюции Совета Безопасности ООН.

Согласно документу, мандат миссии ООН по содействию Афганистану продлен до 19 марта 2014 года. В частности, силы ООН должны будут по просьбе афганского правительства помогать в организации будущих выборов, в том числе президентских и местных, которые состоятся в следующем году. Также их мандат предполагает содействие правительству Афганистана в укреплении законности, защите прав человека и борьбе против коррупции.

Касаясь борьбы с производством и оборотом наркотиков, СБ ООН выразил «озабоченность серьезным вредом, который наносят безопасности, развитию и управлению Афганистана культивация, производство и транспортировка опиума».

Согласно докладу, представленному к заседанию СБ ООН генеральным секретарем организации Пан Ги Муном, ситуация с наркотиками в Афганистане складывалась следующим образом: в 2012 году площадь, используемая для выращивания опийного мака, составляла 154 тысячи гектаров, что на 18% больше по сравнению с 2011 годом (131 тысяча гектаров). При этом в южных и западных провинциях страны выращивалось 95% мака. Хотя объем производства опия в 2012 году сократился примерно на 36% — с 5,8 тысячи до 3,7 тысячи тонн, это было вызвано болезнью растений и погодными условиями, передает РИА Новости. *Источник: CA-News.org*

2. По Ираку

А. Резолюция 1441 (2002) СБ ООН

Организация Объединенных Наций S/RES/1441 (2002)

Совет Безопасности Distr.: General

8 November 2002

Пятьдесят седьмой год

Резолюция 1441 (2002),

принятая Советом Безопасности на его 4644-м заседании

8 ноября 2002 года

Совет Безопасности,

ссылаясь на все свои предыдущие соответствующие резолюции, в частности свои резолюции 661 (1990) от 6 августа 1990 года, 678 (1990) от 29 ноября 1990 года, 686 (1991) от 2 марта 1991 года, 687 (1991) от 3 апреля 1991 года, 688 (1991) от 5 апреля 1991 года, 707 (1991) от 15 августа 1991 года, 715 (1991) от 11 октября 1991 года, 986 (1995) от 14 апреля 1995 года и 1284 (1999) от 17 декабря 1999 года, и на все соответствующие заявления своего Председателя,

ссылаясь также на свою резолюцию 1382 (2001) от 29 ноября 2001 года и напоминая о своем намерении полностью осуществить ее,

признавая угрозу, которую представляют собой невыполнение Ираком резолюций Совета и распространение оружия массового уничтожения и ракет большой дальности для международного мира и безопасности,

напоминая, что его резолюция 678 (1990) уполномочила государства-члены использовать все необходимые средства, с тем чтобы поддержать и выполнить его резолюцию 660 (1990) от 2 августа 1990 года и все соответствующие резолю-

ции, последовавшие за резолюцией 660 (1990), и восстановить международный мир и безопасность в этом районе,

напоминая далее, что его резолюция 687 (1991) возложила обязанности на Ирак в качестве необходимого шага для достижения своей заявленной цели восстановления международного мира и безопасности в этом районе,

выражая сожаление по поводу того факта, что Ирак не предоставил точной, полной, окончательной и всеобъемлющей информации, как требовалось резолюцией 687 (1991), обо всех аспектах его программ разработки оружия массового уничтожения и баллистических ракет дальностью свыше 150 км и о всех запасах такого оружия, его компонентах и производственных объектах и местоположениях, а также всех других ядерных программ, в том числе тех, которые, по его утверждению, осуществляются в целях, не связанных с материалами, которые могут быть использованы для производства ядерного оружия,

выражая также сожаление по поводу того, что Ирак неоднократно препятствовал предоставлению незамедлительно, безусловного и беспрепятственного доступа на объекты, определенные Специальной комиссией Организацией Объединенных Наций (ЮНСКОМ) и Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ), не сотрудничал в полной мере и безоговорочно с инспекторами по вопросам вооружений ЮНСКОМ и МАГАТЭ, как требует резолюция 687 (1991), и в конечном итоге прекратил всякое сотрудничество с ЮНСКОМ и МАГАТЭ в 1998 году,

выражая сожаление в связи с отсутствием в Ираке с декабря 1998 года международного наблюдения, инспекций и кон-

троля в отношении оружия массового уничтожения и баллистических ракет, согласно требованиям соответствующих резолюций, несмотря на неоднократные требования Совета, чтобы Ирак предоставил незамедлительный, безусловный и беспрепятственный доступ Комиссии Организации Объединенных Наций по наблюдению, контролю и инспекциям (ЮНМОВИК), учрежденной в резолюции 1284 (1999) в качестве организации-преемницы ЮНСКОМ, и МАГАТЭ, и сожалея о том, что в результате этого продолжаются кризис в этом районе и страдания иракского народа,

выражая также сожаление по поводу того, что правительство Ирака не выполнило своих обязательств по резолюции 687 (1991) в отношении терроризма, по резолюции 688 (1991) в отношении прекращения репрессий против своего гражданского населения и предоставления международным гуманитарным организациям доступа ко всем нуждающимся в помощи в Ираке и по резолюциям 686 (1991), 687 (1991) и 1284 (1999) в отношении возвращения кувейтцев и граждан третьих стран, незаконно удерживаемых Ираком, или сотрудничества в выяснении их судьбы или в отношении возвращения незаконно захваченной Ираком кувейтской собственности,

напоминая, что в своей резолюции 687 (1991) Совет заявил, что прекращение огня будет основываться на принятии Ираком положений этой резолюции, включая содержащиеся в ней обязанности, возложенные на Ирак,

будучи преисполнен решимости обеспечить полное и незамедлительное выполнение Ираком, без условий или ограничений, его обязанностей по резолюции 687 (1991) и другим

соответствующим резолюциям и напоминая, что резолюции Совета Безопасности представляют собой критерий выполнения Ираком своих обязанностей,

напоминая, что эффективная деятельность ЮНМОВИК — как организации-преемницы Специальной комиссии — и МАГАТЭ имеет существенно важное значение для осуществления резолюции 687 (1991) и других соответствующих резолюций,

отмечая, что письмо министра иностранных дел Ирака от 16 сентября 2002 года на имя Генерального секретаря является необходимым первым шагом на пути к отказу от упорного невыполнения Ираком соответствующих резолюций Совета,

отмечая далее письмо Исполнительного председателя ЮНМОВИК и Генерального директора МАГАТЭ от 8 октября 2002 года на имя генерала ас-Саади, входящего в состав правительства Ирака, с изложением практических мер в рамках последующей деятельности в связи с их встречей в Вене, которые являются предварительными условиями возобновления инспекций ЮНМОВИК и МАГАТЭ в Ираке, и выражая самую серьезную озабоченность в связи с тем, что Ирак до сих пор не подтвердил согласия в отношении тех мер, которые изложены в этом письме,

вновь подтверждая приверженность всех государств-членов суверенитету и территориальной целостности Ирака, Кувейта и соседних государств,

выражая признательность Генеральному секретарю и членам Лиги арабских государств и ее Генеральному секретарю за их усилия в этом отношении,

будучи преисполнен решимости обеспечить полное выполнение своих решений,

действуя на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций,

1. *постановляет*, что Ирак существенно нарушал и продолжает существенно нарушать свои обязанности, предусмотренные соответствующими резолюциями, включая резолюцию 687 (1991), в частности отказываясь сотрудничать с инспекторами Организации Объединенных Наций и МАГАТЭ и завершить принятие мер в соответствии с пунктами 8-13 резолюции 687 (1991);

2. *постановляет*, признавая положения пункта 1 выше, предоставить Ираку настоящей резолюцией последнюю возможность выполнить свои обязанности по разоружению согласно соответствующим резолюциям Совета; и соответственно постановляет ввести усиленный режим инспекций в целях обеспечения полного и поддающегося проверке завершения процесса разоружения, предусмотренного резолюцией 687 (1991) и последующими резолюциями Совета;

3. *постановляет*, что для того, чтобы начать выполнять свои обязанности по разоружению, правительство Ирака помимо представления требуемых полугодовых заявлений должно представить ЮНМОВИК, МАГАТЭ и Совету не позднее, чем через 30 дней со дня принятия настоящей резолюции, точное, полное и всеобъемлющее на текущий момент заявление с указанием всех аспектов его программ разработки химического, биологического и ядерного оружия, баллистических ракет и других систем доставки, таких, как беспилотные летательные аппараты и системы распы-

ления, предназначенные для использования на летательных аппаратах, в том числе всех запасов и точного местонахождения такого оружия, компонентов, субкомпонентов, запасов агентов и имеющих к ним отношение материалов и оборудования, местонахождения и характера работы его научно-исследовательских, опытно-конструкторских и производственных объектов, а также всех иных химических, биологических и ядерных программ, в том числе и тех, которые, по его утверждению, предназначены для целей, не связанных с производством оружия или оружейных материалов;

4. *постановляет*, что ложные сведения или упущения в заявлениях, представленных Ираком в соответствии с настоящей резолюцией, и несоблюдение Ираком в любой момент времени настоящей резолюции и нежелание в полной мере сотрудничать в ее осуществлении будут представлять собой еще одно существенное нарушение Ираком своих обязанностей, и об этом будет доложено Совету для проведения оценки в соответствии с пунктами 11 и 12 ниже;

5. *постановляет*, что Ирак должен предоставить ЮНМОВИК и МАГАТЭ незамедлительный, беспрепятственный, безоговорочный и неограниченный доступ к любым и всем, в том числе подземным, районам, объектам, сооружениям, оборудованию, документации и транспортным средствам, которые они пожелают проинспектировать, а также незамедлительный, беспрепятственный, неограниченный и конфиденциальный доступ ко всем официальным и иным лицам, с которыми ЮНМОВИК или МАГАТЭ пожелают провести собеседование в формате или в месте по выбору ЮНМОВИК

или МАГАТЭ во исполнение ими любого аспекта их мандатов; постановляет далее, что ЮНМОВИК и МАГАТЭ могут по своему усмотрению проводить собеседования в Ираке или за пределами Ирака, содействовать поездкам лиц, проходящих собеседование, и членов их семей за пределы Ирака и что, по усмотрению исключительно ЮНМОВИК и МАГАТЭ, такие собеседования могут проводиться без присутствия наблюдателей из иракского правительства; и поручает ЮНМОВИК и просит МАГАТЭ возобновить инспекции не позднее, чем через 45 дней после принятия настоящей резолюции, и информировать о них Совет через 60 дней после возобновления инспекций;

6. одобряет письмо Исполнительного председателя ЮНМОВИК и Генерального директора МАГАТЭ от 8 октября 2002 года на имя генерала ас-Саади, входящего в состав правительства Ирака, содержащееся в приложении к настоящей резолюции, и постановляет, что положения этого письма имеют обязательную силу для Ирака;

7. постановляет далее, что ввиду продолжительного перерыва, вызванного Ираком, в обеспечении присутствия ЮНМОВИК и МАГАТЭ и для того, чтобы они могли выполнить задачи, изложенные в настоящей резолюции и всех предыдущих соответствующих резолюциях, и независимо от предыдущих договоренностей Совет настоящим устанавливает следующие пересмотренные и дополнительные полномочия, которые имеют обязательную силу для Ирака, для облегчения их работы в Ираке:

— ЮНМОВИК и МАГАТЭ определяют состав их инспекционных команд и обеспечивают вхождение в эти команды

наиболее квалифицированных и опытных из имеющихся экспертов,

— весь персонал ЮНМОВИК и МАГАТЭ пользуется привилегиями и иммунитетами, соответствующими тем, которыми, как это предусмотрено в Конвенции о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций и Соглашении о привилегиях и иммунитетах МАГАТЭ, наделяются эксперты, выполняющие поручения;

— ЮНМОВИК и МАГАТЭ должны иметь неограниченное право въезда в Ирак и выезда из Ирака, право на свободное, неограниченное и немедленное прибытие на инспектируемые объекты и убытие с этих объектов и право инспектировать любые объекты и здания, включая право на незамедлительный, беспрепятственный, безоговорочный и неограниченный доступ к президентским объектам, равный доступу на другие объекты, независимо от положений резолюции 1154 (1998) от 2 марта 1998 года;

— ЮНМОВИК и МАГАТЭ имеют право получить от Ирака поименные списки всего персонала, связанного в настоящее время и ранее с иракскими химическими, биологическими и ядерными программами и программами в области баллистических ракет и с относящимися к ним научно-исследовательскими, опытно-конструкторскими и производственными объектами;

— безопасность на объектах ЮНМОВИК и МАГАТЭ обеспечивается достаточным числом охранного персонала Организации Объединенных Наций;

— ЮНМОВИК и МАГАТЭ имеют право для целей «замораживания» подлежащего инспектированию объекта объ-

являть запретные зоны, включая прилегающие районы и транзитные коридоры, в которых Ирак прекращает наземное и воздушное движение, с тем чтобы на инспектируемом объекте никаких изменений не производилось и с него ничего не вывозилось;

— ЮНМОВИК и МАГАТЭ имеют право беспрепятственного и неограниченного использования и приземления самолетов и вертолетов, включая пилотируемые и беспилотные разведывательные летательные аппараты;

— ЮНМОВИК и МАГАТЭ имеют право по собственному усмотрению подконтрольно изымать, уничтожать или обезвреживать все запрещенные вооружения, подсистемы, компоненты, документацию, материалы и другие связанные с ними средства и право брать под охрану или закрывать любые объекты или оборудование для производства вышеупомянутых средств; и — ЮНМОВИК и МАГАТЭ имеют право на беспрепятственный ввоз и использование оборудования или материалов для инспекций и право изымать и вывозить любое оборудование, материалы или документы, которыми они овладели во время инспекций, без досмотра персонала ЮНМОВИК и МАГАТЭ или официального или личного багажа;

8. *постановляет далее*, что Ирак должен не предпринимать враждебные действия или угрожать такими действиями, направленными против любого представителя или члена персонала Организации Объединенных Наций или МАГАТЭ или любого государства-члена, принимающего меры в соответствии с любой резолюцией Совета;

9. *просит Генерального секретаря немедленно уведомить*

Ирак об этой резолюции, которая имеет обязательную силу для Ирака; требует, чтобы Ирак подтвердил в течение семи дней с момента этого уведомления свое намерение полностью выполнить настоящую резолюцию; и требует также, чтобы Ирак обеспечил немедленное, безусловное и активное сотрудничество с ЮНМОВИК и МАГАТЭ;

10. *просит все государства-члены оказывать ЮНМОВИК и МАГАТЭ полную поддержку в осуществлении ими своих мандатов, в том числе путем предоставления любой информации, касающейся запрещенных программ или других аспектов их мандатов, в том числе о попытках Ирака с 1998 года приобрести запрещенные средства, и путем вынесения рекомендаций относительно объектов для инспекций, людей для собеседования, условий для проведения таких собеседований и данных, которые необходимо собрать, о результатах чего ЮНМОВИК и МАГАТЭ должны докладывать Совету;*

11. *дает указание Исполнительному председателю ЮНМОВИК и Генеральному директору МАГАТЭ немедленно доложить Совету о любых помехах со стороны Ирака в осуществлении инспекционной деятельности, а также о любом невыполнении Ираком его обязанностей по разоружению, включая обязанности, касающиеся инспекций согласно настоящей резолюции;*

12. *постановляет немедленно собраться по получении доклада в соответствии с пунктами 4 или 11 выше, чтобы рассмотреть ситуацию и необходимость полного соблюдения всех соответствующих резолюций Совета в целях обеспечения международного мира и безопасности;*

13. *напоминает* в этой связи о том, что Совет неоднократно предупреждал Ирак, что дальнейшее нарушение им своих обязанностей приведет к серьезным для него последствиям;

14. *постановляет* продолжать заниматься этим вопросом.

Б. Резолюция 1883 (2009), принятая Советом Безопасности на его 6179-м заседании 7 августа 2009 года

Совет Безопасности,

ссылаясь на все свои предыдущие соответствующие резолюции по Ираку, в частности резолюции 1500 (2003) от 14 августа 2003 года, 1546 (2004) от 8 июня 2004 года, 1557 (2004) от 12 августа 2004 года, 1619 (2005) от 11 августа 2005 года, 1700 (2006) от 10 августа 2006 года, 1770 (2007) от 10 августа 2007 года и 1830 (2008) от 7 августа 2008 года,

вновь подтверждая независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Ирака,

особо отмечая важное значение стабильности и безопасности Ирака для народа Ирака, региона и международного сообщества,

высоко оценивая предпринимаемые правительством Ирака важные усилия по укреплению демократии и верховенства права, повышению безопасности и правопорядка и борьбе с терроризмом и межфракционным насилием на всей территории страны и вновь заявляя о своей поддержке усилий народа и правительства Ирака по построению безопасного, стабильного, федеративного, объединенного и демократического государства на основе верховенства права и уважения прав человека,

приветствуя изменения к лучшему в ситуации в области

безопасности в Ираке, достигнутые благодаря согласованным усилиям на политическом уровне и в сфере безопасности, и подчеркивая, что вызовы безопасности в Ираке все еще существуют и что эти изменения к лучшему необходимо подкреплять с помощью конструктивного политического диалога и национального единства,

подчеркивая необходимость того, чтобы все общины в Ираке участвовали в политическом процессе и открытом для всех политическом диалоге, воздерживались от заявлений и действий, способных усилить напряженность, нашли всеобъемлющее решение проблемы распределения ресурсов и справедливое решение вопроса об оспариваемых внутренних границах страны и добивались национального единства,

вновь подтверждая важное значение деятельности Организации Объединенных Наций, в частности Миссии Организации Объединенных Наций по оказанию содействия Ираку (МООНСИ), по консультированию народа и правительства Ирака и оказанию ему помощи и поддержки в деле укрепления демократических институтов, налаживания открытого для всех политического диалога и национального примирения, поощрения регионального диалога, оказания помощи уязвимым группам, включая беженцев и внутренне перемещенных лиц, обеспечения большего равенства между мужчинами и женщинами, содействия защите прав человека и проведения судебной-правовой реформы и подчеркивая важность уделения Организацией Объединенных Наций, и в особенности МООНСИ, первоочередного внимания консультированию народа и правительства Ирака и оказанию

ему помощи и поддержки в достижении этих целей,

обращая особое внимание на усилия МООНСИ по оказанию Независимой высшей избирательной комиссии и правительству Ирака помощи в разработке процедур для успешного проведения выборов в провинциальные органы власти в Ираке в январе 2009 года и выборов в региональные органы Курдистана в июле 2009 года и в подготовке к проведению национальных парламентских выборов в январе 2010 года и подчеркивая важность обеспечения транспарентности, беспристрастности и независимости Независимой высшей избирательной комиссии,

выражая обеспокоенность по поводу вызовов в области прав человека в Ираке, подчеркивая важность реагирования на эти вызовы и в этой связи настоятельно призывая правительство Ирака рассмотреть дополнительные меры по поддержке Независимой верховной комиссии по правам человека,

выражая обеспокоенность также по поводу гуманитарных проблем, стоящих перед иракским народом, и подчеркивая необходимость дальнейшего принятия скоординированных мер реагирования и выделения надлежащих ресурсов для решения этих проблем,

обращая особое внимание на суверенитет правительства Ирака, вновь подтверждая, что все стороны должны продолжать принимать все практически осуществимые меры и создавать механизмы для обеспечения защиты пострадавших гражданских лиц, включая детей, женщин и представителей религиозных групп и этнических меньшинств, и должны создать условия, благоприятствующие добровольному, безопас-

ному, достойному и планомерному возвращению беженцев и внутренне перемещенных лиц, приветствуя взятые правительством Ирака новые обязательства по оказанию помощи внутренне перемещенным лицам, рекомендуя продолжать предпринимать усилия в интересах внутренне перемещенных лиц и беженцев и отмечая важную роль Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев в предоставлении, исходя из его мандата, консультативных услуг и поддержки правительству Ирака в координации с МООНСИ,

подчеркивая важность осуществления резолюции 1882 (2009) Совета Безопасности, в том числе путем назначения в МООНСИ, когда это уместно, советников по вопросам защиты детей,

настоятельно призывая всех, кого это касается, в соответствии с нормами международного гуманитарного права, включая Женевские конвенции и Гаагские положения, предоставлять гуманитарному персоналу полный беспрепятственный доступ ко всем нуждающимся в помощи лицам, создавать ему, по мере возможности, все необходимые условия для проведения его операций и обеспечивать охрану, безопасность и свободу передвижения гуманитарного персонала и персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала и его имущества,

выражая признательность бывшему Специальному представителю Генерального секретаря Стаффану де Мистуре за его работу и эффективное руководство МООНСИ,

приветствуя назначение Генеральным секретарем 7 июля 2009 года Ада Мелкерта новым Специальным представите-

лем по Ираку,

выражая глубокую признательность всем сотрудникам Организации Объединенных Наций в Ираке за их мужество и неустанные усилия,

1. *постановляет* продлить мандат Миссии Организации Объединенных Наций по оказанию содействия Ираку (МООНСИ) на период в 12 месяцев начиная с даты принятия настоящей резолюции;

2. *постановляет* далее, что Специальный представитель Генерального секретаря и МООНСИ, по просьбе правительства Ирака и принимая во внимание письмо министра иностранных дел Ирака от 29 июля 2009 года на имя Генерального секретаря (S/2009/395, приложение), должны продолжать выполнять расширенный мандат, как он определен в резолюциях 1770 (2007) и 1830 (2008);

3. *признает*, что обеспечение безопасности персонала Организации Объединенных Наций является необходимым условием для выполнения МООНСИ своей работы на благо народа Ирака, и призывает правительство Ирака и другие государства-члены продолжать обеспечивать безопасность и материально-техническую поддержку присутствия Организации Объединенных Наций в Ираке;

4. *приветствует* вклад государств-членов в предоставление МООНСИ финансовых и материально-технических ресурсов и поддержки и ресурсов и поддержки в области обеспечения безопасности, необходимых для выполнения поставленных перед ней задач, и призывает государства-члены продолжать предоставлять МООНСИ эти ресурсы и поддержку;

5. выражает намерение пересмотреть мандат МООНСИ через 12 месяцев или раньше, если правительство Ирака обратится с такой просьбой;

6. просит Генерального секретаря ежеквартально докладывать Совету о прогрессе, достигнутом в выполнении МООНСИ всех ее обязанностей; и 7. постановляет продолжать заниматься этим вопросом.

3. По Ирану

А. Резолюция 1696(2006), принятая Советом Безопасности на его 5500-м заседании 31 июля 2006 года

Совет Безопасности,

ссылаясь на заявление своего Председателя S/PRST/2006/15 от 29 марта 2006 года,

подтверждая свою приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия и напоминая о праве государств-участников, руководствуясь статьями I и II этого Договора, развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации,

отмечая с серьезной озабоченностью многочисленные доклады Генерального директора МАГАТЭ и резолюции Совета управляющих МАГАТЭ по вопросу о ядерной программе Ирана, о которых ему докладывал Генеральный директор МАГАТЭ, включая резолюцию Совета управляющих МАГАТЭ GOV/2006/14,

отмечая с серьезной озабоченностью, что в докладе Генерального директора МАГАТЭ от 27 февраля 2006 года (GOV/2006/15) перечислен ряд сохраняющихся вопросов и вызывающих озабоченность проблем, касающихся ядерной

программы Ирана, включая темы, которые могут иметь военный ядерный аспект, и что МАГАТЭ не может сделать вывод об отсутствии в Иране незаявленных ядерных материалов или деятельности,

отмечая с серьезной озабоченностью доклад Генерального директора МАГАТЭ от 28 апреля 2006 года (GOV/2006/27) и содержащиеся в нем выводы, в том числе о том, что после более чем трех лет усилий Агентства по прояснению всех аспектов ядерной программы Ирана сохраняющиеся пробелы в информации продолжают вызывать озабоченность и что МАГАТЭ не может добиться прогресса в своих усилиях по предоставлению гарантий отсутствия в Иране незаявленного ядерного материала и деятельности,

отмечая с серьезной озабоченностью, что, как подтверждено в докладе Генерального директора МАГАТЭ от 8 июня 2006 года (GOV/2006/38), Иран не предпринял шаги, которые были предписаны ему Советом управляющих МАГАТЭ, подтверждены Советом в его заявлении от 29 марта и существенно необходимы для укрепления доверия, и в частности решение Ирана возобновить деятельность, связанную с обогащением, включая исследования и разработки, недавнее расширение им масштабов такой деятельности и его объявления о ней и его продолжающуюся приостановку сотрудничества с МАГАТЭ по линии Дополнительного протокола,

подчеркивая важность политических и дипломатических усилий по поиску решения на основе переговоров, гарантирующего, что ядерная программа Ирана преследует исключительно мирные цели, и *отмечая*, что такое решение будет способствовать ядерному нераспространению в других ре-

гионах,

приветствуя заявление министра иностранных дел Франции Филиппа Дуст-Блази, сделанное от имени министров иностранных дел Германии, Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции и Высокого представителя Европейского союза в Париже 12 июля 2006 года (S/2006/573),

испытывая озабоченность в связи с опасностями распространения, которые представляет ядерная программа Ирана, памятуя о своей главной ответственности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций за поддержание международного мира и безопасности и будучи полон решимости предотвратить ухудшение ситуации,

действуя на основании статьи 40 главы VII Устава Организации Объединенных Наций, с тем чтобы сделать обязательной приостановку, которую требует МАГАТЭ,

1. *призывает* Иран без дальнейшего промедления предпринять шаги, которые предписаны Советом управляющих МАГАТЭ в его резолюции GOV/2006/14 и которые существенно важны для того, чтобы повысить уверенность в исключительно мирных целях его ядерной программы и решить сохраняющиеся вопросы;

2. *требует* в этой связи, чтобы Иран приостановил всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, что должно подлежать контролю со стороны МАГАТЭ;

3. *выражает* убежденность в том, что такая приостановка и полное и проверенное выполнение Ираном требований, установленных Советом управляющих МАГАТЭ, способство-

вали бы дипломатическому решению на основе переговоров, которое гарантировало бы, что ядерная программа Ирана осуществляется исключительно в мирных целях, *подчеркивает* готовность международного сообщества конструктивно содействовать такому решению, *призывает* Иран в соответствии с вышеуказанными положениями возобновить сотрудничество с международным сообществом и МАГАТЭ и *подчеркивает*, что такое сотрудничество будет на благо Ирана;

4. *одобряет* в этой связи предложения Германии, Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции, поддержанные Высоким представителем Европейского союза, относительно долгосрочного всеобъемлющего соглашения, позволяющего развивать отношения и сотрудничество с Ираном на основе взаимного уважения и обеспечения уверенности международного сообщества в исключительно мирном характере ядерной программы Ирана (S/2006/521);

5. *призывает* все государства, чтобы они, действуя в согласовании со своими национальными властями и в соответствии с внутригосударственным законодательством и нормами международного права, проявляли бдительность и предотвращали передачу любых средств, материалов, предметов и технологий, которые могли бы содействовать деятельности Ирана, связанной с обогащением и переработкой и программами по баллистическим ракетам;

6. *выражает* свою решимость повысить весомость процесса МАГАТЭ, решительно поддерживает роль Совета управляющих МАГАТЭ, *высоко оценивает и одобряет* продолжающиеся профессиональные и беспристрастные усилия Генераль-

ного директора МАГАТЭ и его Секретариата, прилагаемые в целях решения всех сохраняющихся вопросов в Иране в рамках Агентства, *подчеркивает* необходимость продолжения МАГАТЭ его работы по прояснению всех сохраняющихся вопросов, касающихся ядерной программы Ирана, и *призывает* Иран действовать в соответствии с положениями Дополнительного протокола и принять без промедления все меры по обеспечению транспарентности, которые может запросить МАГАТЭ для поддержки своих продолжающихся расследований;

7. *просит* Генерального директора МАГАТЭ к 31 августа представить доклад, главным образом о том, осуществил ли Иран полную и окончательную приостановку всех видов деятельности, упомянутых в настоящей резолюции, а также о процессе выполнения Ираном всех шагов, предписанных Советом МАГАТЭ, и вышеприведенных положений настоящей резолюции, Совету управляющих МАГАТЭ и одновременно Совету Безопасности для его рассмотрения;

8. *заявляет* о своем намерении, в случае невыполнения Ираном положений настоящей резолюции к вышеупомянутой дате, принять соответствующие меры на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций, чтобы убедить Иран выполнить настоящую резолюцию и требования МАГАТЭ, и *подчеркивает*, что, если такие дополнительные меры окажутся необходимыми, потребуются дополнительные решения;

9. *подтверждает*, что такие дополнительные меры не будут необходимы, если Иран выполнит настоящую резолюцию;

10. *постановляет* продолжать заниматься этим вопросом.

СБ ООН принял резолюцию по Ирану 9 июня 2010

Совет Безопасности ООН в среду 12-ю голосами «за» одобрил новую резолюцию 1929, предусматривающую санкции в отношении Ирана. По результатам голосования, резолюцию поддержали 12 членов Совбеза ООН, в том числе Россия, две страны (Турция и Бразилия) проголосовали против, одна страна (Ливан) воздержалась, передает «Интерфакс».

Совет Безопасности ООН в среду 12-ю голосами «за» одобрил новую резолюцию 1929, предусматривающую санкции в отношении Ирана.

По результатам голосования, резолюцию поддержали 12 членов Совбеза ООН, в том числе Россия, две страны (Турция и Бразилия) проголосовали против, одна страна (Ливан) воздержалась, передает «Интерфакс».

Новый, четвертый пакет санкций, в частности, предусматривает невозможность иранских инвестиций в некоторые виды чувствительных сфер экономики, например, в урановые рудники. В соответствии с новым пакетом санкций станет невозможной продажа Ирану восьми видов обычных вооружений.

Новый пакет санкций сопровождается тремя дополнениями, в которых перечислены частные лица, предприятия и иранские банки, в отношении которых также будут введены санкции — запрет на поездки и замораживание их активов за рубежом. Кроме того, станет возможным досмотр иранских судов в открытых морях.

Постпред США при ООН Сьюзен Райс, выступая на заседании СБ в среду, заявила, что санкции, предусмотренные новой резолюцией СБ по Ирану, «не направлены против иран-

ского народа».

По ее словам, эти санкции «умные и точные». Она сообщила, что новая резолюция запрещает Ирану развивать активность в сфере чувствительных атомных технологий за рубежом и накладывает новые ограничения на иранский импорт обычных вооружений.

Кроме того, сообщила Райс, новая резолюция ограничивает всю деятельность Ирана, связанную с баллистическими ракетами, которые могут доставлять ядерные боезаряды.

Резолюцией устанавливаются жесткие ограничения, препятствующие приобретению Ираном материалов для производства баллистических ракет.

Кроме того, сообщила постпред США, резолюция предусматривает ограничения для иранских финансовых институтов, в частности иранских банков, которые финансируют и способствуют ядерному распространению.

«Подчеркивается возможная связь между иранским энергетическим сектором и его ядерными амбициями», — сказала Райс.

Документ, разработанный на основе предложенного США проекта, был ранее скорректирован с учетом мнений других стран «шестерки» посредников по урегулированию проблемы иранского атома (РФ, США, КНР, Франция, Великобритания и Германия) и непостоянных членов Совбеза.

Турция и Бразилия ранее дали согласие участвовать в схеме обмена иранского низкообогащенного урана на дообогащенный за пределами страны для нужд Тегеранского исследовательского реактора, однако эта договоренность не смогла стать помехой для принятия новой санкционной резолюции. <http://rus.ruvr.ru/2010/06/09/9465960/<0x000A><0x000A>>

Библиография

Документы

Среди документов и материалов, относящихся к государствам и организациям, расположенных вне зоны БСВ, но игравших либо решающую, либо важную роли в политической судьбе региона, в первую очередь следует отметить таковые из США.

Так, ввиду общеизвестной интенсивной вовлеченностью этой державы в дела БСВ, политическая и иная тематика Залива довольно часто подвергалась обсуждениям в Конгрессе США (как в Палате представителей, так и в Сенате). К данной категории документов можно отнести обсуждения в Комитетах и Подкомитетах Конгресса. В первую очередь использовались материалы Комитетов по международным отношениям Палаты представителей и Сената, доклады для которых готовятся экспертами и компетентными органами для оперативного решения Соединенными Штатами Америки вопросов в отношении государств Персидского залива. Решения Комитетов по международным отношениям становятся основой для принятия законов или иных государственных постановлений Конгрессом, а после утверждения президентом США — руководством для обязательного исполнения всеми правительственными учреждениями США.

Из всего набора законодательных и правительственных

документов США, приведенных в действие в отношении БСВ, мы выбрали наиболее важные для нашей темы и соответствующих временных рамок материалы (естественно из числа тех, которые оказались доступными).

— Слушания в Комитете по внешним отношениям Сената США 28 октября 2003 года на тему: «Иран: угрозы для безопасности и политика Соединенных Штатов». Рассматривались вопросы о программах по разработкам ядерного, биологического, химического оружия и баллистических ракет — предлагалось вести диалог с иранской стороной на жесткой основе. Кроме того, было предложено перейти от режима санкций к прямым действиям, чтобы прекратить поддержку Ираном террористических организаций.

— Слушания в Комитете по внешним отношениям Сената США 20 и 21 апреля 2004 года на тему: «Ирак в переходном периоде: гражданская война или гражданское общество». Рассматривались политические и финансовые меры со стороны США и членов международной коалиции по решению внутренних социальных проблем постсаддамовского Ирака.

Iran security threats and US policy: Hearing before the Committee on foreign relations, US Senate, october 28, 2003. US Government printing Office, Washington: 2004, 81 p.

Iraq transition: civil war or civil society? Hearing before the Committee on foreign relations, US Senate, april 20. 2004. US Government printing Office, Washington: 2004, 81 p.

Iraq transition: civil war or civil society? Hearing before the Committee on foreign relations, US Senate, april 21. 2004. US Government printing Office, Washington: 2004, 74 p.)

Вторыми по значимости из источников внерегионального происхождения после документов Конгресса США являются материалы Совета Безопасности ООН. К ним относятся резолюции, доклады и обсуждения по проблемам Персидского залива и его государств. Из этого числа для настоящей темы наиболее важными представляются следующие документы/см. библиографию №№ 20-26/:

— Резолюции и решения СБ ООН в период с 01.01.2001 по 31.07.2002 г. по отношениям между Ираком и Кувейтом, а также по политической ситуации в Афганистане.

— Резолюция № 1368 СБ ООН от 12 сентября 2001 года выражает решимость всеми средствами бороться с угрозами для международного мира и безопасности, вызываемыми террористическими актами, и продолжать заниматься этой проблемой, и в том числе в Афганистане.

— Резолюция № 1373 СБ ООН от 28 сентября 2001 года, подтвердив свои резолюции № 1269 от 19 октября 1999 года и № 1368 от 12 сентября 2001 года, призывает, чтобы все государства в дополнение к международному сотрудничеству принимали дополнительные меры с целью предотвращения и пресечения на своей территории, с использованием всех законных средств, финансирования и подготовки любых актов терроризма.

— Резолюция 1378 СБ ООН от 14 ноября 2001 года, подтверждающая свои предыдущие резолюции по Афганистану, в частности резолюции 1267 (1999) от 15 октября 1999 года, 1333 (2000) от 19 декабря 2000 года и 1363 (2001) от 30 июля 2001 года, рекомендует государствам-членам ООН поддерживать усилия по обеспечению охраны и безопасности

в районах Афганистана, более не находящихся под контролем «Талибана», и в частности по обеспечению уважения Кабула как столицы для всего афганского народа.

— Резолюция № 1441 СБ ООН от 8 ноября 2002 года, ссылаясь на все свои предыдущие соответствующие резолюции и заявления своего Председателя, а также на свою резолюцию 1382 (2001) от 29 ноября 2001 года, и признавая угрозу, которую представляют собой невыполнение Ираком резолюций Совета и распространение оружия массового уничтожения и ракет большой дальности для международного мира и безопасности, постановила предоставить Ираку последнюю возможность выполнить свои обязанности по разоружению согласно соответствующим резолюциям Совета.

— Резолюция № 1696 СБ ООН от 31 июля 2006 года, ссылаясь на заявление своего Председателя S/PRST/2006/15 от 29 марта 2006 года, подтверждая свою приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия и напоминая о праве государств-участников, руководствуясь статьями I и II этого Договора, развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации, но отмечая свою серьезную озабоченность в связи с многочисленными докладами Генерального директора МАГАТЭ и резолюции Совета управляющих МАГАТЭ по вопросу о ядерной программе Ирана, о которых ему докладывал Генеральный директор МАГАТЭ, включая резолюцию Совета управляющих МАГАТЭ GOV/2006/14, потребовала, чтобы Иран приостановил всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, что должно подлежать контролю со стороны

МАГАТЭ.

— Резолюция № 1883 СБ ООН от 7 августа 2009 года, ссылаясь на все свои предыдущие соответствующие резолюции по Ираку, в т. ч. резолюции № 1500 от 14 августа 2003 года и № 1830 от 7 августа 2008 года, а также подтверждая независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Ирака, особо отмечая важное значение стабильности и безопасности Ирака для народа Ирака, региона и международного сообщества, постановила продлить мандат Миссии Организации Объединенных Наций по оказанию содействия Ираку (МООНСИ) на следующий период в 12 месяцев.

К следующей — «смешанной» — группе источников относятся следующие: документы Посольства США в Тегеране (они были обнаружены в ноябре 1979 года захватившими штурмом это посольство сторонниками имама Хомейни, и в дальнейшем опубликованы правительством Исламской Республики Иран). В этих материалах содержится весьма богатая информация о политической жизни и международных отношениях всех государств Персидского залива и Среднего Востока, а также о деятельности американской дипломатии и спецслужб США; документы о создании и деятельности Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ); двусторонние межгосударственные соглашения и другие акты между странами региона и этих стран с США и европейскими державами; отчеты и заявления государственных учреждений стран Персидского залива о важнейших аспектах международных отношений внутри региона. Так, в составе последнего из вышеприведенных пунктов весьма интересной была подборка статей и матери-

алов в сборниках: 1) лондонских «Безопасность в Персидском заливе», «Безопасность Персидского залива», «Советско-американские связи с Пакистаном, Ираном и Афганистаном» и 2) нью-делийском «Известия иностранных дел», которые по сути были подготовлены главными государственными внешнеполитическими ведомствами Англии и Индии.

В настоящей работе в определенной степени были использованы документы Российской Федерации о внешнеполитической деятельности страны на БСВ, а также материалы из решений Организации исламской Конференции и Лиги арабских государств, касающиеся событий и проблем региона.

Монографии, коллективные исследования и статьи. *Советские и российские издания.*

Александров А. А. «Монархии Персидского залива: этап модернизации», М., 2000.

Арунова М. Р. «Афганская политика США в 1945-1999 гг.», М., 2000.

«Афганистан в начале XXI века» (сборник статей), М., 2004.

Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен» (сборник статей), М., 2006.

Белоногов А. М. «МИД. Кремль. Кувейтский кризис», М., 2001, 415 с.

Вавилов А. И. «США и Большой Ближний Восток. Время Б. Обамы», М., 2012, с. 265.

Егорин А.З. «Свержение Муаммара Каддафи. Ливийский дневник 2011-2012 гг.», М. 2012, с 24.

«Иран после парламентских выборов» (сборник статей), М., 2004.

Исаев В.И., А.О. Филоник А.О. «Султанат Оман», М., 2001, «Кувейт: контуры экономических перемен», М., 2003, «Королевство Бахрейн», М., 2006.

Киссинджер Г. «Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века», М., Ладомир, 2002.

Косач Г.Г. «Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990-2006)», М., 2007.

«Крушение саддамовского Ирака и реакция стран Азии» (сборник статей), М., 2003.

Кузьмин В.И. «К вопросу о модели региональной безопасности на Ближнем Востоке (1990-е — 2002 гг.), автореф. дисс. к. и. н., М., 2003.

Медведко Л.И. «Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций», М., 2003.

Мелкумян Е.С. «ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах», М., 1999, «Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество», М., 2008.

Модестов С.А. Геополитика ислама. — М.: Молодая гвардия, 2003.

Мусин М. и Эль-Мюрид «»Сирия, Ливия далее везде! Что будет далее с нами», М., 2013, сс. 126-127, 150.

Олимпиев А.Ю. «Геополитические перемены на БСВ в 80-90-е годы и политика США», М., 2002.

Панкратьев В.П. «Арабо-израильские отношения в контексте ближневосточного конфликта в 1980-1990-е годы», М., 2009, 197 с.

Примаков А. Е. Персидский залив. Нефть и монополии. М., 1983, 160 с.

Примаков Е. М. История одного сговора. М., 1985, 319 с.

«Роль и место Ирана в регионе» (коллективная монография), М., 2007.

Саруханян С. Н. «Ядерный фактор в российско-иранских отношениях», М., 2007.

«Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии» (сборник статей), М., 2003.

Р. Р. Сикоев «Талибы (религиозно-политический портрет)», М., 2002.

Слинкин М. М. «Ирано-иракская война 1980-1988 гг.: борьба на море», Симферополь, 2001.

Хамидов З. Ш. Иран и Ирак: противоборство и сосуществование // Сб. ст. «Республика Ирак в системе международных отношений (80-е гг. XX в. — начало XXI в.). — М., 2000.

В. П. Юрченко Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX — начало XXI века. Справочно-аналитическое издание, части 1 и 2, М., 2007.

Яковлев А. И. Саудовская Аравия: пути эволюции, М., 1999.

Публикации зарубежных авторов и учреждений

Bahgat Gawdat. The Iraqi crisis in the New Millenium: the prospects// Asian Affairs, vol. 1, XXXI, Part II, june 2000.

«Diplomacy in the Middle East» (ed. by L. C. Brown) L., N. Y., 2004, p. 305.

«Iraq War 2003. Rise of the New «Unilateralism», New Delhi,

2003.

Mirza Tahir Ahmad Hazrat, *The Gulf Crisis & The New World Order*, International Publications Limited Islamabad, Sheephatch Lane, Tilford, Surrey, UK, 1992, 396 p.

Sherard Cowper-Coles, *Cables from Kabul. The inside story of the West's Afghanistan Campaign*, — Harper Press, 2011, 324 p.

Lindsey Hilsum, *Libya in the Timerof Revolution*, — faber and faber Ltd (London), San storm, 2012, 288 p.

Patric Hennessey, Randak. *Fighting with Afghans*, — Pingyin books, 2012, 377 p.

Samor Yazbek, *A Woman in the Crossfire. Diaries Of the Syrian Revolution*, — Haus Publishing, London, 260 p.

Tariq Ramadan, *Islam, the West and the Challenges of Modernity*, — The Islamic Foundation, UK, Markfield, Leicester 2009/1430 H., 352 p.

Abu Jade Isa Michael Tofte, *Problems Muslims Face in Today's World*, — Riyadh (Saudi Arabia), English Edition, 2011, 239 p.

Периодические издания

Азия и Африка сегодня, М.

Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ), М.

Ведомости, М.

Завтра, М.

За рубежом, М.

Зарубежное военное обозрение, М.,

Известия, М.

Коммерсант — Daily, М.

Коммунист, М.

Континент, Алматы (Казахстан).
Красная звезда, М.
Международная жизнь, М.
«Мир России», М.
Мировая экономика и международные отношения, М.
Московские новости, М.
Moscow times, М.
Народы Азии и Африки, М.
Независимая газета, М.
Новое время, М.
Правда, М.
Проблемы мира и социализма, Прага.
р/ст. «Свобода».
РБК daily, М.
ТВ «Вести», «ОРТ», «Столица», М.
Финансовые известия, М.
«Эхо планеты», М.
Africa-Asia, Paris.
Arab times, Kuwait.
London lite, L.
BP statistical Review of World Energy.
Chicago tribune, USA.
Christian Science monitor, Boston (USA).
Voice of America, радиостанция Правительства США.
. Daily Telegraph, L.
Eco of Iran, Tehran.
Economist, L.
Figaro, Paris.
Financial times, L.

Far Eastern economic review, Gonkong.
Indonesia times, J.
International Herald Tribune, Paris.
Iran business monitor, Tehran.
Keyhan international, Tehran.
Kuwait times, Al-Kuwait.
Kwick, Munhen.
London lite.
Los Angeles times, USA.
Middle East, L.
Middle East economic digest, L.
Middle East International.
Le monde, Paris.
Le monde Diplomatic, Paris.
The Nation daily (англо-пакистанское издание), L.
New African.
Newsweek, N-Y.
The New York Times, USA.
Hindustan times, Dehli.
OPEC bulletin, Vienna (Austria).
Panorama, Milan.
Petroleum economist, L.
Reuters, L.
Spigel, Bonn.
Stern, Germany.
Tehran times, Tehran.
Time, N-Y.
US news and world Report, Washington.
The Wall Street journal, N-Y.

The Washington post, Washington.
Алефба, Багдад.
Аль-Араби, Кувейт.
Аль-Баболь, Багдад.
Аль-Баян, ОАЭ.
Аль-Джазира,
Аль-Кувейт, Кувейт.
Аль-Мустакбаль, Париж.
Аль-Рай аль-Амм, Кувейт.
Аль-Халидж, ОАЭ.
Аль-Хаят.
Ат-Таавун.
Аль-Эттехад, ОАЭ.
Аш-Шарк аль-Аусат, Бейрут.
Аяндеган, Тегеран.
Бамдад, Тегеран.
Бурс, Тегеран.
Джомхурие ислами, Тегеран.
ИРНА (Информационное агентство правительства ИРИ).
Кейхан, Тегеран.
Кейхане хаваи, Тегеран.
Кешм пресс, ИРИ.
Третий взгляд (Негахе севвум), издание Посольства ИРИ
в РФ.
Эттелаат, Тегеран.
Аму-Дарья (иранский журнал по изучению Центральной
Азии и Кавказа), Тегеран.
Центральная Азия и Кавказ (журнал социально-
политических исследований), Швеция.

Электронные средства (Интернет)

www.imperative.net; rostfond@nursat.kz Американская арабская стратегия.

ISLAMRF. RU.

www.barichtv.ru/public/oon7.htm Идеология и политика. ООН и мировая политика, 1945-2005. ООН сквозь призму кувейтского кризиса и агрессии США против Ирака.

«LIGA ONLINE», 11.02.2003

www/news.bbc.co.uk, 09.12.2002.

www.usinfo.ru/iraq.htm.

Мировой социалистический Веб Сайт 4-го Интернационала.

РИА «Новости», Википедия — Свободная Энциклопедия. Война в Афганистане (2001 г. — по н/в), 09.09.2008.

ИА REGNUM.

AP TheWestEast, 01/05/2009, рубрика: Америка за неделю.

Сайт президента РФ.

Время Востока.

Афганистан. Ру,

Фергана. Ру, 17.08.2009.

Неоnomad/Неономадика/, Казахстан. Раздел Центральная Евразия, 09.08.2009.

Lenta.ru, 28.10.2009.

Washington Profile, 08.08.2002 (www.washprofile.com/ru).

www.rpmonitor.ru/ru/detail_m.php, 13.11.2006.

(Endnotes)

1 <http://subscribe.ru>, из-во «Гелион», 2012

2 <http://subscribe.ru>, из-во «Гелион», 2012

Шарипов Урал Зиятудинович

Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии

Компьютерная верстка Р. Р. Гумеров

Подписано в печать 04.07.2013 г. Формат Усл. печ. л. 16.

Тираж 100 экз. Заказ № 242

Отпечатано ООО «Полиграфдизайн»

450096, Уфа, Комсомольская, 122Б

Тел.: +7 (347) 237-10-24